VISIT…

Соколов Дмитрий Юрьевич
Психогенные грибы
От автора, злокосноязычествующего поневоле

> «Начнем с начала, как советует Червонный Король... И даже немножко раньше: с названия. «Приключения Алисы в Стране Чудес»... Будь моя воля, я бы ни за что не назвал так эту книжку. Такое название, по-моему, только сбивает с толку. Нет, будь моя воля, я назвал бы книжку, например, так: «Аленка в Вообразилии». Или «Аля в Удивляндии». Или «Алька в Чепухании». Ну уж, на худой конец: «Алиска в Расчудесии». Но стоило мне заикнуться об этом своем желании, как все начинали на меня страшно кричать, чтобы я не смел. И я не посмел!» Борис Заходер, «ГЛАВА НИКАКАЯ» в пересказе «Алисы в стране чудес».

Название книги, которую вы держите в руках, крайне условно. Я никогда раньше не слышал такого сочетания слов. Когда я задумывал эту книгу, я придумал: «Прекрасные грибы». Когда писал, я писал «Волшебные грибы». Когда читал, чаще всего встречались «галлюциногенные грибы». Когда я рассказывал кому-нибудь о них по-русски, я деликатно говорил «психоактивные»... Когда говорил по-английски, получалось «магические грибы», когда по-испански — «священные»...

«Жопа есть, а слова нету!» Вот ведь как! Язык наш придумывался для этого мира и обозначать им то, что там,— дело трудное. Удивляндия, Чепухания, Галлюциногения... Всё это мило и всё не то.

«Галлюциногенные» — плохое слово, в самом прямом смысле. Грибы не вызывают галлюцинаций. Практически всегда «под грибами» человек знает, где «обычная» реальность, а где — видения. В случае настоящих галлюцинаций (в психиатрическом смысле) человек не способен на такое различие. Дополнительная нагрузка слова «галлюцинации» — «нереальное», «то, чего нет на самом деле» — вообще никуда не годится. Тем и прекрасны грибы, что показывают мир таким, какой есть. Эта спорная точка зрения, я знаю, но в моей книге это так.

Безобидные названия типа «волшебные», к сожалению, пролетели из-за своей аморфности, так как ничего толком не обозначают.

Еще одно «принятое» слово тоже не ложится «под перо». Я имею в виду слово «психеделический». И заметьте, пожалуйста, что в этой книге, как и английском оригинале, там «е», «психе-», а не «психо-»! С «психо-» начинаются психиатрические термины, все эти ужасы-психопатологии, а «психе-» — это «душа», «психея» (сколько слов перепорчено! ведь «психический»—это же, в сущности, «душевный», но — увы). Я знаю, что корень один и что эта жалкая попытка увернуться от тяжелой поступи психиатрии (то есть на самом деле — от отношения общества к психике) не уживется в языке. «Психеделический» означает, по идее, «mind manifesting», «показывающее, проявляющее разум». Задумано это было так, но уже в конце шестидесятых слово было настолько связано с наркоманской культурой, что его не хотели использовать ни ученые, ни те, кто хотел вложить в слово «священный» смысл. Аминь. К тому же слышится мне в этом слове «delete» — «уничтожать», и это тоже совсем не в струю.

Что же осталось? То название, которое «встало во главу», по мне, тем и хорошо, что более-менее «чисто», подальше от всяческих ассоциаций. «Психогенными» в медицине называют вещи, причина которых лежит в психической деятельности, в работе разума и эмоций. Вот и хорошо. «Психо-» — это по-прежнему «душа», «ген» — «порождать». Грибы не порождают душу, упаси боже, но все-таки часто «пробуждают». Как вам «психобудные грибы»? Мне так уже тошно. Я совсем не претендую на создание нового термина. «Видно, сильно превысил свою роль свинопас...»

Что я вам скажу: нет в культуре — нет в словаре.

Есть еще такое умное слово — «компостер».

Предисловие в форме проповеди
ЖИВОЙ МИР

1. ОБЕЗВОЖЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Как живется вам с другою?
Проще ведь? Удар весла...»

«Чадо мое», — говорит мне Господь. Я поднимаю голову. Здесь, на горе, облака часто носятся около, будто клочья дыма. «Они говорят, что Тебя нет», — говорю я. Облака несутся мимо, не слушают.

Я раньше жил, постепенно умирая. Я имею в виду, что с течением жизни в ней было все меньше живого. Живой мир—это тот, в котором есть свой собственный смысл. Этим мама отличается от банки шпрот: мама живая, и в ней есть смысл, а в банке шпрот практически нет. То есть совсем немножко есть, когда голоден. Все равно: шпроты съел, банку выкинул.

Вначале так много было живого... Потому что мало мертвого. Помню, таскал с собою солдатика, с гранатой и ружьем. Вот ведь — пластмассовый (красный такой), а важный. Я его таскал, доставал, он шел в бой, нас было двое, оба живые.

Ну хорошо, не стало солдатика... Помню, придумал целый мир. В нем было так много прекрасных героев (все старшие, сильные, особенные мальчишки). Он жил, конечно, это был живой мир. Там все время что-то случалось. Помню, один из них, по кличке Волк, был ранен. Помню, только однажды рассказал об этом мире своему приятелю. Мы шли по парку, нас было двое. Он был живой.

Хорошо, этот мир ушел, куда-то делся, я от него, он от меня. Вроде я рос. Помню, заморил (случайно) ежика. Он умер. Так я понял, что он был живой. Меня просто рвануло изнутри. Из нас двоих я остался жив. Значит, я мог что-то делать? Я пошел в юннаты.

Потом (не сразу) оказалось, что животные состоят из органов и тканей, те из клеток, те из сложных молекул. Вначале я занимался животными, потом их поведением, потом — нервными клетками, потом — генами у них внутри. Что такое заниматься генами? Стоишь, переливаешь из одной стеклянной колбы прозрачную жидкость в другую, пластмассовую. Ничего живого. Когда я очухался, умерло уже очень многое.

Книги — интересные, но неживые. Идеи, фантазии — понятно. Здания (московские) — ну это уже мертвее некуда. Люди... Люди...

2.ОБЪЕКТ В РЯДУ СУБЪЕКТОВ

«Сказал Гертруде: «Прощай, Августа!», кивнул, пригладил вихор и вышел во двор — там пусто...»

Я пришел сюда по двум дорожкам. По одной я шел так: ночью, по пустынным улицам, я возвращался откуда-нибудь, где мне было пусто. Например, со дня рождения. Я вращался среди людей, а душа голодала. Не то чтобы они были неживые, я так не думал. Но ничего живого не происходило. Происходило понятное и предсказуемое. Мы поворачивались друг к другу механическими сторонами: один острил (одинаково), другой рассуждал (приходя к одному и тому же), третий был я, и я много раз уходил пустым по пустынным улицам. Я бы не знал, что эти улицы живые, если бы мне моя подруга не написала:

Мой город под твоим окном—

Смотри, не наступи случайно!

Я почти не понимал, что она имела в виду, но помнил.

По другой дорожке я шел, понимая, что я образую связи с людьми по очень определенным каналам, в очень определенных сюжетах и что эти сюжеты устойчивее нас. На смену одной подруге может прийти другая, и будет то же самое. Я давно уехал от родителей, но все время попадались то мамы, то папы. Большинство этих отношений не допускали особых вариаций — я имею в виду эмоциональных. Если ты мне это — я тебе обиду. Тогда ты — вину, тогда я...

Ну вот, я добрался до объектных отношений.

В какой-то момент мне казалось, что дальше некуда. Теперь и люди были не совсем живые, потому что они были слугами сюжетов, а ведь сюжеты мертвые? А разве есть такой сюжет, такая сказка, чтобы живой человек служил мертвецу? Нет, значит, и живых человеков...

Но это было еще полбеды. Страшно, обидно, плохо, когда понимаешь, что Объектная мама давно заслонила живую, и до живой не знаешь, как достучаться. Но любую смерть, любую мертвечину можно пережить, пока сам живой. Понимаете? Сам живой — значит, имеешь смысл, просто так, сам по себе, значит, что-то может случиться, неизвестно что, стерпится, слюбится, придет весна...

А потом я понял, что отношусь к себе, как к объекту в ряду объектов.

3.ОСМЫСЛЯЮЩИЕ МАНИПУЛЯЦИИ

«Вещь можно грохнуть, сжечь, распотрошить; сломать...»

Недавно, в трипе[1], моя подруга просила меня доказать ей, что я живой. Я смеялся над ней: я был духом, мне было все равно. Мне даже казалось, что я понимаю, что с чем она путает.

Банка шпрот неживая. Она не имеет смысла, помимо того, что ею можно проманипулировать — произвести операцию — и внести ее под сень своего смысла, и только тогда, уже исчезая, она реализуется. Поэтому ею можно торговать, оптом, в розницу, она имеет цену в деньгах, а деньги неживые.

Хотя деньги имеют смысл.

Подождите, подождите до следующей главы!

Банка шпрот неживая. Ее смысл — это манипуляции над ней. Камень неживой, вот разве что его можно обтесать, и давайте об этом попросим ювелира. Вы знаете, кто такой ювелир? Это такое существо, которое обтесывает камни. Манипулировать им просто: он запускается деньгами...

Круг не замыкается — ха! Нет, это только раскрутка. Камень имеет смысл, если его обработает ювелир, ювелир имеет смысл, если обработает камень. Курица имеет смысл, если ее съедят, и поэтому ее выращивают в специальной клетке, и кормят такими шариками, которые делают из зерна (которое тем самым приобретает смысл). А вот комары не имеют никакого смысла!

4.МЕЩАНСКИЙ БОГ

«Бог не свалился с небес на голову»

Не сердитесь на меня, я романтик, это просто способ описания. Если сказать, что двумя влюбленными управляют гормоны (неживые) — это один способ описания; а можно сказать, что ими управляет Афродита, и это примерно то же самое. Можно сказать, что людьми управляют социальные законы, но в таком языке я не силен. Я и придумал: Мещанский Бог. Двумя влюбленными управляют гормоны, но Мещанский Бог сильнее гормонов. Он управляет

[1] Это слово будет мелькать во всей книге. Этим словом, которое по-английски означает «путешествие», удобно называть то особое состояние психики, которое длится несколько часов после приема грибов, ЛСД и ряда похожих растений и веществ.

всеми банками шпрот и всеми курицами на Земле. И служащий ему получает эти объекты в награду за служение. Не слишком высокопарный язык? (Все боюсь). Вот Афродита, это такая идея, называется — богиня. Она обозначает сюжет, это такой процесс, в который попадают люди. Этот процесс описуем, он вполне определенен. Известно, что служащего ей она наделяет сверхценной привязанностью к другому человеку плюс очень большой энергией для преодоления преград между собой и этим человеком. Известно, как ей служить: в жертву приносится здравый смысл. Известны границы ее власти: она правит недолго, от вспышки до остывания.

А вот Мещанский Бог. Известно, что служащего ему он наделяет местом в обществе, признанием, едой; он обещает стабильность, то есть предсказуемость будущего. Известно, как ему служить: глас его пророка — общественное мнение. Известно, что он требует в жертву: индивидуальность, игру, экстаз, талант. (Другими словами, он ревнив к другим богам и хочет собою заменить для своей паствы их всех). Известны границы его власти: город (а не джунгли), многоэтажный (а не сумасшедший) дом. В святцы его трудно не заглянуть, проходя по улице. Он любит деньги. Деньги он любит. Комары же не имеют никакого смысла и подлежат истреблению.

5.ПЛОХО СОВМЕСТИМЫЕ МЕТАФОРЫ

На самом деле это страшно интересная идея: истребить всех комаров. Комары — это анти-банкашпрот. Банка шпрот подлежит размножению в мире Мещанского Бога. Она хорошая, безопасная, неживая. Комары, бляди, живые. Получаются две плохо совместимые метафоры.

Когда две метафоры плохо совмещаются, образуется сюжет их отношений. Венера и Марс далеки друг от друга, хотят разного и т. д. Тем не менее, они существуют в одном мире. Тогда они образуют отношения. Конкретно, они: а) делят паству; б) крутят друг с дружкой роман; в) создают идеальные (хотя и довольно примитивные) культы друг друга, откуда «Любят женщины военных» и наоборот.

Когда две метафоры плохо совмещаются, многое может произойти. Они делятся, борются, пополняются, приковывают кого могут к кресту или скалам и образуют мир.

Жизнь и смерть — плохо совместимые метафоры на первый взгляд, но достаточно посмотреть на траву, чтобы запутаться.

Мещанский Бог и душа — плохо совместимые метафоры.

Это, пожалуй, самое печальное, что я хотел сказать здесь.

Нет, вот, пожалуй, еще похуже: Мещанский Бог не хочет отношений с соперниками. Он хочет их подчинения и истребления.

Антикомарин — создание святого Панасоника.

6.

В живом мире облака и комары живые не потому, что я оживляю их, очеловечиваю или символизирую. Они сотканы из той же материи, что и я (это и увидела моя подруга в трипе, но перепутала термины). Они живые, поскольку жив я, к ним обращенный. Я жив, поскольку между мной и живым миром невозможно провести долгоживущую линию. Я знаю, что от проведения этих линий мертвеет моя душа, и мир быстро мертвеет, и у меня нет психических возможностей не умереть при этом самому, не стать объектом в собственных же стеклянных, плачущих глазах. Духовных возможностей нет тем более.

Потому что Бог — это возможность сказать миру «Ты».

Глава 1
КУСОЧЕК ИСТОРИИ, ОБРОСШИЙ ФИЛОСОФИЕЙ

«Открой, душенька, ротик, и я положу тебе этот кусочек...»

1. История того, как грибы пришли к нам, описана многократно, но поскольку я всегда читал о ней не по-русски и она действительно интересна, я расскажу ее хотя бы коротко и своими словами.

В середине XX века американец мистер Гордон Вассон был вице-президентом крупного банка Морган (насколько я понимаю, это крутое положение на Wall Street и куча денег). Сын священника, он был настолько хорошо образован и производил на окружающих такое впечатление джентльмена и интеллигента, что я, например, почему-то долго считал, что он был англичанином. Нет — он вырос в Нью Джерси и жил в Коннектикуте, хотя подолгу, целые годы, жил в Англии, Аргентине и Западной Европе. В конце двадцатых годов он женился на Валентине Павловне, нашей, из России. Она была врачом-педиатром. Легенда гласит, что одна из первых семейных ссор в их семье легла в основу науки этномикологии. На прогулке Валентина Павловна бросилась собирать грибы, что для Вассона было так же омерзительно, как если бы она стала собирать пауков или пиявок. Он ей строго — он вообще был человеком повелительным — сказал прекратить. Она же, наоборот, смеялась над его страхами, ужасно радовалась находке, называла грибы по именам, а потом принесла целую сумку их домой, где часть приготовила для еды (!), а часть засушила для красоты (!). Ела она их в одиночку, а ее бедный муж, уже перестав спорить, лег спать, приготовившись проснуться вдовцом (это был их медовый месяц, кстати). Наутро он все же сумел переключиться в позицию наблюдателя и поразиться тому, какие разные эмоции пробуждают грибы у представителей разных культур. Вассон стал изучать вопрос дальше и в результате оживил слова «микофобы» и «микофилы», разделив разные культуры на те, которые грибов боялись и заранее считали их ядовитыми и «нечистыми» (например, англичан) и те, которые с грибами дружили (например, русских). Гордон Вассон пошел дальше этого простого наблюдения. Те народы, которые с грибами дружили (те же мы, к примеру) имели в своих языках следы удивительной любви и уважения к грибам. Уменьшительных суффиксов «маслят» и «опят» не имеют названия никаких растений — это прерогатива детенышей людей и животных. Вассон разыскал, что во многих областях России говорят не «найти груздь», а «найти груздя» — то есть применяют одушевленный вариант винительного падежа, присущий опять же только людям и животным. Не надо было быть также большим лингвистом, чтобы в корне слова «поганки» увидеть «pagan», «язычник». Вассон заподозрил, что и крайняя любовь, и крайняя нелюбовь — две стороны одной и той же медали, последствия чего-то более значительного в истории, чем один из видов еды. «Я не помню, кто из нас, я или моя жена, тогда, в сороковые, впервые решились облечь в слова предположение, что наши собственные предки где-то 4000 лет назад

поклонялись священным грибам»[2].

Все их идеи и разыскания изначально предназначались к опубликованию всего лишь в качестве комментария к книге, которую писала в основном Валентина Павловна. Книга называлась «Mushrooms, Russia and History» («Грибы, Россия и история») и посвящалась, в общем-то, кулинарии. Но комментарий постепенно перерос собой весь остальной текст, и изучение взаимоотношений людей и грибов стало главным хобби супружеской пары. Литературные изыски породили обширную переписку, а затем желание увидеть хоть что-нибудь своими глазами. Они хотели бы, конечно, поехать к сибирским шаманам, которые, как это было известно, употребляли в своих практиках мухоморы (Amanita muscaria), но этого, по очевидным причинам, Вассоны сделать не могли.

Теперь всегда, когда говорят про открытие, стоит иметь в виду, что это популистское слово. Многие исследования сегодня показывают, что про психоактивное использование грибов знали и в XIX веке, и в XX, и в Европе, и в Америке. К тому же был достаточно хорошо известен пейот, занимающий у многих индейских культур похожее на грибы место. Просто это никого особенно не интересовало. Очень вероятно, по-моему, почти наверняка, — что те, кого это интересовало, принадлежали к «эзотерическим» меньшинствам, и с «непосвященными» не делились, а чаще всего и не с кем им было делиться.

Одним из околознающих людей был профессор Шульц (Richard Evans Schultz), славное имя, фактический родитель этноботаники. Правда, он всю жизнь занимался Амазонкой, а там были свои священные растения (не грибы). Можно сказать, что это он направил внимание Вассона в сторону южной Мексики, хотя у того были и другие источники. Короче говоря, честь и хвала Гордону Вассону, что он не стал, сидя в кабинете, описывать свои теории и историко-лингвистические изыски, а в 1953 году отправился в экспедицию в Мексику со своей женой. На свои деньги. И в 1954 году. И в 1955-м.

2. «А в это время...» А в это время — как и сотни (и тысячи, думаю я) лет назад — в южном штате Оахака, в одном из самых «индейских» и «неразвитых» штатов Мексики, в высоких горах Sierra Mazateca, грибы были частью религиозной практики

индейцев - мацатеков. Мацатеки жили в нескольких «деревнях», одной из главных была Хуаутла (Huautla de Jimenez) — скорее город по размерам. И в Хуаутле жила женщина примерно одного с Вассоном возраста. Жила очень бедно. Ее отец однажды, еще до ее рождения, работал на поле и разжег костер, с которого ветер сорвал горящую листву и ею поджег несколько растений кукурузы на соседнем поле. Отец быстро затушил огонь, всего несколько растений сгорели, но он знал, что урожай священен, потому что кукурузу охраняет Бог Грома, и что теперь его ждет наказание. Его отец и его дед были «мудрыми людьми», они лечили других, получая видения в общении с «маленькими святыми», грибами. Никому ничего не говоря, он тоже пытался получить прощение от Бога Грома с помощью грибов, но ничего не вышло. Через какое-то время его отец «увидел» это и пришел к нему, сказав: «У меня плохие новости для тебя. Ты вызвал гнев Бога Грома, и он превратит тебя в индюшку». Он решил не сдаваться, женился, но через пару лет заметил маленькие гнойнички в области сосков. Постепенно они распространились по всей груди и полезли на шею, охватывая ее красным кольцом. Он умер, «став индюшкой». Его дочери, Марии Сабине, было тогда около трех лет.

Ее мать с нею и с новорожденной второй дочкой переехала к своему отцу, который разводил шелковичных червей и прял шелк. Там и выросла Мария Сабина. Чтобы ухаживать за червями, вся семья вставала еще до рассвета и начинала работать при свечах. Девочка и ее сестра, естественно, работали вместе со всеми. Когда они чуть-чуть подросли, подросли и обязанности—девочки стали пасти в окрестностях пару коз и несколько куриц.

---

[2] Robert Gordon Wasson. «Hallucinogenic Mushrooms of Mexico»

Однажды (ей было пять-шесть-семь лет, там не следят за календарным возрастом) заболел дядя Марии, и для его лечения пришел «мудрый человек». Вместе с дядей он ел грибы, и затем всю ночь очень красиво пел. Маленькая Мария слушала. Ей очень понравилось пение. Грибы, которые они ели, она множество раз видела на поле и в лесу. Через несколько дней она нашла их и сказала: «Если я съем тебя, и тебя, и тебя, я знаю, вы сделаете так, что я буду прекрасно петь». Она съела несколько грибов сама и дала несколько своей младшей сестре. Вначале им было страшно, но затем стало хорошо. Они стали есть грибы довольно часто, особенно когда бывали голодны. «Я знала, что Бог живет везде вокруг, и грибы делали меня ближе к нему, и я ела грибы и молилась»[3]. Дед или мать иногда даже забирали их из леса, где, съев грибы, они лежали или стояли на коленях, но детей за это никогда не ругали, потому что человека нельзя ругать, когда он путешествует среди духов.

В какой-то момент за Марией «пришли» (ей было около 14 лет), и ее сразу выдали замуж. Муж был хорошим человеком, не пил, торговал нитками (он пешком ходил в Кордобу и обратно с товаром[4]). Дважды он отсутствовал по нескольку месяцев (участвовал в Мексиканской революции). Она родила от него троих детей. Единственным его недостатком была любвеобильность, и в их доме не раз жили другие его подруги. Он заболел и умер, когда был в доме у другой женщины, и его деньги с товаром достались той, другой.

Все время, пока она жила с ним, грибы она не ела, потому что их нельзя есть, когда живешь половой жизнью (у мужчин от этого гниют яички, а женщины сходят с ума). Вскоре после смерти мужа у Марии заболел низ живота и бедра, и чтобы вылечить себя, она ела грибы. И вылечилась. Потом через какое-то время заболела ее сестра, и это были очень сильные боли в животе, так что всем казалось, что сестра умирает. Мария дала немного грибов сестре, а затем сама съела множество их — столько, сколько не ела раньше никогда. Грибы показали ей, что делать с сестрой: она сильно массировала ее живот, и вытекло много воды и крови, как будто та рожала. Потом, наконец, сестра заснула, но Мария заснуть не могла, и грибы продолжали посылать ей видения. Она увидела «Старейшин», тех, кого почитали ее предки. Шесть или восемь их сидели за столом, на котором лежало много бумаг. Потом среди этих бумаг появилась белая книга, которая стала расти, пока не стала размером с человека. (Можно заметить, что язык мацатеков не «письменный», и даже слово «книга» они произносят по-испански; сама Мария Сабина, конечно, не умела читать). *«Один из Старейшин сказал: «Мария Сабина, это книга Мудрости. Это книга Языка. Все, что здесь написано — для тебя. Книга твоя, возьми ее, чтобы ты смогла работать». Я воскликнула с радостью: «Она для меня. Я беру ее». Тогда Старейшины исчезли, а Книга осталась. Я начала говорить и поняла, что читаю ее. Я достигла совершенства. Я больше не была простым учеником. За это, как награда, как назначение, мне была дана Книга. Это потому, что грибы святые; они дают мудрость. Мудрость — это Язык. Язык в Книге. Книгу дают Старейшины.*

После этого Книга уже не появлялась, но слова ее были у меня в памяти».

Сестра быстро выздоровела. Мария Сабина продолжала лечить, и к ней приходило все больше и больше людей. Однако — примерно лет через 12 после того, как она овдовела — ее руки снова просил мужчина, и она стала жить с ним: Он был плохим мужем — ленивым, бил ее, много пил. Из шести детей, рожденных с ним, выжила только одна дочь, остальные умерли или были убиты. В конце концов, второй муж был убит сыновьями своей любовницы, и таким образом, она опять осталась одна. Ей было тогда около сорока лет. Понятно, что пока она жила со вторым мужем, она не ела грибов и не лечила. *«Теперь я смогла вернуться к своей судьбе. Я всегда знала, что моя судьба — лечить».* Она лечила не так, как лечили колдуны и целители — без бросания зерна и катания яиц, без трав, без снадобий. *«Я — Мудрая Женщина. Просто во*

[3] Эти цитаты и вообще описание идут из интервью с Марией Сабиной, напечатанного Alvaro Estrada в книге «Maria Sabina: her life and chants».

[4] Я из Кордобы в Хуаутлу на попутках добирался сутки, у него через горы уходило шесть.

мне нет колдовства, нет гнева, нет лжи. Потому что во мне нет мусора, нет грязи. Я лечу Языком. Я — Мудрая Женщина. Больше ничего».

Вот к этой-то женщине ее хороший знакомый, служивший главой местной власти, привел в 1955 году Гордона Вассона и Ричардсона (сопровождавшего его фотографа), попросив дать им грибов.

3. В третью свою экспедицию Вассон уже хорошо знал, что ищет. Нетривиальным для европейского ученого шагом было то, что, когда он нашел, он вызвался участвовать в церемонии и неизвестные грибы ел. Ел и фотограф, сопровождавший Вассона в экспедиции, обещавший своей жене «эту дрянь» в рот не брать.

«Когда иностранцы ели «маленьких святых» со мною, я ничего плохою не почувствовала. Церемония прошла прекрасно. У меня были другие видения, чем обычно. Я видела такие места, какие я никогда не представляла себе, что существуют. Я достигла тою места, откуда пришли иностранцы. Я видела города. Большие города. Мною домов, больших».

У Вассона был настоящий, прекрасный трип, он видел «платоновские архетипы». Ричардсон в своем трипе видел дворцы, а затем картину, которую вновь увидел наяву через неделю в незнакомом доме в Мехико Сити. Чуть позже приехали Валентина Павловна с дочерью Машей, и они тоже приобщились к грибам, хотя уже вне индейской церемонии, сами по себе.

У Вассона была железная хватка. Экспедиции в горы Мацатека стали ежегодными (во времена отпусков). Среди следующих гостей, приехавших туда вместе с Вассоном, был французский миколог Roger Heim, который определил священные грибы, коллекционировал разновидности, а потом сумел вырастить *Psilocybe mexicana* в Париже.

Из этих — культивированных — грибов знаменитый химик Альберт Хоффман[5] выделил псилоцибин и псилоцин (психоактивные алкалоиды, активное «начало» грибов), проверяя, кстати, эффекты на самом себе. Позже вместе с Вассоном он привез их в Хуаутлу, где все они участвовали в церемонии, взяв вместо грибов таблетки с псилоцибином (даже не выделенным, а заново синтезированным). И Мария Сабина подтвердила, что это «оно», «дух грибов», или как оно там по-мацатекски.

Это красивая, прямо блестящая часть истории.

Вассон позже занялся Индией и грандиозной теорией того, что древнеарийская сома, которой посвящены веды и веды, готовилась из мухоморов. Перед этим он вместе с женой дописал и издал книгу «Mushrooms, Russia and History»—теперь уже совсем с другим содержанием. И еще он издал — что, похоже, оказалось гораздо важнее для нашего «кусочка истории» — статью в журнале «Life» с тем же Описанием грибов, Марии Сабины и своих приключений и заключений.

Журнал «Life» — это уже по секрету всему свету. И в 1957 году «весь свет» оказался хорошо подготовленным к этому секрету. Я взял бы на себя смелость утверждать, что не будь этот самый свет уже прилично знаком с ЛСД, никто бы и не обратил на открытие Вассона особого внимания, кроме единичных спецов. Но тут началась совсем другая история. В одном из ее эпизодов в деревню Хуаутла прилетал вертолет с Beatles, и Мария Сабина кормила их грибами. В другом Вассона в очередную экспедицию сопровождал человек, работавший агентом CIA (ЦРУ, по-нашему). В третьем— Timothy Leary и Richard Alpert проводили в Гарварде и окрест сотни экспериментов, давая добровольцам взаимозаменяемо ЛСД и псилоцибин. В четвертом — армию «хиппи» выгнала из Хуаутлы полиция... И так далее. Началась история «шестидесятых» со всем своим размахом, вдохновением и глупостями, очень любимая мной история, которую я не буду, конечно, здесь пересказывать. Вассон старался держаться от этой истории подальше, активно не любил «психоделических пророков» (скажем,

---

[5] Человек, синтезировавший и попробовавший на себе в 1943 году диэтиламид лизергиновой кислоты, ЛСД.

Лири) и вообще старался сохранить позу бесстрастного ученого или хотя бы джентльмена. Он прекрасно понимал, конечно, что это он передал «тайну» «толпе». Еще тревожнее и больнее, я думаю, ему было читать интервью с Марией Сабиной, (он - то не мог с ней толком поговорить никогда, хотя и учил мацатекский), появившееся в 1975 году, где она говорила, что после Вассона «грибы потеряли силу». Он утешал себя тем, что не передай он знание о грибах европейцам, оно могло бы исчезнуть за несколько десятков лет, вместе с традициями, если не со всем народом. На мой взгляд, это было бы и правда очень вероятно. Алкоголь и кока-кола, священные напитки европейцев, работают куда как быстрее... Уже упомянутый Шульц писал, что в Амазонии каждый год исчезает с десяток племен. Это столкновение этносов, где один — явно сильнее, работает как угодно, вовсе не обязательно со стрельбой и зверствами. В среднем полтора поколения, познав европейские футболки, туфли, болезни и лекарства, водку, школы для детей, Библию и телевизор, перестают существовать как народ и как дети своих отцов; дух, традиции, и знания исчезают почти одновременно.

Для Марии Сабины мало что изменилось: дело осталось делом, бедность — бедностью. В каком-то смысле стало хуже: грибы ослабли и «заговорили по-английски»; ей сожгли дом, вроде бы в отместку за то, что «выдала секрет». В каком-то смысле лучше: она стала знаменитой. Вассон привозил ей газеты и журналы с ее фотографиями. Ее возили в столицу. Губернатор подарил ей два матраса. Она, по собственным словам, никогда не сожалела о том, что дала грибы «белым» и спокойно продолжала это делать до глубокой старости.

4. Мне нравится, как Мария Сабина рассказывает о «передаче». В упомянутом уже интервью она вначале рассказывает, как ее односельчанин, избранный в местные органы власти, просил у нее, чтобы она его наставляла и консультировала. И очень скоро говорит, что когда он привел к ней Вассона и попросил дать ему грибов, она «сделала все, как велела власть, потому что всегда была власти послушной». По мне, так отсюда разит лукавством. «Мудрая женщина» (как она себя называла) знала, что делала настолько, насколько вообще можно было понять тогда, что к чему. И очень может быть, что она видела еще гораздо дальше. Ведь на эту передачу можно посмотреть по-другому: так захотели грибы. По каким-то причинам они связаны с людьми, и очень вероятно, что связь эта продолжается тысячелетиями; смена этносов для них тогда привычна. Почему они «заговорили по-английски» с Марией Сабиной (и другие шаманы говорили то же самое), а не по-испански? Чего хотят грибы и чего не хотят — про это гадать трудно (хотя я этим периодически занимаюсь). Но если уж думать с этой точки зрения, то грибы совершили переход легко, быстро и без резких поворотов (как они обычно и действуют)[6]. Когда я говорю «переход» — я еще и имею в виду, что индейцы-мацатеки на сегодня гораздо больше используют водку, без церемоний. Может, здесь и нет особого противоречия; да только кажется, что есть.

5. Все, закончили с историей. Боже мой, хоть дышать стало легче! Вы не поверите, сколько есть книг, статей и интернетовских сайтов, описывающих на разные лады все тот же «исторический» поход Вассона. Люди защищают диссертации по «истории науки»! История, блин! Вот это сверхвнимание к происшествиям во времени, да с собой любимым (или нами

---

[6] Я бы еще заметил, что кактус пейот совершил подобный переход на полстолетия раньше, когда его «открыли» индейцы, живущие на территориях Штатов и Канады. Тогда родилась Native American Church, в центре церемоний которой — употребление пейота, а членами этой церкви на сегодня являются десятки тысяч североамериканских индейцев. Еще одним движением пейота «вдаль» мне кажется искусство индейцев Уичоль (Huichol), выхлестнувшееся к белым в течение последних лет сорока. Эти индейцы, связанные с пейотом очень тесно, не захотели «тихо исчезать», но сумели развить прекрасные формы искусства — по-моему, совершенно потрясающие. Они даже ходили в столицу Мексики маршем, чтобы заявить о себе. И сегодня они живут, пусть бедно, ходят за пейотом и изображают его в центре своих произведений.

любимыми) в центре — это то, что не терпит прикосновения грибов, что при виде их рассыпается... или скорее обнажает свою сущность: рисунок света, теней и красок в калейдоскопе вечности. Мария Сабина это наверняка знала. А тот же Вассон незадолго до смерти сетовал, что ведь воспоминания о его доме вместе с ним умрут! И навсегда! Такая вот трогательная непросветленность...

Нет, грибы не имеют ничего против истории. Они просто вышибают у нее из-под ног стул сверхзначимости. Грибы — это тот дух, с которым один буддистский монах дзэнского толка сжигал деревянную статую Будды, чтобы согреться.

Как бы это объяснить попроще...

Один занудный индусский моралист рассказывал про некоего раджу, очень увлеченного воспеванием своей жизни. И вот в его дворце образовался культ рассказов о его подвигах. Слуги очень к этому поощрялись, и они водили экскурсии, рисовали соответствующие картины... Так вот, однажды, когда он вышел из своей спальни в очень грязную залу, где слуги тотчас принялись за декламации, он почувствовал что-то не то... будто сосало под ложечкой... Тут он понял, что не ел уже несколько дней, (повар писал поэму, поварята ставили балет, воспроизводящий знаменитую охоту). И вот он встал посреди залы, где все вокруг занимались привычным делом, и заорал: «Я есть хочу!!!» И вмиг наваждение кончилось.

Кроме того, история — это чаще всего нытье, в центре которого живет жалость к себе, все это питает, и тут же сама от всего этого накачивается, набухает и обалдевает...

Что хуже, история — это, конечно, фантазия.

Между тем грибы очень часто повергают человека в осознавание собственной истории, саморефлексию, просмотр собственной жизни.

Чтобы преодолеть кажущееся противоречие в своих словах, я хотел бы рассказать про

6. Два вида осознавания. Давно сдается мне, что есть как минимум два вида осознавания, может быть, два вида сознания вообще, и то из них, что обычно называется «сознанием», до крайности бессознательно. Почему? Потому что это сознание — скажем, сознание первого типа — представляет из себя интериоризированный внешний диалог, то есть происходящее внутри, обычно обрывками, социальное ролевое взаимодействие.

Мне трудно это доказать, хотя я почти уверен, что это правда. «Доказанная правда есть, собственно, не правда, а всего лишь сумма доказательств»[7]. Это очень трудно увидеть, пока не включается другое сознание — скажем, сознание номер два. Оно отличается крайней ясностью. Оно не обращено ни от кого ни к кому. Оно закончено. Оно мало вербально и часто очень трудно влазит в слова. Оно как инсайт!

Инсайт многим знаком, особенно тем, кто занимался психотерапией. Это внезапное осознавание, мысль, меняющая отношение к ситуации, саму ситуацию. Это очевидная истина, резко прерывающая невротическую путаницу, это озарение, откровение. Я когда-то пытался записывать разнообразные инсайты, происходившие на психодинамических группах, и даже думал опубликовать их коллекцию. Так вот: обычно они крайне примитивны, и записывать их трудно и неинтересно. Они абсолютно включены в ситуацию, и потому описывать надо очень издалека. На их стороне только сила, зато уж ее хватает и на то, чтобы вышибить человека из роли, и на жизненно важные решения, и на то, чтобы это долго потом вспоминалось, и на завершение ситуации вокруг (то есть хороший инсайт пробивает и окружающих, не будучи к ним обращен).

А на словах ерунда какая-то: «Я любила уродов», «Да, я — великий показушник!», «Можно прожить и без биологии». На словах такое кто угодно понимает. Чувствуете разницу? Этот кто угодно понимает это на тех затверженных словах, которые носятся в воздухе как часть социальной (ролевой) ситуации, а потом так же легко носятся в голове, составляя — вот именно — сознание номер один.

[7] Иосиф Бродский. «Происшествие в Ялте».

Которая не приводит к ясности, но лишь к «наслоениям» и «продолжению разговора».

Я понимаю прекрасно, что объясняю сейчас очевидное для одних и маловразумительное для других. Причем те, кто считает это очевидным, почти наверняка в это время так же неосознанны, то есть осознанны лишь на путаных дорожках осознания номер один, как и те, кто плохо понимает, о чем идет речь. Очень трудно передать информацию с одного уровня сознания на другой.

Еще одно замечание: я говорю о «низшем» сознании как о «социальном», хотя способен представить себе и другие его формы с другими ограничителями. Просто в той культуре, к которой я принадлежу, которую я назвал бы Культурой Выяснения Отношений, ролевые взаимодействия — основной материал жизни, а их озвучивание (которое можно условно назвать фразой «...а поговорить?») — основное приложение сознания, место его, так сказать, девальвации и коррупции.

Они хорошо различаются, эти два вида осознавания. Как на психологической группе не спутаешь рационализации и инсайт. Куча признаков. Один из них, кстати, — «умные слова». Когда на группе господствуют недоверие, трусость, безответственность — звучат обычно очень «умные» слова и конструкции. «Не могу не заметить...», «соответствующий», «принципы коммуникации»... В это время психотерапевт может тихо спать. Мой учитель, Михал Михалыч, все хочет этому научиться, вслед за Перлсом[8]. Но пока не может. И думаю я, что хрен научишься такой простой вещи, как спать в разгар «истории», пока движет тобой ролевая ситуация (красиво) или учительское рвение (полезно), а не диктует осознавание второго типа, которое — рискну предположить — пробивалось у Перлса, одиночки и бунтаря, хорошо знакомого, кстати, с Психеделическим опытом. Вербализуется это, конечно, трудно, но я попробую. Вот смотрит Перлс на слова, летающие между людьми[9], а слышит не слова, но дух, с которым они произносятся, и понимает, что дело — говно, и не пытаясь выковырять из говна изюминки, засыпает. Невидимый взгляд, «глаз, лишенный тела»[10] продолжает передавать в неизвестном направлении всю истину о происходящем. Он никогда не спит, но в гомоне социальных ситуаций все равно почти не слышен. Засыпают и медленно перегнивают десять тысяч историй, оставляя бесконечную ленту осознавания, постепенно отливающуюся в чистые кристаллы мифов.

Межглавок 1[11]

Я не стал спрашивать у грибов, хотят ли они этой книги. Я знаю заранее: им это безразлично. Я помню свой первый трип, — я был тогда «в писателях» и перед тем, как есть грибы, решил, что «заказываю» себе — отсюда туда — придумать и даже записать рассказ, пока я «там». И я так же хорошо помню, как вспомнил этот свой заказ где-то посередине трипа. Как я смеялся! Тут ты един со Вселенной, звезды трогаешь руками, а там нужен рассказ. Какой рассказ, кому?

Что же можно рассказать о грибах? Грибы, по определению — первичный опыт, книги— вторичный (на самом деле — как минимум третичный, поскольку «язык диктует», жанр обязывает и т. п.)

Можно рассказать о грибах что угодно. Они не за книгу, но и никак не против. Они умеют говорить на тысяче языков[12], христианам показывать крест, деву Марию, ад и рай, язычникам—

[8] Fritz Perls, основатель гештальт-терапии.

[9] Если раздуть метафору, так само осознавание второго типа нередко смотрит на сознание обыденное.

[10] «Disembodied eye», выражение Гордона Вассона в описании своего первого трипа.

[11] Одна моя подруга так понимала жизнь: ну вот идет love, за ней love, а между ними — «межглавок». Тут примерно то же самое.

[12] Грибы как-то тесно связаны с языком — например, вызывая красноречие шаманов, речь,

божество своей горы и так далее; они «не без-, а всеязычны»[13], потому что стоят где-то на уровне до языка[14]—короче, они готовы одеть любую одежду, и если в данной культуре больше ценится книга — да боже мой, какие проблемы, пусть будет книга.

Глава 2
ЭФФЕКТЫ ГРИБОВ

1. Исключительно разнообразны!

2. Не угадаешь!

3. Кое-что, однако, узнаваемо.

4. Физические эффекты грибов. Грибы, вероятно,—самые мягкие по отношению к телу из всех энтеогенов[15]. От многих других часто тошнит до сильной рвоты, кружится голова, некоторые вполне очевидно травят. Грибы же чаще всего только расслабляют тело, так что очень естественно хочется лечь. Я редко встречал у кого-нибудь тошноту и тем более рвоту. Разве что почки от грибов начинают работать быстрее и часто хочется в туалет.

Поскольку эти самые вставания пописать часто являются единственными моментами, когда вспоминаешь, что «владеешь» телом и что им приходится «управлять» — и таким образом немного выходишь из трипа, — то эти моменты часто особо запоминаются.

Большей частью тело как бы просто исчезает. Тем не менее стоит иметь в виду, что случаются любые физические эффекты, специфические для данного трипа, которые тогда часто

часами льющуюся, очень поэтичную и «властную», — но мне и многим другим грибы дают знание без слов. Я узнал это впервые с ними: точное, ясное знание о чем-то — без единого слова, и если хочешь о нем рассказать, слова приходится вспоминать, чуть ли не каждое отдельно.

[13] Меня завораживают рассказы шаманов о том, что иногда грибы говорят с ними на языке их народа, а иногда — соседнего (например, по-запотекски с мацатеками), и тогда почти невозможно ничего понять. Или вот то, что Мария Сабина сказала о грибах «после Вассона»: «Они стали говорить на языке иностранцев, по-английски». Много написано про таинственную связь грибов с языком, от поэтической «Mushrooms and Language» by Henry Munn вплоть до шальной теории Terence McKenna о том, что язык был создан, потому что обезьяны ели грибы. Тут только стоит иметь в виду, что среди людей, которые занимались и занимаются грибами, крайне много языкознавов, языколюбов, языковедов, писателей, ценителей слов и т. п. Сам Вассон крайне любил держать пламенные речи о правильном употреблении какого-нибудь слова и исправлял «ошибки» везде — чуть ли не в письмах друзей.

[14]Однажды в трипе я пытался понять, откуда берется язык, и вот в огромном море «опыта» язык был подобен пузырям, всплывающим откуда-то снизу почти сплошным потоком, или бетонным столбам, которые уходили вниз, поддерживая некий причал... И вот я нырял, как дельфин, пытаясь добраться до того места, где «пузыри» рождаются, но так и не донырнул. Где мне, бедному дельфинчику.

15 «Энтеогены» —термин, который создал Вассон для обозначения священных растений и их продуктов. В сущности, это синоним слов «галлюциногены» или «психеделики». «Галлюциногены» — действительно не очень хороший термин, потому что и грибы, и многие прочие не вызывают галлюцинаций (в психиатрическом смысле того, что человек не способен различить образы своего «видения» от внешних физических объектов). «Психеделики» — термин получше, но он тяжко нагружен «наркоманским» смыслом после почти 40 лет «левого» использования. Гордон Вассон оба эти слова серьезно не любил. «Энтеогены», «entheogenes»—правда, хороший термин, означающий греческими корнями «порождение Бога внутри», и очень многие им пользуются на сегодня. Уж во всяком случае, слово «наркотики» Здесь неприменимо совершенно, ибо грибы не дают ни состояния сна, ни химического привыкания. Того, кто называет грибы и прочие священные растения наркотиками, сваливая в одну кучу, огромное количество веществ с совсем разными и час-то противоположными действиями, следует бить по голове.

вплетаются в его «смысловую линию». Я видел, как человек задыхается; было так, что тело наливается сумасшедшей силой; но это, в общем, редко.

Здесь людей так же можно разделить на интро - и экстравертов, как в обыденной жизни. Одни все проживают в тишине с закрытыми глазами; других «пробивает» на окружающий мир, они смотрят, машут руками, бегают разговаривать с травами...

5. Концентрация. Я думаю, что это один из самых основных эффектов грибов и что он обуславливает многие другие. Обычно разум бегает, как сумасшедшая обезьяна, это известно. Разум носится и тут же забывает, где был. Но вот человек, съевший грибы, вдруг фиксирует взглядом пятнышко на стене... и уже живет в нем. Концентрация эта достигает неимоверной силы по сравнению с обычным состоянием сознания. Иногда и хочешь ее прервать, да не можешь. Это можно описать по-другому: как

6. Чистое восприятие. Это то, что так вдохновило Хаксли, и что он воспевает в своих «Вратах восприятия». Между тобой и этим пятнышком на стене (или стулом для Хаксли — или любым внутренним или внешним объектом) — ничего не стоит, никакие концепции (я — не я), никакие суждения (важно-неважно, полезно-бесполезно и т. п.). Это действительно может быть чем угодно. Вот однажды в комнату, где я лежал, уже выходя из трипа, зашла моя подруга и, ни слова не говоря, начала пускать по комнате мыльные шарики, «воздушные пузыри». Я смотрел и смотрел на них, и это было фантастически красиво. Она мне потом сказала: «У тебя было самое глупое лицо, какое я видела в жизни».

Лица других бывают потрясающим объектом «чистого видения». Картины Ван Гога. Музыка.

Сюда примыкает следующий феномен:

7. Повышенная чувствительность. Любой орган чувств, включая те, что обычно «не докладывают» сознанию, может повысить чувствительность в тысячи раз. (Можно сказать по-другому и это, наверное, точнее: в тысячи раз повышается осознавание этого восприятия). Отсюда вытекает огромная важность «set and setting» — где, с кем и в каком состоянии ты переживаешь трип. В обычном состоянии сознания очень редко кто осознает, как влияет на его мышление и переживания комната, вид, воздух, поза, те, кто рядом. Очень распространено «нулевое» мнение, что на мышление все эти «факторы» никак не влияют. На самом-то деле, не просто влияют, а порождают и образуют. И когда грибы пробуждают высокую чувствительность, очень хорошо оказаться в месте чистом (я не имею в виду пыль!) и защищенном (не решетки! — хотя кому-то, может, и это надо), среди близких людей. Это одинаково важно и в легком («хорошем») и трудном («плохом») трипе Новые, неизвестные места и люди опасны, поскольку может выйти и так, и этак.

Я помню, как считал блажью, когда одна моя подруга жаловалась, что после грибов несколько дней не может выйти на лестничную клетку, потому что сразу чувствует злобу соседей. Э-э-э, еще как! Офисы, казенные общежития часто переполнены дрянью. Что ты ешь, чем ты дышишь, с кем живешь, что делаешь—все это «настигает» тебя в трипе. То есть, конечно, всё это всегда и постоянно оказывает свое воздействие, но грибы заставляют тебя это осознать и прочувствовать тысячекратно.

Этот эффект, кстати, не совсем уходит, когда грибы покидают тело. Очевидно, что люди, не раз их принимавшие, обычно чувствительны к красоте, стараются жить ближе к природе и т. д. Ложь становится очевиднее. «Как-то так получается, что Психеделические вещества делают человека странно чувствительным к напыщенности, помпезности. Любой, кто начинает говорить с тобой «по-заведенному», с религиозным или политическим лицемерием, или тот, кто изображает энтузиазм по поводу того, во что сам не верит, выглядит так смехотворно, что невозможно сохранить серьезное лицо. Это, кстати, прекрасная причина, по которой ни одно

правительство не потерпят населения, «заведенного» психеделиками»16.

Насколько может обостряться чувствительность у человека, который ел грибы много раз... Без комментариев я хочу рассказать об Аполонии, дочери Марии Сабины. Та женщина, которая «направила» меня к ней, предупредила, что Аполония «зеркальна», что она отражает твои собственные проблемы. Среди прочего она рассказала, что у нее болела нога, когда она приехала туда в последний раз, и Аполония, хотя та ей ничего не говорила, стала тоже жаловаться на ноги... Я бы, скорее всего, забыл этот разговор, если бы со мной не произошло совершенно то же самое. Перед тем как приехать в Хуаутлу, я испытал сильный приступ боли в спине. Когда я добрался, внешне я двигался нормально, но боль часто вспыхивала. На второй день, когда я жил там (мои боли уже почти прошли), Аполония легла в постель, жалуясь на спину и показывая в аккурат на ту середину позвоночника, которая «взбунтовалась» у меня...

8. Чувствительность повышается не только вовне, но и внутри. Такой эффект энтеогенов часто называют «амплификацией», усилением. На самом деле все очень просто: трип часто проявляет внутренние состояния, разворачивает их на всю катушку. В психологическом состоянии обычно есть около-пороговые (для обыденного сознания) эмоции и мысли. Они могут проявляться как настроение и «тлеть» — тянуться — долго, не получая ни развития, ни разрядки. Обида, проглоченная неделю, а то и месяц назад... неслучившаяся любовь... придавленное, недодуманное понимание... незамеченная годовщина... Любое из них с началом трипа может взорваться, чтобы быть пережито глубоко и полно. Среди множества примеров я решил выбрать такой вот, драматический:

Zapatista consciousness[17]**.**

«Где-то в «Нельсон Экспресс» было закопано объявление о конференции в Паленке, посвященном состоянию дел в Чиапасе[18]*. Мой любимый Шон (он младше меня на тридцать лет) хотел поехать — и я, конечно, к нему присоединилась*[19]*; я была в Паленке год назад и по-прежнему переживала восхищение и безопасность в присутствии Запатистас.*

3000 человек со всего света приехали туда по приглашениям, и еще 3000 человек приехали сами... Вы можете представить себе атмосферу расширенною сознания на таких конференциях, во всех этих размышлениях о том, что мы можем сделать, чтобы помочь со стороны, ощущения глубокой связи между близкими умами, уже достаточно заинтересованными, чтобы проехать на машине два часа в жаркую субботу.

На следующий вечер я получила в подарок два длинных и толстых голубоватых гриба и еще один изогнутый грибок поменьше, цвета кориандра.

После того как мы разделили стакан грибного чая, мы договорились, что Шон отправится в палатку немного поспать, а я помузицирую и уберу в доме. Я делала обычные вещи с

---

[16] Alan Watts. «In My Own Way: An Autobiography, 1915—1965».

17 Под таким названием он был напечатан в собрании отчетов о трипах на http://www.leda.lycaeum.org/Trips. Я позволил себе выкинуть кое-где по предложению, но это, в общем-то, практически целый оригинальный текст.

18 Движение Запатиста (EZLN = Армия Национального Освобождения Запатиста), названное в честь героя мексиканской революции Эмилиано Запата, — это индейцы группы майя, населяющие сельву (тропические леса) самого южного штата Мексики, Чиапаса, которые в 1994 году образовали армию защиты собственных прав и прав других угнетенных индейцев и не индейцев Мексики. В отличие от большинства военных движений центральной Америки, Запатистас не ставят своей целью захват власти в стране, свержение правительства, террор и т. п. Они вели военные действия не дольше первого месяца и с тех пор ведут переговоры с правительством, управляют собственной территорией и пытаются объединить движения с аналогичными целями. Паленке — город в Чиапасе, огромные развалины древнего города майя. Псилоцибиновые грибы растут там в изобилии, и в Паленке часто проводятся семинары по шаманизму и прочим делам, а также просто тусуется большое количество белых, которых местные называют «хиппи».

19 Английский язык не позволяет мне точно сказать, женщина писала это или мужчина, а русский требует. По косвенным признакам, если не по собственным предрассудкам, я остановился на героине-женщине.

усиленным ощущением медитативного присутствия и раздражающим чувством скорости и желанием закончить. Потом я немного взгрустнула. Эти «кубенсис» только немного подняли меня над обычной линией и дали мне немного тошноты и онемелости. Музыка казалась не той, слишком размеренной. Я думала, чего ж это они такие «духовные», такие дорогие, такие желанные. Может быть, мне никогда не бывает их достаточно...

Когда я выбралась из дома под полную луну, я решила оставить свой маленький разум в доме и дать открытую дорогу большему разуму.

Я думала, что найду Шона отдохнувшим, наверное мечтающим, полным желания или любопытства поисследовать те идеи, которые мы обсуждали раньше, работы Виттгенштейна и Райла о самоидентификации и разные наши наблюдения о социальной когнитивности приматов... о том, что делают обезьяны.

Снег был таким твердым и хрустящим, что мне не нужно было идти по тропинке, и вместо нее я ступила прямо на чистое одеяло толщиной в метр, и пошла (казалось, как по воздуху) на высоте перекладин забора и верхушек фруктовых деревьев. О, каждому из вас понравилась бы эта часть...

О Боже, но там, в палатке, его всего перекрутило, он был весь потный и плачущий, испуганный настолько, что даже не мог вернуться в дом, полтора часа мучимый внутренней агонией.

«Весь мир — такое хреновое, хреновое место. Я думаю, я даже не рождался в этот мир. Мы—хреновые, хреновые существа, и я —хреновый, хреновый человек».

Его политическое отчаяние родилось из тою, что он заново узнал о Запатистас, об усиленном военном присутствии в северном Чиапасе, пяти сотнях лет поддерживаемом законом уничтожения людей майя и других индейцев. Одна женщина сказала: «Без моей земли я - плоть, ждущая смерти». Я тоже чувствую так.

Плач и завывания Шона, его глубокая скорбь эхом вырывались из палатки. Никакие объятия не могли его быстро успокоить. Никаких слов даже близко было недостаточно. Я, молчащая рядом с ним, мои тонкие руки, вряд ли были способны сдержать ярость мужчины... он ревел часы напролет.

Этот мастер печали перешел от личного к политическому отчаянию, говоря: «Я плакал, я плакал за себя, за них, я не могу никогда понять, почему я плачу. Меня бесят эти мощные организации, для которых уничтожить этих людей было бы в их лучших интересах. Я чувствовал, что они не знают, что такое видеть я чуять смерть. Я чувствовал, что мой Чокнутый Дух близок к Духу Запатистас, я видел смелость, по сравнению с которой моя бледнела, надежду, такую чистую и такую великую. Адский огонь...»

В конце концов, он успокоился рядом со мной. Держа его волосы, целуя его глаза... внутри я визуализировала, как говорил Гордон... нечто вроде пятимесячной интеграции смыслов, расстановки ценностей и следования той дороге, «что мне нужно знать».

Вокруг палатки начали петь койоты. Было поразительно, как они выли всю ночь, ужасно, ужасно долго, после того как мы замолчали. За нашей дверью пересекались лунные тени на снежном насте. Это не было «кайфом». И хотя было чувство единения и глубокого признания Другого в этом расширенном пространстве, это не было особенным экстазом. Мы не посетили это место философских абстракций.

Было бы тривиальностью и профанацией назвать это «плохим трипом». Я знала тогда, что Шон будет жить гораздо выше, чем я, и не будет терять ни мгновения своей жизни.

Для биоэссе — я не могу сказать, какое отношение ко мне имел этот голубой чай. Пока я дрейфовала в сон, это было очень приятно, как молитва или благословение. Я чувствовала вдохновение делать то дело, которое я должна делать.

Он оказался так чувствителен к этому. Он говорил тогда в первый раз за все эти годы о моей связи с землей. Он напомнил мне о моей заземленности даже при том, что я не видела земли месяцами, и по-прежнему, как тогда, бреду на метр выше».

9. Да, ну наконец, картинки, узоры, цвета, многомерная мишура, очень часто видимая под грибами. Для многих они составляют основную прелесть и ценность трипа. На самом деле, это бывает так красиво, что слово «красиво» уже не проходит. Однажды я видел то, что смог

назвать только «преддверием рая». Потом оказалось, что это чуть ли не затасканное определение. Эти «узоры» бывают больше, чем трехмерны; они неотобразимы земными красками; они совершенны, гармоничны, безраздельно прекрасны.

Для меня, однако, и здесь я не совсем одинок, они чаще служат скорее чем-то вроде оформления сцены... ну как бы посмотрел, побаловался и будя... займемся своим спектаклем. Я не очень уважаю огромное к ним внимание. В какой-то степени эти узоры похожи на погремушку для младенца, очень яркую такую, красно-сине-желтую. Понимаете? Есть еще один момент: я почти уверен, что Психеделический опыт такого рода лежит в основе многих красивых эффектов телевидения и трюков рекламы. И это подтверждает для меня «погремушечность». Нет ничего плохого в погремушке, но хороша она до года, ну, до двадцати пяти — все-таки, не дальше. Есть такая суфийская история, которая мне кажется здесь подходящей:

Один ученик из круга мастера Джонайда своими медитациями или заслугами достиг того, что каждую ночь к нему стали приходить некие сияющие существа и возносить его в прекрасное место, которое казалось ему раем. Там было множество тонких кушаний и льющейся прохладной воды. Ночь напролет он наслаждался в этом раю и только под утро возвращался в свой дом. Он стал считать, что достиг высокой степени совершенства и перестал посещать занятия мастера «для менее продвинутых учеников». В какой-то момент мастер Джонайд сам пришел к нему домой, чтобы спросить, в чем дело. Тот рассказал учителю о том, что каждую ночь возносится в рай и, таким образом, считает свое развитие законченным. Джонайд покачал головой и направился к выходу, но перед уходом сказал: «В следующий раз, когда ты попадешь туда, на всякий случай прочти три раза молитву «Нет силы и власти, кроме как у Аллаха, Всевышнею и Всемогущею».

Эта строка из Корана считается мощным заклинанием против всякой лжи и иллюзии. Ученик знал об этом. Не придавая словам учителя большого внимания, он спокойно дождался ночи, когда за ним опять явились сияющие существа, и он опять попал на гору наслаждений. В какой-то момент, однако же, он вспомнил о словах Джонайда и, действительно, трижды прочитал «Нет силы и власти, кроме как у Аллаха, Всевышнего и Всемогущею». В мгновение ока существа бросились врассыпную, свет погас, и он обнаружил себя сидящим на юре нечистот в окружении костей и черепов.

Пристыженный, он вернулся к занятиям в кругу Джонайда, который никогда об этом больше не упоминал.

10. Смех. На многих языках псилоцибиновые грибы называют «клоунами», «паяцами», «смешками», «грибами глупого смеха». Мария Сабина красиво это описывала: «Я вижу грибы как детей, как клоунов. Детей со скрипками, детей с дудочками, детей-клоунов, которые поют и танцуют вокруг меня». Они не физиологически вызывают смех, как щекотка; просто смех как-то соответствует тому, что они показывают. Восхищение и смех — кажется, самые основные эмоции, которое вызывает чистое видение мира, мира-как-он-есть. В своем высшем смысле этот смех часто подобен смеху Риндзая, великого дзэнского мастера, который, как рассказывают, громко хохотал каждое утро—так, что просыпался весь монастырь. Он никогда не рассказывал о причине этого смеха, но, когда умирал, все-таки ответил дотошному ученику: «Почему? Когда я просыпался утром и понимал, какой я дурак и какие вы все дураки...» Ну как тут не смеяться?

11. Удар по идентификации. Мне этот феномен кажется важнее многих прочих, и даже сдается, что это он лежит в основе многих тех, что уже описаны. Это уже не так просто объяснить... Очень ярко пережил это в своем первом в жизни трипе Рам Дасс, тогда Ричард Альперт, доктор психологии в Гарвардском университете и психоаналитик. Вот это описание, можно сказать, классическое[20]:

[20] Так это описано в книге Рам Дасса «Be Here Now», в главе «Turning On».

«... Затем я увидел фигуру, стоящую метрах в четырех от меня, там, где за секунду до этого никого не было. Я напряг глаза в полутьме и узнал никою иного, как самого себя, в шапочке, костюме и галстуке, в виде профессора. Было так, как будто часть меня — та, что была профессором Гарварда, отделилась или диссоциировалась от меня в сторону.

«Как интересно... внешняя галлюцинация, — подумал я. — Что ж, я много работал, чтобы добиться этого статуса, но он мне на самом деле не нужен». Я опять откинулся на подушки, отделенный теперь от своего профессорства, но в этот момент фигура поменялась. Я опять наклонился вперед, стараясь увидеть. «А, опять я». Только в этот раз это был тот аспект меня, который я назвал бы «космополитом». «О'кей, значит, и этот идет», — подумал я. Снова и снова фигура менялась, и я узнавал разные аспекты, которые знал в себе: виолончелист, пилот, любовник и так далее. С каждым новым воплощением я снова и снова уверял себя, что мне это не нужно.

Затем я увидел, как фигура стала тем во мне, что было Ричард-Альпертностью, то есть моей базовой идентичностью, которая всегда звалась Ричардом. Я ассоциировал имя с собой, и мои родители называли меня Ричард: «Ричард, ты плохой мальчик» — и Ричард был плохим. Затем: «Ричард, какая ты умница» — и Ричард становился умницей. Так развивались все эти аспекты личности.

Пот выступил у меня на лбу. Я совсем не был уверен, что могу обойтись без того, чтобы быть Ричардом Альпертом. Значило ли это, что у меня будет амнезия? Будет ли это навсегда? Надо ли мне позвать Тима? Да ну, к черту — ну так я откажусь от тою, чтобы быть Ричардом Алъпертом. Я всегда могу завести новую социальную идентичность. Во всяком случае, у меня есть мое тело... Но я начал думать об этом слишком рано.

Когда я посмотрел для подтверждения на свои ноги, я не увидел ничего ниже колен, и медленно, теперь уже, к моему ужасу, я видел постепенное исчезновение конечностей, затем туловища. Потом все, что я мог видеть с открытыми глазами, был диван, на котором я сидел. Крик замер у меня в горле. Я чувствовал, что я, должно быть, умираю, поскольку ничто в моем мире не позволяло мне верить в жизнь после покидания тела.

Я мог обойтись без профессорства или мужественности, или даже без Ричард-Альпертности, о'кей, но мне реально НУЖНО было тело.

Паника нарастала, адреналин пошел гулять по системе, рот высох, но одновременно с этим внутри звучал голос (внутри чего — я не знаю). Нежный голос спрашивал меня очень тихо и немного насмешливо, как мне казалось, если учесть, в каком я был напряжении: «... а кто в лавке остался?»

Когда я, в конце концов, смог сфокусироваться на этом вопросе, я понял, что несмотря на то, что все, что я звал собою, включая тело и саму жизнь, ушло, я по-прежнему был в полном сознании! Больше тою, это осознающее «Я» смотрело на всю эту драму, включая панику, со спокойным сочувствием.

Мгновенно, когда я понял это, я ощутил новый уровень спокойствия такой глубины, какой я никогда до этого не испытывал. Я только что нашел это «Я», эту точку наблюдения — эту сущность, это место в вышине. Место, где «Я» существовало независимо от социальной и физической идентичности. То «Я», которое было выше Жизни и Смерти. И кое-что еще: то, что "Я» знало — оно на самом деле знало. Оно было мудрым, а не просто знающим. Это был тот голос внутри, который говорил правду. Я узнал его, слился с ним воедино, и ощутил, что вся моя жизнь поисков одобрения в окружающем мире (существование-в-направлении-других, по Давиду Рейсману) закончилась. Теперь мне нужно было только смотреть внутрь в то место, где Я Знало.

Страх превратился в восторг. Я выбежал на улицу, на снег, смеясь, пока огромные хлопья кружились вокруг меня. Во мгновение ока дом исчез из виду, но это было о'кей, потому что Я Знало».

Так что, если не путать «Я» и «Я», понятно, что происходит. «Все, что мы звали личным, что копили греша...»[21] У Альперта, психолога, много над концепцией «Я» размышлявшего, это

[21] время, считая лишним, как прибой с голыша, стачивает... "(И. Бродский)

происходило в соответствующем оформлении. Чаще это происходит резко, вдруг, пока «ты» разглядываешь пятнышко на стене.

«Я» уходит чуть ли не во всех смыслах. Даже в сенсорном — в какой-то момент я заметил, что в трипе часто вижу будто не из одной точки, не из двух глаз, а как бы целым потоком, и потому, например, небольшие предметы могу видеть сразу с нескольких сторон. «Я» уходит лингвистически—после одного трипа я довольно долго вспоминал, как меня зовут (потом вспомнил, но продолжал баловаться, перебирая имена). «Я» уходит, и это прекрасно. «Я» тает, и это страшно для «я», и если «оно» успевает, «оно» часто пытается бороться за «себя». Малоприятный процесс, как я немного расскажу об этом позже.

12. Одухотворенность. Грибы показывают, что мир жив. «Жив» — это значит изменчив, наполнен смыслом и имеет душу. Для тех, кто путается в значении слова «душа», я попробую объяснить попроще. Вот человек въезжает в комнату и начинает в ней жить. Для начала это—комната, ну, коробка, может, даже еще и бетонная, простой объект, как будто бы неодушевленный. Но вот человек живет в ней и живет, и комната обретает свою особую атмосферу. Вот уже вид у нее становится очень собственный... вот уже некоторые вещи в ней получаются легко, а некоторые — черта с два... она наполняется памятью, традицией, привычками, смыслом. И даже теперь если этот человек исчезнет — «это» в комнате еще останется. Вот «это» — и есть «дух» комнаты, для тупых.

Нет ничего особенного в слове «дух». Это просто способ обозначить нечто трудноуловимое—вроде моего или вашего имени. Когда ты видишь, что весь мир—одеяло, ты, комната, твоя подруга, состоят из одного и того же, как это назвать? Когда ты слышишь голоса тех людей, которых нет физически рядом (а может, и вообще в живых нет), и разговариваешь с ними — как это назвать? Когда ты сам, наконец, чувствуешь, что стал кем-то иным (хорошо еще, если знаешь кем), а это как назвать?

Одухотворенность мира—вот за это я поставил бы грибам памятник с Останкинскую башню. Наверное, это самое важное для меня видение, которое принесли грибы. Наверное, это был самый большой пробел в культуре, которую я унаследовал. Совсем-совсем не только в мою жизнь грибы принесли такую радость, как выращивать растения, — когда б я еще сам допер, заинтеллектуализированный горожанин!

Вот отрывок из чужого описания трипа[22], и опыт такого рода не то чтобы обычен, но нередок:

«В какой-то момент я заметил, что моя голова будто бы поворачивается влево без сознательного моего контроля. С удивлением я обнаружил, что не могу держать ее по центру без усилий. В конце концов, я дал своей голове повернуться, и когда я это сделал, мой взгляд немедленно сфокусировался на большом кактусе, который я поставил на кофейном столике за кроватью. Меня посетила смешная мысль, что это он добивается моего внимания, и тогда я сместился в дальний угол кровати — и в тень, — чтобы посмотреть, чего кактус хочет. Я почувствовал, как будто я впервые заметил кого-то, кто был там всегда. Я мысленно спросил у нее[23], чего она хочет. И только тогда я заметил, как-то преувеличенно сильно, как холодно и темно было в этом месте. Для меня это прозвучало как просьба... она хотела, чтобы я передвинул ее ближе к окну, чтобы купаться в прямом солнечном свете. Без колебаний я взял ее (все 25 кило) и перенес к свету, и сел рядом, обняв руками горшок. В течение того, что казалось часами, я сидел с ней, очарованный ее иголками и твердыми конечностями, осторожно смахивая пыль. Я даже пел ей (казалось, что она этого просила). Я чувствовал, что она —

---

[22] Он взят из коллекции отчетов на www.erowid.org об опытах с «magical mushrooms».

[23] Английский не требует рода у существительного, не обозначающего человека, достаточно слова «it», «это», но автор называет кактус «она». По-моему, это так замечательно, что я не решаюсь навязать мужской род в переводе.

очень древняя, и она напоминала мне о том, что я тоже древен.

Я был рад, что был там, в одиночестве, потому что другие помешали бы мне слышать то, что говорят растения...».

13. Перемена времени. Время просто исчезает—даже для тех, кто не ощущает присутствия Вечности. Время расширяется необычайно. Смотреть на часы (кто любит этим баловаться)—неиссякаемый источник восторга. Тут у тебя про ходит целая жизнь — а на часах хорошо, если стрелка сдвинулась на деление. Мне кажется, что это просто эффект того, что в трипе осознается весь тот огромный поток активности, который происходит в мозгу (как всегда). Естественно, что в «плохом» трипе кошмар тоже длится целую вечность и смотреть на часы при этом — никому не рекомендую; они стоят.

14. Последнее качество трипа, которое я бы выделил, как «почти всегда», — его невозможно остановить.

«Маленькие святые» часто говорят с нами, как Маленький Принц с Лисом.

— Поиграй со мной, — попросил Маленький Принц. — Мне так грустно.
— Не могу, — сказал Лис. —Я не приручен.
— Ах, извини, — сказал Маленький Принц. — А как это — приручить?...
— Ты не здешний, —заметил Лис. — Что ты здесь ищешь?
— Людей ищу, — сказал Маленький Принц. — А как это — приручить?
— У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И еще они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?
— Нет, — сказал Маленький Принц. — Я ищу друзей. А как это — приручить?

То, что называется трипом,—это очень целостный опыт. Об этом можно думать, как о спектакле, который, раз начавшись, свое доиграет. Об этом можно думать, как об очень сильном собеседнике, который что-то вам хочет объяснить и своего добьется. Конечно, можно попытаться смыться из театра или от собеседника, но это стоит пытаться делать только в самых крайних случаях, — прежде всего потому, что не получится. Получится исказить, ослабить, но не остановить. Это—очень сильный собеседник, и он внутри! Я разовью это позже в главе «Практика».

15. Нет, есть еще один феномен, отличающий грибы от некоторых других энтеогенов (например, дурмана). Они почему-то сохраняют вполне неприкосновенным и «здравым» обыденное сознание, даже вместе с социальной маской и прочими причиндалами. Никакому нормальному человеку не захочется это использовать — это как одевать костюм в постели с любимой; но костюм — вот он, рядом с постелью, на плечиках. Галлюцинаций в прямом смысле слова почти никогда не бывает—ты знаешь, где «реальный» мир, а где—«видения». Я беру эти слова в кавычки, но — серьезно—никто не тянется за стаканом воды, которого не видят другие, и не писает в воображаемый унитаз. Вполне даже можно разговаривать (если ты такой дурак или тебе так не повезло) с «нормальными» людьми, которые скорее всего даже и не заподозрят, что ты—«под грибами». И в этом тоже сказывается чистота грибов, берущих свое не насилием и подавлением, но расширением рамки. Они просто ставят обыденный разум на место, и на этом своем месте он нисколько не мешает. Наоборот, помогает дойти до туалета и вернуться, нажать кнопку плеера или диктофона, попросить, чтоб укрыли одеялом... Он ведь на то и создан, этот «царь природы».

Я перечислил самые поверхностные, общие эффекты. Более сложные и трудно описуемые: — слияние с Вселенной, видение собственного мышления, переживание ярких эпизодов своей и других жизней и пр. — сюда не вошли. Они, тем не менее, разбросаны в этой книге и в любой

прочей литературе. Многие из более «тонких» эффектов описаны в главе «Энтеогены и психотерапия». Здесь я их не стал описывать еще и потому, что описание их очень сильно зависит от культуральной модели, в которой живет человек — то, что один называет Богом, другой назовет Интернетом[24]. Так что я и не знаю толком, как об этом говорить, не утверждая культуральную модель—свою.

— А чем же она плоха, эта модель?

— Тем, что модель...

Межглавок 2
СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Я вам расскажу сейчас, как можно мыть посуду. Можно мыть посуду в солдатской столовой какой-нибудь советской армии горячий пар, жир, хреново. Можно мыть посуду в родительском доме, куда вернулся после долгой разлуки, и это ласкает руки, и глаз, и уши. Можно мыть посуду в монастыре, куда пустили пожить на несколько дней, и это правильное, спокойное дело, и даже просто блаженство. Можно мыть посуду, которую оставили твой муж и его любовница, не про нас будь сказано...

Но это может быть одна и та же посуда!

То есть действия, одинаковые в материальном, «реальном» пространстве, могут быть абсолютно различными в пространстве смысловом. И соответственно давать разные" эмоции, разное кровяное давление, очень разные — потом — воспоминания.

Что же такое смысловое пространство? Это так просто, что непонятно, как объяснить. По-моему, проще всего это сформулировать как включенность в историю. То есть все эти мойщики посуды включены в разные истории. Солдата заставили, он—раб, роль простая и грустная. Вернувшийся блудный сын — ну, это прекрасная история, он моет посуду как победитель, и ему приличествует легкая регрессия, ностальгия, умиление. В монастыре это—часть практики, ведущей тебя к Богу, смыкающаяся с молитвой; ты идешь выше, возвеличиваешься, или можно сказать наоборот, —утверждаешь дело Божье, пытаясь влиться в Его волю, забывая ничтожную свою.

Есть разные истории, понимаете? И в каждой истории есть свой смысловой центр, и есть полуразмытая периферия, и есть дальние просторы бессмысленности. Когда Герда идет искать Кая, бессмысленно звать ее замуж. Это после, это — в другой истории. В этой ей надо дать теплые сапожки или сбить ее с пути—и то, и другое имеет смысл! Помните, опоенной Герде в саду у одной старушки цветы рассказывают каждый свою историю, но ни в одной из них нет ни слова про Кая! Она убегает от них, и вполне вероятно, что вы даже не помните этот эпизод, а ведь это целая глава в сказке!

Смысловое пространство образуется из самого сока событий. Это векторы смысла, вдоль которых дела делаются хорошо и с любовью, а против которых и вкривь получается одна херня и солдатская столовая, где даже алюминиевые подносы сочатся ненавистью и унижением.

Так вот: то, что показывают грибы,—галлюцинаторно в пространстве внешнем, в смысле — иллюзорно, «не реально», но это как раз потому, что они часто напрямую транслируют картины из пространства смыслового.

---

[24] Или вот есть такая зарисовка, с натуры: курит молодежь марихуану, все сидят кружком и гогочут, а один отошел в сторону и со страшной силой задумался: «Зачем я родился? В чем смысл жизни?» Он аж вслух стал про это рассуждать. Подошел к нему один из остальных, послушал секунду, а потом закричал: «Эй! Пацана на измену пробило! Х...ево затриповал! А ну давай к нам до кучи!»

Глава 3
КАК ПРИНИМАТЬ ГРИБЫ: ПРАКТИКА

«Полюбите Бога так, как вы любите бабки, и уйдите, не разбирая дороги»
(Ра-Хари)

1. Важно понять, что практика, как карма, существует ВСЕГДА, всегда принося определенные плоды. Практику я обозначил бы как повторяемый гештальт действий с хорошо обозначенными (сознательно или бессознательно) правилами. Все, что угодно, образует практику, если повторяется достаточно часто. Йога, ухаживание за садом, болтовня, мастурбация — что угодно. Бег, филателия, флирт, разборки отношений, рисование пейзажей, путешествия — все это образует практики в том смысле, что это делается, что это в какой-то момент начинается, проходит свои этапы, кончается и дает вполне определенные последствия, и скоро повторяется опять. Я бы не делал разницы между такими практиками, которые зачинаются специально (вроде йоги) и теми, что будто бы происходят сами (типа скандалов). Черт здесь ногу сломит в рационализациях эго. Но мне кажется важным осознавать последствия каждой определенной практики.

Например, после динамических медитаций я обычно чувствую себя очень спокойно и «однозначно» (в смысле — без сомнений) и часто — сильно заряженным энергетически. Например, после болтовни я часто чувствую усталость и желание потереться лицом о стенку. Например, путешествия в одиночку часто погружают меня в печаль, мысленное перебирание всего, что случилось до, резкие смены состояний, любовь к тем, кого оставил... И так далее. Все это—практики. Мы в них живем.

2. Традиции мацатеков. Мацатеки — вовсе не единственная группа, традиционно употребляющая грибы, но с них «всё» началось, и про них известно больше. Мифология их сложна, особенно для понимания людьми с «конкретным» подходом, типа «или ты веришь в это, или, наоборот, в это». Как и многие другие индейцы, они фантастически (в нашем понимании) терпимы, и спокойно сочетают свое исконное язычество с самым искренним христианством. (Мария Сабина была одним из организаторов мирских католических «сестринств» и активно работала в таком много-много лет, делая свечи и подготавливая мессы по праздникам.)

Стоит отметить, что прием грибов—совсем не единственная церемония, обычная в Хуаутле и окрест. По самым разным причинам отдельные индейцы и целые семьи часто устраивают «очищения» — обычно также с помощью «мудрого человека». Жгутся свечи и копаль, читаются молитвы. Это может включать в себя элементы магии или нет—в зависимости от того, кто проводит очищение.

На языке мацатеков грибы называются сложно и красиво, что-то вроде «потрясающие малыши, которые сами высовываются (или выскакивают)». Их часто называют «маленькими святыми». Впрочем, «часто называют»—не верно. О грибах, в отличие от алкоголя, открыто говорить не принято.

В согласии с традицией, грибы собираются на раннем рассвете юной девочкой, девственницей. Лучше всего это делать во время новой луны. Потом грибы приносятся в церковь и какое-то время лежат на алтаре (это не обязательно большая, «главная» церковь, потому что в тех местах много маленьких церквей, которые строит отдельный человек или семья; или это может быть даже уголок внутри дома, как у Марии Сабины). Их никогда не показывают открыто на рынке, даже если они предназначены для продажи. Их вообще показывают как можно меньшему количеству глаз (тот, кто собирает, сразу заворачивает их в

листья). В любом случае они передаются из рук в руки по предварительному договору.

Церемония, «велада», «vigil» происходит всегда ночью. Тот, кто ест грибы днем, считают индейцы, рискует сойти с ума. Церемонией руководит один или одна из «мудрых» или целитель (целители и колдуны, — тоже «работники здравоохранения» у индейцев, но как бы рангом пониже «мудрых»). У велады всегда есть конкретные цели. Обычно это исцеление больного, но может быть также разрешение любых трудных проблем (кража, отсутствие вестей от близких, пропажа человека и пр.) Грибы даются участникам церемонии после обрядов очищения—и людей, и грибов. Среди участников есть «мудрый», есть тот, ради которого устраивается церемония (например, больной), и часто могут быть другие люди (обычно семья, близкие больного). Все они обязательно выдерживают несколько дней поста в пище и сексе.

Грибы раздаются парами. Их нужно съесть целиком (включая, например, основание ножки, потому что иначе гриб может потом заставить человека искать свою ножку). После того как грибы съедены, убирается весь свет, и вся ночь проходит в полной темноте. Никто, кроме ведущего и его помощников, не может покинуть места церемонии до утра.

Мацатеки считают, что грибы «говорят». *«Если вы спросите шамана, откуда идут его образы, он, скорее всего, ответит: «Я не говорил этого, это сказали грибы». Шаманы, которые едят их, — глашатаи истины, поющие ораторы, устные поэты своего народа, они лечат словами, они говорят, что не так и что нужно для излечения, они мудрецы и оракулы, «охваченные голосом»*[25].

Нараспев, речитативом, часто отбивая ритм, «Мудрый» в течение всей ночи «ведет речь», взывая к святым и другим силам, утверждая себя и свой поиск, находя ответы, описывая все происходящее в его главном смысле. Описать такую речь очень сложно. Звучит она как песня.[26] «Мудрый» не запоминает слова ее; они приходят, когда грибы находятся внутри, они идут от самих грибов. Большая часть фраз в этой речи оканчивается словом «цо»—«говорит», в смысле—«та сила говорит», «грибы говорят».

Я—женщина мудрости, говорит,
Я—женщина языка, говорит,
Меня знают в небесах, говорит,
Меня знает Бенито Хуарес, говорит,
Я—святой Петр, говорит,
Я—Иисус Христос, говорит,
Я—дева Мария, говорит,
Я—та, кто говорит с горами, говорит,
Я—та, кто говорит со святыми, говорит,
Мы будем искать корень болезни, говорит,
Мы найдем причину несчастья, говорит...

Таким образом, «мудрый» обычно говорит за всех[27]; остальные хранят молчание.

Для лечения часто нужно, чтобы человек вырвал. Мария Сабина рассказывала, что и это она часто делает вместе с человеком или даже вместо него (особенно, если больной — ребенок).

Плата за такие церемонии обычно очень мала и носит скорее символический характер (например, несколько фруктов). *«Мудрый не должен брать денег. Тот, кто берет их, —лжец.*

25 Так рассказывает Henry Munn в своей работе «Mushrooms and Language» (from: Hallucinogens and Shamanism, edited by Michael J. Harner). Манн — один из белых, которые «эмигрировали» в Хуаутлу. Он женился на индианке и прожил там много лет, до самого последнего времени.

26 Вассон полностью записал одну из церемоний, проведенных Марией Сабиной, и издал ее в 1974 году в виде пленок, транскрипции по-мацатекски, переводов на испанский и английский, со своими комментариями, а также с прекрасными фотографиями Ричардсона.

27 Клод Леви-Стросс красиво сравнивает психоаналитика (который слушает, заставляя человека говорить) и шамана, который говорит за того, с кем он работает. (Claude Levi-Strauss, «The Effectiveness of Symbols»).

Мудрый рожден лечить, а не делать бизнес из своего знания»[28].

3. Я бы вначале хотел дать незлобный пример, как не надо принимать грибы. (Интернет полон примерами гораздо более драматичными). Этот пример тем более замечателен, что принадлежит человеку симпатичному и умному, доктору биологии и, что самое смешное, одному из самых значительных в мире специалистов по систематике псилоцибиновых грибов.

Итак, доктор Гастон Гузман описывает[29], как он ел грибы, которые уже тогда начал изучать, в той же Хуаутле, где их ел Вассон, через три года после первой «велады» с участием белых. Он работал в Хуаутле уже не первый раз, и дон Исауро, в доме которого это происходило, был с ним в очень хороших отношениях. Гузман попросил устроить церемонию, чтоб «узнать грибы» и «избавиться от боли в ноге». На самом деле он по-прежнему сомневался, что грибы обладают психоактивностью. Дон Исауро сомневался в кандидате, но согласился, скорее всего, из желания угодить дорогому гостю. Далее— по тексту, который хотел я исчертить восклицательными знаками, но удержался. Смотрите сами.

«Восьмидесятилетняя мать дона Исауро заправляла церемонией. Она обращалась с грибами с уважением; достав их, она вначале держала их в ароматном дыму перед алтарем. Раньше в этот день она по просим двух своих старших сыновей также есть грибы в этот вечер, чтобы сопровождать меня во время церемонии.

После того, как грибы были съедены, я немного поболтал с доном Исауро, любопытствуя, когда же начнут проявляться галлюцинаторные эффекты. Я посмотрел на свои часы и увидел, что было довольно поздно — около девяти (семья ложилась обычно в восемь) — так что я решил лечь на свою подстилку. Когда я сказал о своем решении дону Исауро и его матери, они также решили лечь спать. Два брата продолжали сидеть за столом, где они так и провели всю ночь.

Как только я лег на свое место, весь свет в доме погасили. Единственным источником света осталась масляная лампа под моей самодельной «установкой» для сушки грибов. Грибы начали проявлять эффекты через полтора часа после того, как были съедены. Я смотрел на освещенную «сушилку», и вдруг она стала похожей на замок или дворец с человеческими чертами. Это не было собственно галлюцинацией, но скорее иллюзией, которую я так и воспринял. Замок улыбнулся мне и сказал: «Иди, иди, не бойся». Я был удивлен и немного испуган, несмотря на его успокаивающие слова. Затем, когда я потянулся за своими очками, замок громко засмеялся. Я постарался повернуться к нему спиной, чтобы немного поспать, но это оказалось невозможным, потому что теперь я видел множество привлекательных, ярких красок, куда бы я ни смотрел, вне зависимости от того, закрыты были мои глаза или открыты. Эти краски постепенно превратились в очень высоких негров, которые танцевали вокруг моей подстилки и пели. В это время я чувствовал себя очень хорошо, как будто лежа на прекрасном матрасе; к тому же мне хотелось смеяться, когда замок продолжал меня звать. Я почти просил его помолчать, потому что был очень занят спектаклем танцующих негров.

Когда я попытался понять, почему я вижу такие странные вещи, танцоры исчезли. Потом появилась собака, за ней кошка. Оба обежали мою подстилку очень быстро, а замок тем временем продолжал меня звать и смеяться. Опять я попробовал проанализировать эти «галлюцинации», но нашел это слишком трудным. Я не мог ясно думать ни о чем.

Затем я заметил, что мои ноги совершают движения, как будто я иду, хотя я по-прежнему лежал на спине. Я отругал их за это, но они не обращали на меня внимания и продолжали, словно балующиеся дети.

Вдруг я попал в пещеру под своей подстилкой, где стал наблюдать множество любопытных светящихся маленьких животных, окруженных очень странной музыкой. Их нереальность была очевидной. Я стал плохо себя чувствовать, появилось ощущение

28 Так сказала в своем интервью Мария Сабина, всю жизнь зарабатывавшая тяжелым «обычным» трудом. По домам других «мудрых», сфотографированных Вассоном, Гузманом и другими, видно, что это правда.

29 Этот рассказ напечатан в статье Гузмана «Wasson and the Development of Mycology in Mexico», в сборнике статей, посвященных Вассону, которые вышли книгой «The Sacred Mushroom Seeker» под редакцией T.Riedlinger.

определенного сумасшествия. Когда я стал пытаться вернуться на свою подстилку, я обнаружил ее почти вне досягаемости под потолком пещеры. Рядом была лестница, но сломанная. В конце концов, однако же, я сумел вернуться на подстилку. Там я нашел своих кузена и кузину, которые тепло со мной разговаривали. Кузина протянула мне руку в приветствии. Подозревая, что и она, и ее рука были нереальны, я задержался с ответом. Затем мне пришло в голову, что это неподобающее поведение для джентльмена, и я протянул руку для ответа, по-прежнему лежа на спине. В этот момент я вдруг понял, насколько смехотворны мои действия и мысли, поскольку все эти странные вещи, которые я видел, конечно же, были нереальны! И, тем не менее, они выглядели так правдоподобно!

Позже я вспомнил, что Вассон писал об ***Amanita muscaria*** *[мухоморе], что психоактивные вещества проходят через тело и выводятся с мочой. Наверное, то же самое происходит с Psilocybe. Это вдохновило меня пойти и помочиться, поскольку я вычислил, что это должно уменьшить интенсивность переживаний. Вместо того чтобы идти, однако, — ходьба была невозможной из-за непроизвольных движений ног—я стал пересекать комнату на всех четырех. Когда я добрался до двери, кто-то сказал: «Инженер бежал». (Индейцы зовут каждого в рабочей одежде из Мехико Сити инженером). Меня опять окружили — на этот раз реальные люди.*

Дон Исауро спросил меня: «Что происходит, инженер?» Я заверил - его, что со мной все в порядке, просто нужно выйти помочиться. Он хотел знать, почему я ползу на четвереньках, а затем показал мне, что снаружи идет дождь. Я сказал, что рад дождю, потому что мне нужен душ.

Когда я вернулся на свою подстилку, я увидел, что грибная сушилка по-прежнему напоминает замок... Это продолжалось почти всю ночь. Я заснул около четырех. Час спустя я проснулся от звуков, которые издавали люди, готовившие кофе и тортиллас перед тем, как идти на работу. Я немедленно посмотрел в направлении одушевленного замка и увидел, что он опять стал сушилкой. Я чувствовал себя уставшим и голодным, но в остальном нормально».

4. Большинство обычных ошибок «наших» исходят из того, что человек не готовится, а это в основном потому, что не верится во что-то такое уж особое и отдельное. Человек в потоке обыденной жизни так ею «проспиртовывается», так привыкает к своему сознанию и к часам, что не представляет себе, что все может быть очень и очень по-другому. Трудно сказать, что оказывается глупее по отношению к грибам—легкомыслие или страх.

Все, что я дальше опишу, основано на очень куцем опыте — я имею в виду не только себя, но и все те сорок лет, в течение которых грибы принимаются «белыми». У нас нет почти никакой культуры этого, почти никаких традиций, не говоря уже об эстетике. Нет ритуала, если выразить это коротко. А то, что он нужен, понимает почти любой мало-мальски серьезный «психонавт», естественно, в основном на своих ошибках. Теперь: ритуал нельзя выдумать, он может только вырасти, и мне хочется верить, что вырастет, с какими угодно вариациями. Выращивание такого ритуала — одна из немногих вещей в жизни, ради которой я стал бы «работать».

Итак, подготовка.

5. Подготовка. Первая заповедь: в трип нельзя влетать наскоро, по случаю, по прихоти, по «обстоятельствам». Это должно быть продуманным решением — и я бы назвал сутки как минимальный период между решением и началом. Конечно, лучше больше. Итак, решение, с чем бы оно ни было связано. Далее — очищение. Хотя бы по той элементарной причине, что в трипе очень увеличивается чувствительность, хорошо бы в последние день-два подчистить самые очевидные места. Для разных людей это значит разное, но обычные моменты:

• Постараться не убивать (я серьезно — включая насекомых и растения).

• Ложь — к минимуму (что для многих значит: разговоры к минимуму).

• Пост. Какой угодно, но — пост. Индейцы постятся три дня до и три дня после (не только с грибами; так же делают и те, кто пьют айяхуаску в Амазонии). Чистая еда, типа фруктов.

Простая еда, типа каши. Полное трехдневное воздержание я проповедовать не буду, сам не умею, но последние 10 часов перед трипом — оно обязательно. И причин здесь море, в том числе чисто физиологических. Желудок должен быть пуст. Это означает один завтрак, если вы принимаете грибы вечером.

• Воздержание от секса. Это имеет смысл, безусловно, не в смысле «грязи», упаси нас всех, но даже когда чисто и по любви — воздержитесь хотя бы пару дней. Сберегите эту энергию. В молодости, когда энергия захлестывает, не очень заметно, сколько тратится ее в постели. На самом деле — очень много. Здесь согласны, в общем, все «духовные» и «энергетические» традиции. То есть причин называется множество, а практический вывод один. Под сексуальное воздержание подпадает не только половой акт. Это—мастурбация, фантазии и прочее.

6. Далее готовится время, место, ситуация. Время должно быть свободным — хотя бы сутки (это — полнейший минимум для бедных), а на самом деле двое. Принимать грибы вечером и идти на работу с утра — мазохизм и дурость. Время должно быть чистым и свободным, без обязательных телефонных звонков, без «может быть, кто-то зайдет», без того, чтобы на него кто-то мог «посягнуть». В том числе маленькие дети—лучше удалить их «с поля». Опять: причин много, а вывод один. Если у вас нет, конечно, какой-то специальной, продуманной причины сделать наоборот.

Теперь: ночь или день? Спать — вы не заснете, дело не в этом. Очень разная энергетика (если хотите, можете объяснить это циркадными колебаниями количества в крови мелатонина и прочих гормонов). Традиция мацатеков — 100%-ная ночь. Я делал и так, и так, и склонен к ночи. Это еще зависит от того, что вы хотите делать. Но если размышлять — то ночь, если ждать откровения — то ночь. Ночью легче «держать ситуацию» в смысле покоя и тишины. Преимущества дня минимальны — так, не нарушается режим (если принять грибы в 12 дня, то в полночь вполне можно заснуть и не «выбиться из графика»). Или вот: однажды я ел грибы на «балконе» горы, на высоте полета орлов над прекрасной долиной. Я бы не решился делать это там ночью: все-таки рядышком был обрыв.

Место: свое, защищенное, хорошее. Я совсем недавно, скажем, полтора года назад, начал есть грибы на природе. Раньше я делал это там, где спал. Своя комната и постель—хорошее место, если для вас это хорошее место! Теперь: это место должно быть знакомым, хоть как-то «нажитым» в обычной жизни. Это касается и места на природе. На природе, безусловно, прекрасно, но здесь надо быть осторожным. Горы, лес—сами по себе «Психеделические» факторы. На природе все сильнее, а «духов» — значительно больше. Лучшее место — «место силы», специально выбранное, найденное и сделанное. Например, прекрасен круг (иногда водопады образуют чудесные защищенные со всех сторон круглые площадки в горах). Впрочем, тут уже—раздолье фантазии. Очень хорошо, чтобы в этом месте вы—медитировали, молились или занимались чем-то любимым.

Наконец, ситуация. Очень важно—с кем. С кем-то—почти обязательно. Самый минимум, минимальный минимум — это близкий вам человек, которому вы доверяете, в качестве «трезвого» помощника, который все время находится рядом (пусть даже в соседней комнате) и постоянно готов вам помочь. Я закаялся, есть грибы в одиночку, трудными были все трипы, когда я это делал, и это при том, что я довольно-таки одиночка по жизни. Очень хорошо иметь проводника. Прекрасно есть грибы вдвоем с любимым. Может быть, пара влюбленных — это тот единственный случай, когда можно обойтись без «трезвого» помощника. Этот помощник нужен вовсе не только для аврала (который все-таки очень редко бывает). Он прекрасен для того, чтобы поставить музыку, принести одеяло, уладить все контакты с внешним миром. Он вообще нужен как часть ситуации. Кушать в одиночку или вдвоем, спать в одиночку или вдвоем—сильно разные вещи; а тут еще сильнее.

Наконец, это может быть группа; но тут уже присутствие «главного», «проводника» мне кажется обязательным. Если «десять негритят пошли купаться в море...» Кстати, лучше один «главный», чем двое, если они не зверски единодушны. И еще, кстати, здесь тоже «трезвый»

помощник не мешает, и для него это также может стать большим и глубоким переживанием.

7. Перед началом. Готовишься, как к празднику, только что обращаешь красоту не напоказ, а вовнутрь. Моешься. Надеваешь хорошую одежду.

«Нравится мне, —лиса говорила, — что любят тебя твои вещи...»

Вот именно такую одежду. Потом — талисманы, какие есть. Все, что может тебе помочь, тебя защитить. Это может казаться полной дурью «здесь», но оказаться важным «там». У меня есть костяной нож со страшной мордой, я достаю его только для трипов, раскрываю и кладу у двери — или у входа в палатку — короче, с самой открытой стороны.

Хорошо, если можешь помолиться. Тут, понятно, каждому свое. Я люблю читать 103-й псалом Давида. Мирон Столярофф в своей книге «The Secret Chief» приводит молитву 17 века[30], которую он дает прочесть людям перед ЛСД-трипом:

Господи, я не знаю, чего просить у тебя; что нужно мне—знаешь только Ты; Ты сильнее любишь меня, чем я сам. О Отец, дай сыну Твоему то, о чем он сам не знает, как попросить. Я не осмелюсь просить ни о кресте, ни об утешении, я просто становлюсь перед Тобой и открываю Тебе свое сердце. Утешь мои нужды, о которых не знаю сам; посмотри и соделай по великой милости Твоей. Сокруши или излечи; повергни меня или возвысь; я преклоняюсь перед целями Твоими, не зная их; в молчании я приношу себя как жертву; я уступаю Тебе себя; нет во мне других желаний, кроме того, чтобы выполнить волю Твою. Научи меня молитве. Молись Собою во мне. АМИНЬ.

8. Отдельный вопрос: «загадать желание», решить — попросить — настроиться на что-то конкретное. Это двусмысленная материя (особенно после молитвы, которую я только что привел). С одной стороны, во многих традициях с использованием священных растений, в том числе у мацатеков с грибами, «церемония» устраивается с совершенно конкретными целями: лечение, избавление от напастей, ответы на насущные вопросы. Тут, правда, есть еще один момент, который стоит принять во внимание: причины болезни, пути излечения, ответы на вопросы обычно «видит» и называет шаман. Как сказал Рамон Медина Сильва (мариукаме («шаман») индейцев Уичоль), *«только мариукаме видит действительно важные вещи, и только его видения стоит знать другим. То, что видит обычный человек — просто подарок духов, для красоты, и рассказывать он об этом никому не должен»*[31].

Но при нашей демократии, где чуть ли не каждый сам себе шаман, а избранных провидцев почти не наблюдается, есть нужда в иной практике. То есть на самом деле «загадывать» можно. Но стоит помнить, что грибы — это «тяжелая артиллерия», которая по мелким птицам не стреляет. Если помните, я рассказывал уже, как в свой первый трип хотел написать рассказ. Подобные поверхностные вещи, под которыми нет глубоких психологических мотивов — типа написания диссертации — не проходят обычно, грибной опыт их сметает с пути. Но есть вещи по-настоящему важные, которые думаешь «всем собой» и у них есть хорошие шансы действительно стать смысловым центром трипа. У меня было так, пожалуй, лишь однажды, когда я был в глубоком внутреннем конфликте на тему того, как жить дальше (я видел два варианта)—и я вошел в трип с четким желанием не выйти, пока не получу ответ. И получил, и, конечно, так и сделал.

Есть одна история на эту тему, которая мне очень нравится. Рассказывал мне вроде бы очевидец: *«Один мой знакомый решил точно выяснить, есть Бог или нет. Он принял ЛСД и сел в углу комнаты, непрестанно повторяя: «Есть ли Бог? Есть ли Бог?» (чтобы не забыть, не отвлечься). И вот он так сидел, сидел (отвернувшись ото всех в угол), повторял, повторял, а потом вдруг оборачивается, глаза огромные и говорит: «Кто я?»*

30 Ее записал Francois de Salignac Fenelon (1651—1715), архиепископ Cambray

[31] Из книги «The Peyote Hunt» by Barbara Meyerhoff

Нет, ну я тащусь во всю длину, как сказала бы Желтая Обезьяна.

9. Есть какая-то очевидная закономерность в том, что все священные растения чрезвычайно неприятны на вкус. Это если мягко выразиться. Но нужно пожевать кактус или выпить айяхуаску, чтобы понять, что грибы — вполне терпимая «еда». Понятно, что традиционно их едят свежими, и это лучше всего. Я чаще ем высушенными, и это примерно то же самое. Есть много способов их «готовить», и хотя я ими никогда не увлекался, кое-что можно рассказать.

Понятно, что сухие растолченные мелкие кусочки грибов можно вложить во что-то — в капсулы или, скажем, в абрикосы на место косточки. Далее, можно делать простой экстракт слабокислотным раствором типа аскорбиновой кислоты (витамина С) или лимонного сока. Это особенно имеет смысл, если у вас в руках не грибные тела, а мицелий (см. главу про культивирование). Я делал так, но, если честно, всегда ел и те кусочки, из которых делал экстракт, — так что эффективность «настоя» мне трудно оценить. Имейте в виду, что в лабораториях подобные экстракты настаивают несколько дней, собирая жидкость и заменяя ее новой (а потом сливая их вместе). Горячая вода тоже экстрагирует алкалоиды, и отчеты о «голубом чае» нередко встречаются на Интернете. Третий способ — готовить грибы как еду— мне очень не нравится символически. К тому же псилоцибин и псилоцин начинают разрушаться при нагревании больше 70° С (поэтому и «чай» в неумелых руках — на грани перевода продукта). В Таиланде и на Бали в ресторанах для туристов подают множество кушаний — типа яичницы — с грибами, и они вполне активны. Но я повторяю, мне это кажется дурным смешением жанров[32].

10. «Доза». Правило номер один:

для новичка она должна быть наверняка сильной. Грибы должны «взять» человека, первый трип должен быть сильным и полным. Это вопрос практики[33], а объяснений я здесь вижу два. Во-первых, у взрослого человека, не знакомого с состояниями экстаза и расширенным сознанием, существует обычно крепкая система защит против этого (он потому и «не знаком» с тем, что разлито всегда и повсюду); назовите ее «крышей», «занавесом», как хотите. В первый раз ее «пробить» труднее, чем потом. Во-вторых, если доза недостаточна, и все эти защиты не будут однозначно сметены сразу, и у них будут хоть какие-то шансы работать, то они, скорее всего, работать будут, и трип может превратиться в «войну» «просветленного» и «обыденного» сознаний. Это и очень неприятно и малопродуктивно. Как любитель околопороговых маленьких доз, я говорю об этом на собственном опыте. Это не обязательно прямо уж война, но это бесконечный спор, разделенность, нестыковка. Можете почитать в приложении рассказ о Дарвине и Эйнштейне как иллюстрацию такой нескладушки (я, кстати, не говорю, что это история «маленькой дозы» — это «вечная история», как говорит заглавие, — но это, по-моему, хорошая иллюстрация одного из типичных сюжетов «приграничного» психологического пространства).

Сама доза абсолютно вариабельна, прежде всего потому, что разные виды грибов содержат разные количества активных алкалоидов[34]. Люди знают. Подмосковных Panaeolus нужно съесть около сорока (они маленькие), а Psilocybe cubensis из Мексики достаточно пяти плодовых тел. Грибы неаддиктивны (не вызывают привыкания), и доза для последующих приемов не растет. На самом деле — наоборот, раз «пробитая крыша» потом легче пропускает

32 Так и вижу, как я в чине архангела прохожу перед строем новопредставившихся душ и строго спрашиваю: «Туристы есть?»

33 Распространенной, но не универсальной. Такой знаток, как Пол Стаметс, в «Psilocybe Mushrooms of the World» говорит об аккуратном наращивании доз вначале до активной (которая, конечно, индивидуальна)

34 И грибы одного вида, даже, например, растущие в соседних одинаковых коробках, могут различаться в содержании псилоцибина в 5 раз

солнечные лучи, и дозу можно уменьшать. Я—сенситивный тип, мне может хватить полутора граммов высушенной Psilocybe cubensis, в то время как средняя доза—граммов 3—4—5. В моем понимании трип запускается как нейронный импульс — или порог перейден, и тогда он пошел, или нет, система «О или 1». Это, конечно, не совсем так, большие дозы уносят дальше, но тут я не знаток.

11. Время от приема грибов до начала трипа сильно колеблется. В среднем это полчаса, но все может начаться почти мгновенно—минут через 5—10. Так что не стоит это время «занимать». Здесь, как и во сне, поймать момент «перехода» почти невозможно, но наблюдать все равно интересно.

Очень имеет смысл первые полтора-два часа провести в состоянии «иммобилизации» — лежа с закрытыми глазами, проще говоря. Заснуть практически невозможно, разве что грибов было слишком мало. Грибы увеличивают осознавание, а не наоборот. Даже засыпая (такое все-таки бывает), человек способен «смотреть на это со стороны» — и засыпать, и осознавать происходящее одновременно.

Итак, вначале имеет смысл максимально «погрузиться». Музыка— личное дело каждого.

12. Дело «ситтера», «трезвого» помощника: быть невидимым, но быть. Раз в полчаса, если все тихо, имеет смысл подойти и спросить, все ли в порядке. Даже если вам не отвечают— добиться хотя бы кивка головы. Очень может случиться, кстати, что именно те моменты, когда вы к нему подходили, человек и запомнит лучше всего. Это, похоже на то, как сны запоминаются лучше, если будить во время сновидения. Но не лезть, если вас не просят! 100% не лезть с расспросами. Относитесь к подопечному, как: к дряхлому мудрецу,—ухаживайте, но помните, что он, скорее всего, сам знает что для него лучше. Если его прет куда-нибудь на балкон, убедитесь, что он полностью контролирует себя. Хочет пойти гулять — предложите себя в компанию. Если он хочет без вас — я бы отпустил. Я повторюсь: триповали тысячи людей, и все почти всегда проходит без авралов (в мирах физическом и социальном).

Лучшая история, которую я знаю про ситтера, рассказана Тимоти Лири[35]. В одной из «экспериментальных» Гарвардских сессий с псилоцибином, которая проводилась на дому у одного психолога, участвовал один инженер-электронщик. В какой-то момент трипа он сильно запаниковал и стал истерически звать то жену, то маму. Сам психолог в это время был в ванной, и он оттуда крикнул своей жене, чтобы она его «успокоила». Она вытерла руки (поскольку мыла тарелки на кухне), подошла к инженеру, который истошно кричал, что ему нужна его жена, обняла его сзади и стала шептать: «Твоя жена— река, река, река...» Он заметно стал успокаиваться, но все же сказал: «Тогда мне нужна моя мама». «Твоя мама — река, река, река...» — повторяла она. Инженер совсем успокоился и затих, и она вернулась на кухню к тарелкам.

13. «Психологическая капитуляция» — вот один из лучших способов вести себя по отношению к грибному опыту. Приказывать всем своим членам и мыслям «себя» слушаться (это «себя» — крайне сомнительный субъект, в основном иллюзорной природы), дергаться от «нереальности», «не поддаваться» (как это делал Гузман в примере выше)—плохой стиль, ведущий к напряжениям, запутанности, плохим ощущениям и нулевым результатам. Если вы уж пошли к грибам, позвали их — дайте им поработать над собой.

Оценивать, какие вещи стоит, а какие не стоит видеть, — это не просто глупо, но еще и рискованно. Серьезно. Если змею, которую вам показывают, вы еще и нагружаете дьявольским смыслом (которого в ней ведь может и не быть), то вы приглашаете дьявола принять участие в игре. Людям с ригидными моделями «материализма» или ортодоксальной «веры» может

35 И приводится в книге Peter Stafford «The Psychedelic Encyclopedia»

прийтись особенно тяжело.

В какой-то момент она неожиданно увидела прекрасного ангела, ведущего партию сопрано в хоре. *«Я вижу ангела! Еврейке не следует видеть ангела, ведь это противоречит моей религии, но это настолько, настолько прекрасно! О, нет, все в порядке, это не ангел, это Кэррол Вернет!».*[36]

Довольно распространенный опыт первого раза — «приглашение», образ ворот, дверей, и довольно распространенный ответ — туда не идти. И этот образ потом уже не повторяется.

Понятным для меня исключением из правила «капитуляции» является поведение человека, скажем так, буддистски ориентированного, который не разрешает своему сознанию погружаться в «фантазии», но стремится остаться в «здесь и сейчас»[37]. Но это — особая практика, и я думаю, что она возможна только для человека, опытного в медитации и твердо решившего такой практике следовать.

14. Регулировать глубину трипа, в общем-то, нельзя, но немножко можно. Лежа с закрытыми глазами, следуя процессу, мы углубляем состояние. Самый очевидный способ немного «выйти» — разговаривать. Разговор, как ничто другое, погружает нас в социальную ситуацию. Сами слова «я», «ты», «я тебе говорю» — они усиливают тот уровень сознания, где есть «я» и «ты», но почти никогда нет той вспышки прямого и непосредственного «я» — «ты» — отношения, о котором писал Бубер. Будьте осторожнее с разговором — это относится и к «героям», и к «ситтерам».

Пограничник!
Будь внимателен: враг рядом!

— как писали в советское время на фанере. В смысле: ситтер! будь внимателен! Если твой подопечный хочет сказать что-то большее, чем одну-две фразы, то это может быть частью процесса катарсиса (оздоровления), но, может быть, он просто боится чего-то и цепляется за тебя. Смелее отпихивай его веслом! Не надо быть психологическим гением, чтобы отличить одно от другого.

Все это становится особенно актуальным, когда происходит так называемый

15. «Плохой трип». Мне не очень нравится это название, и я бы, скорее, назвал это «трудным трипом». Что это такое — сформулировать достаточно трудно. Ну вот представьте, что трех малышей ведут в зоопарк и что при этом первый мечтал туда попасть давно и бурно наслаждается, второму все равно, но его устраивает сладкая вата, а третьему не хочется никаких тигров и птичек, а хочется домой. Ему хочется домой, а его продолжают тащить по зоопарку, он плачет, но поход продолжается. Путешествие в зоопарк может быть очень трудным трипом для него — хотя, конечно, он выживет. То есть дело не в том, что тебе показывают, а в том, как ты к этому относишься. Интересно другое: очень может быть, что и первый, и второй малыши очень скоро забудут, что были в зоопарке, а вот для этого трудного третьего тот день запечатлится ярким переживанием. И даже очень может быть, что он сделает из этого своего трипа далеко идущие выводы — ну, не знаю, скажем, что надо побыстрее повзрослеть и самому ходить куда хочется. И даже может статься, что он и правда быстрее повзрослеет! Вот ведь как странно!

---

36 Пример из книги Станислава Грофа и Джоан Хэлифакс «Человек перед лицом смерти», глава 4 «Параметры сознания: картография человеческой психики».

37 Дзэнская история: как монаху-повару в дыму приготовляемых кушаний явился Будда Амитаба. Монах замахнулся на него поварешкой и крикнул, чтобы тот убирался и не мешал заниматься делом. Образ исчез.

а я устал, машу из последних сил,
ободрал всю морду, уцепился за крайний куст,
ладно, говорю, но в последний раз, а он говорит, псих,
ты же летал сейчас, ладно, говорю, пусть,
давай еще разок, нет, говорит, прости,
я устал, отпусти, смеется, не могу, ты меня достал,
разок, говорю, не могу, говорит, теперь сам лети,
ну и черт с тобой, говорю, Господи, как я с тобой устал,
и смеюсь, он глядит на меня, а я смеюсь, не могу,
ладно, говорит, давай, с разбега, и я бегу[38]

16. После трипа. Если ты умный — дай себе время «разжевать», вобрать в себя, сложить все воедино. Первые сутки — просто священное в этом смысле время. Теперь, когда ты вернулся, важно взять в свое «обычное» как можно больше «оттуда». Интегрировать — вот это слово.

Есть такое мнение, что на следующий день не надо смотреть людям в глаза и их касаться. Помимо магии, здесь есть явный и простой здравый смысл: побудьте с этим наедине!

И еще — я сторонник того, чтобы обязательно сделать «по этому поводу» что-нибудь практическое. Чаще всего это не надо придумывать —оно напрашивается само. Так после одного трипа, в котором я был «зеленым и текущим», похожим на лист алоэ, я посадил свои первые растения. Обязательно, обязательно надо вытаскивать увиденное и познанное на свет! Этого-то грибы уже не могут, это только ты можешь, со своею плотью и кровью. Картины писать, звонить любимым, бросать службу, свечи ставить, воплощать то, что увидел—пока не навалились на чудесные узоры серые слои обыденного сознания...

17. Когда можно повторять? В грибах есть некий заложенный механизм против привыкания и даже просто частого употребления. На то, чтобы уложилось все, уходят обычно недели, а может спокойно уйти год («этого времени»). Пока не уложилось, любой нормальный человек сам не захочет никаких новых трипов. Я в жизни не буду есть грибы, пока не разберусь с предыдущим опытом, в том числе, пока не сделаю то, что решил тогда сделать.

Многие после первого, самого распрекрасного раза, больше не повторяют никогда. Экстаз — не шуточки, не развлекаловка. Это очень сильные переживания. Кроме того, я думаю, для многих в трипе открывается необходимость что-то в своей жизни изменить, и они старательно потом работают на забвение этого. Можно и так.

Некоторые едят грибы в критические моменты—как бы прибегая к советчику и избавителю. Некоторые едят тогда, когда чувствуют себя сильными, здоровыми и «готовыми для нового». Некоторые едят тогда, когда могут найти, а во многих районах Земли грибы растут очень сезонно. Некоторые едят тогда, когда соберется хорошая компания...

18. Для тех, кто осмеливается давать грибы кому-то еще. Понятно, что не мне вас учить. Но вот не так давно вышла книга Мирона Столярофф «The Secret Chief» — она построена как интервью с «Якобом», американским психотерапевтом, который много лет проводит ЛСД-терапию (конечно, неофициально, андерграунд). Книга доступна в Интернете[39], но я все равно хотел бы коротко рассказать об основных моментах процесса, который выработал «Якоб». Итак, он проводит первую встречу с человеком, которого ему кто-то рекомендовал (целая глава в книге посвящена «селекции»). Затем сам трип—для первого раза он всегда использует ЛСД — проходит обычно в доме самого человека, начинается утром, часов в 8 утра. Структура трипа задается взаимным договором, который состоит вот в чем: без предварительного согласия с терапевтом человек не будет покидать дом во время трипа и не будет рассказывать никогда

38 Я не знаю, кто написал это чудесное стихотворение.
39 На сайте MAPS, Multidisciplinary Association of Psychedelic Research, http: //www.maps.org

после о том, где и с кем это происходило; не будет физического насилия и секса; будет полное подчинение терапевту в том смысле, что если в какой-то момент трипа он скажет что-то делать или что-то перестать делать—это будет сделано, абсолютно. Заметьте, что эти правила больше созданы для защиты именно «трипующего», а не терапевта: подобные границы дают человеку, особенно зажатому, свободу внутри них (так, женщины, испытывающие с грибами сексуальный подъем, могут свободнее его переживать, не боясь «усложнения отношений» и т. п.). Якоб приносит с собой простое оборудование: ритуальную чашу для напитка, содержащего активное вещество; наушники, плеер и отдельный диктофон, записи музыки; маску на лицо. После молитвы и выпивания чаши, он и «пациент» раскладывают фотографии. Эти фотографии человек принес с собой, по заранее данному заданию, и они представляют максимально полно всю его жизнь — от родителей и младенчества до настоящего момента. Фотографии рассматриваются и раскладываются по порядку, но не обсуждаются. Затем следует разговор о снах последнего времени, а затем короткий—еще—инструктаж. Тогда же Якоб говорит, что, если будет страшно или еще что-то, чтобы человек просто поднял руку, он подойдет и будет вместе с ним (обычно просто, без разговоров, держать его/ее руку в своей). Затем процесс начинается, человек идет в туалет, а затем ложится на пол, надевает маску и наушники, Якоб включает музыку и — вперед. Если человек по ходу трипа идет в туалет, он следует за ним и просит на обратной дороге внимательно рассмотреть себя в зеркале. После того как человек «выходит» из трипа, в среднем спустя шесть часов—следует «трип с картинками», когда Якоб по одной дает ему рассматривать его фотографии, по порядку, с младенчества. Человек смотрит на фотографию сколько хочет, затем возвращает и получает новую. Если он что-то говорит, плачет, то Якоб включает диктофон для записи. (Пленку он отдает затем «герою»). После «трипа с картинками» следует свободная часть — может быть, они еще слушают музыку, разговаривают и т. п. Около четырех часов дня вызывается «бэби-ситгер». Якоб не хочет, чтобы человек оставался один в этот день. Он сдает человека «на руки» кому-то, с кем тот близок и кому доверяет. И уходит, когда человек согласен, что он может уйти, обычно немного покормив его перед этим. Номер телефона и прочие координаты Якоба остаются, и тот может связаться с ним, когда захочет.

Групповые трипы он проводит только с теми, кто делал с ним индивидуальные.

Межглавок 3

Льет дождь. Я сижу в доме Аполонии Мартинес, дочери Марии Сабины. Здесь бедно-бедно-бедно. В России так строят сараи — окон нет, пол земляной, очень неровный. В сильный ливень (сегодня ночью) по полу течет вода. Полно икон, распятий, очень много цветов, в одной стороне комнаты — место для свечей и чаша для сжигания копаля (ароматическая смола каких-то хвойных). В соседнем «сарае» — очаг, огонь разводится на столе, а затем дым уходит через дырки в крыше. Здесь очень хорошо, просто по состоянию. Аполония не говорит по-испански, говорит ее внук. Когда он дома, он почти все время проводит перед малюсеньким телевизором.

Одна шальная мысль меня посетила недавно: что у «психоделической религии» есть хорошие шансы стать следующей мировой религией (во всяком случае, для «белых»). Хотя бы по исторической аналогии с христианством: и то, и другое было взято у побежденного и угнетенного народа; и то, и другое распространялось демократически, в обход классовых границ; и то, и другое сильно преследовалось правящей верхушкой, большей частью с какой-то нелогичной истерией. Да и время сейчас подходящее, со всем наворотом любых учений, поскольку старые обезвкусились... А что? У меня даже есть еще один грустный аргумент: такое легче ввести под государственный контроль (а это — необходимое условие «большой» религии). Тут, в отличие от дзэн-буддизма, дозы можно отмерять и регистрировать.

Те «хиппи»[40], что валили сюда 30 лет назад, — они ведь думали, что скоро все изменится! Что ведь нельзя же, приняв грибы или ЛСД, остаться таким же тупым и слепым к бесконечности жизни, как их родители! Так ведь и первые христиане звали: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божье!» А общество — оно все глотает, ему никакие просветления нипочем. Много радости было, много вдохновения, многие приблизились, а кто-то, наверное, вошел. На волне, среди своих, многое легче. Дай им всем, Бог, счастья и «легкого трипа». Я сижу здесь, на столе лежат грибы. Ручеек не пресекается. А в Царство Божие батальонами не входят.

Глава 4
НАУКА И ГРИБЫ

Два психиатра, которые принимали грибы и описывали свой опыт, были раскритикованы научным сообществом как люди, более не «объективные».

Таким образом, мы все разделены на два класса: те, кто принимал грибы и которые поэтому дисквалифицированы из-за своих субъективных переживаний; и те, кто не принимал грибов и, таким образом, дисквалифицированы из-за своего полнейшего незнания о предмете.

(Гордон Вассон)

I. Когда Тимоти Лири и Ричард Альперт проводили эксперименты с психеделиками в Гарварде, 15 из 16 аспирантов факультета психологии, если мне не изменяет память, в 1962 году выразили желание заниматься «только этим». Лири и Альперта только за это, стоило выгнать из Университета, без сомнения.[41] Неважно, какие объяснения и рационализации навесили на это тогда и потом научный истеблишмент. Важно, что большой символический поступок был совершен тогда, и смысл его заключается в том, что Большая Наука повернулась спиной[42] к изучению Психоделического опыта. Не лезет он в правящую парадигму, в материализм плюс объективизацию всей Вселенной. В книгах пишут, что легальные запреты помешали экспериментальному изучению действия и природы энтеогенов. Мне кажется, что это полуправда, настоящая же «большая» причина — это сильная нестыковка базовых парадигм. «Объективный материализм» дергается от энтеогенов примерно так же, как матушка Церковь в свое время дергалась от его изучения трупов, гелиоцентризма, эволюции и прочей разъедающей ржи. И ради Бога не хочет он этим заниматься, ради Бога.

Все, о чем я пишу дальше, — это в основном достижения очень и очень отдельно взятых ученых и не совсем ученых. Многие из них «страшно далеки» от main stream[43]. Многие работают сами по себе. Многие выполняют эти исследования «по боку» «основной» работы. Многие пользуются терпимостью или «темнотой» коллег. Здесь что ни человек, то отдельная история.

Если попытаться выделить основной методологический подход к изучению энтеогенов в рамках западной науки, то мне кажется, что он гениально проиллюстрирован в одной хорошо известной истории. Ее рассказывают про Ходжу Насреддина и еще много про кого. Герой этой истории—ну, скажем, Ходжа Насреддин—ночью лазает по улице на карачках под фонарем.

---

[40] В эти «хиппи» свалили кого угодно: авантюристов, искателей, наркоманов, бродяг, мистиков, их верных и неверных подруг, и просто кучу симпатичных мальчиков и девочек, скоро вернувшихся На свои классовые насесты.

41 Контракт Альперта с Гарвардом был прерван в мае 1963 года, с Лири расстались несколько раньше.

42 это аллегорическое выражение; в смысле, жопой.

43 «Главное течение» (англ.)

Знакомый прохожий спрашивает, что он здесь делает. Тот отвечает, что потерял ключи. Прохожий вызывается помочь ему, тоже ищет. Наконец,

после долгих поисков, он спрашивает у Насреддина, помнит ли он, где именно он потерял ключи. «Да, — отвечает Ходжа, — вон там», — и показывает на темную противоположную сторону улицы. «Черт возьми! — восклицает помощник.—Почему же ты ищешь здесь?!!»«Здесь светлее»,—объясняет Ходжа.

Я имею в виду, что обычно исследования проводятся так: существует какая-нибудь лаборатория, а в ней какая-нибудь накатанная методика и некто, желающий заниматься энтеогенами. Например, у них накатана методика какого-нибудь психологического теста на вшивость, измерения объема выдыхаемого воздуха или обучения мышей различать запахи. И вот в эту методику суются, скажем, грибы, и привычно замеряются данные, которые потом, конечно, не нужны никому и ни для чего. Я шучу, но совсем немножко. Примерно так это обычно и работает.

Так делаются плохие исследования. О таких я почти рассказывать не буду, но если вы поищете сами среди современных статей, вы легко их найдете, будьте уверены, в большинстве.

2. Итак, в «Истории» я уже упоминал про Роджера Хейма, который сделал первые биологические определения и описания псилоцибиновых грибов, а также про Альберта Хофманна, который выделил из грибов их активное начало — алкалоиды псилоцибин и псилоцин. Эти линии исследования были, конечно, продолжены, и вот их главные результаты.

Псилоцибин и псилоцин содержат в основном грибы видов Psilocybe и Panaeolus. (Есть еще несколько видов грибов, принадлежащих к родам Inocybe, Conocybe, Gymnopilius, Psatyrella и содержащих эти алкалоиды, но их роль относительно невелика.) Эти грибы растут практически по всему миру: в Европе, в обеих Америках, Австралии, Океании, Африке и т. д. Их виды для разных мест различаются, но практически трудно найти место, где какие-нибудь виды Psilocybe иди Panaeolus в какое-нибудь время, в каких-нибудь условиях не росли. Очень может быть, что сейчас вместе со знаниями об их разновидностях и эффектах растет и ареал их распространения. Эти грибы — 100%-ные сапрофита, то есть живут за счет разложения органических веществ (в отличие от других грибов — паразитических (живущих за счет хозяина) или микоризных (образующих симбиотические отношения с корнями деревьев). Они хорошо заселяют «нарушенные» биоценозы, то есть, грубо говоря, места, где уже не природа, но еще не асфальт, а таких на Земле очень много. По каким-то причинам они любят расти близко к человеку; их практически никогда не находят в полной глуши[44]. Основной средой их обитания являются влажные луга и поляны; многие из них предпочитают, чтобы на этих лугах был коровий или лошадиный навоз. Видов много, и они, на самом деле, довольно разнообразны и по виду, и по своим предпочтениям.

Многие из них на сломе синеют, хотя этот признак нельзя считать ни необходимым, ни достаточным для определения и тем более для употребления. Химическая природа этого посинения неизвестна, хотя, вероятнее всего, связана с реакцией псилоцина на воздухе. Грибы различаются в содержании псилоцина и псилоцибина; большая полная таблица этой информации опубликована Полом Стаметсом (Paul Stamets) в книге «Psilocybine Mushrooms of the World» и на сайте его компании www.fungi.com. Такая информация в отношении каждого конкретного вида важна практически (сколько есть; как хранить), но ее по-прежнему накоплено мало. Есть очень «сильные» грибы, например, Psilocybe cyanescens, растущая на северо-западе США, во влажных лесах штата Вашингтон; есть гораздо менее активные; для многих видов

---

44 Я долго искал эти грибы по всем уголкам Израиля, а нашел в конце концов на газоне под окнами моей лаборатории, в Университетском кампусе. Это очень обычная история.

такие данные по-прежнему не установлены.

Чуть ли не каждый год описываются новые виды Psilocybe и прочих, в основном из мало исследованных районов Земли; но знаменитая своей «силой» «Astoria», например, тоже была описана совсем недавно, хотя растет в США. Гастон Гузман, один из основных специалистов по их систематике, говорит, что даже в его Мексике, где он изучает их полжизни, неописанных видов еще много.

Активными веществами являются не только псилоцибин и псилоцин, но также баоесцин и норбаоесцин, про которые известно на порядок меньше. Их содержание в «обычных» видах также невелико. Псилоцибин химически очень близок к псилоцину, отличаясь от него одной фосфорной группой. Она делает его гораздо стабильнее, и при хранении грибов (сушке, заморозке и т п.) псилоцин распадается быстро, а псилоцибин, наоборот, очень стоек (месяцы и годы в хороших условиях). Вот почему некоторые грибы хорошо сохраняют свою психоактивность при хранении — например, Psilocybe cubensis, в которой много псилоцибина и мало псилоцина; а некоторые — например, Panaeolus subbalteus—хранятся хуже. Действиями псилоцибин и псилоцин не различаются, потому что псилоцибин сам по себе неактивен, но превращается в псилоцин очень быстро при всасывании из желудка в кровь.

Синтетический псилоцибин изготавливался швейцарской фирмой Sandoz (где и работал Хофманн) и в 60-е был дешев (а для многих в виде опытных образцов бесплатен) и доступен для научных исследований, наряду с ЛСД. Изготавливается и сейчас, но в гораздо меньших количествах и с совсем другой системой распределения.

3. Нейрохимическое действие псилоцина —то есть как и на что он действует в мозгу—тоже исследовано, но похуже. В большинстве книг написано, что он действует как антагонист серотониновых рецепторов, и часто с таким пафосом, как будто это объясняет, почему он так действует на психику. Можно расслабиться — не объясняет. Другие антагонисты серотонина трипов не вызывают. Совсем недавно картина несколько прояснилась: индольные психеделики (одним из которых является псилоцин) являются агонистами по отношению к особому подклассу серотониновых рецепторов, которые обозначают как 5-HT2A. У этих данных есть хорошие доказательства—такие, как реально психоактивные вещества с близкими эффектами, синтезированные с помощью компьютерного моделирования, специально «нацеленные» на 5-HT2A рецепторы. Причем активны они в очень малых дозировках, соизмеримых с ЛСД. По той же логике уже сделаны некоторые препараты, способные более или менее селективно прекращать действие псилоцина. Псилоцибин вызывает в опытах кросспривыкание с ЛСД[45], что очень вероятно означает, что их биохимические пути сливаются и они действуют на мозг через одни и те же системы. Вообще они очень близки друг к другу по действию, и различия значимы только для опытных «психонавтов». Среди таких различий обычно упоминают, что средняя длительность трипа меньше у грибов (4—6 часов) и больше (до 12 часов) с ЛСД; что грибы имеют более «личностный» характер, «добродушны» и склонны к юмору, чем «безличное» ЛСД; что грибы ведут к опыту более «земному» и близкому к природе, а ЛСД чаще несет «в космос»; грибной процесс «мягче», более плавен, ЛСД резче и интенсивнее; что грибы легче ввести в контекст группы. Повторяю, что различия эти тонкие и очень усредненные; сходства между их эффектами значительно больше, чем различий, и для большинства практических целей они взаимозаменяемы.

4. В желудке какое-то количество псилоцибина (как и других триптамин-производных, например, психоактивного ДМТ, активного начала айяхуаски) подвергается расщеплению ферментами, в основном МАО (моноаминоксидазой). ДМТ расщепляется ею целиком, и

45 Это значит, что у подопытного животного привыкание (снижение чувствительности) к одному веществу вызывает одновременно привыкание к другому

поэтому в айяхуаску добавляется ингибитор МАО. В настоящей айяхуаске роль ингибитора играет лиана Banistereopsis, вернее, содержащийся в ней алкалоид хармалин (и сопутствующий ему, близкий по свойствам, хармин). Псилоцибин в основном проходит в кровь, но очень вероятно, и многие так считают, что его эффект можно усилить, если совместить прием грибов с хармалином (затормозив таким образом желудочную МАО, которая иначе бы «съела» какое-то количество псилоцибина). Мне неизвестно никакое строгое научное экспериментальное доказательство, что это работает именно так, но практически хармалин используется многими для усиления эффекта грибов, то есть практически когда грибов мало и для трипа может быть недостаточно. Я также использую это.

Теперь: хармалин был бы малодоступной экзотикой в восточном полушарии, если бы не содержался также в другом растении, широко распространенном в жарких частях Европы и Азии. Это растение гармала обыкновенная, Peganum harmala, по-английски Syrian rue, по-арабски и на иврите «хармаль». Само по себе это растение чрезвычайно ценится в Средней Азии (особенно персидскими культурами) как очищающее, прогоняющее злых духов, улучшающее настроение и т. п. Во многих местностях бывшей советской Средней Азии и Ирана, если что не так в доме — сразу зажигаются семена хармаля, и их дымом обкуривается помещение. У него есть и медицинские свойства. Его семена продаются на многих рынках и содержат значительные количества хармалина. Хармалин можно выделять — это очень простая процедура, требующая кофемолку, уксус и поваренную соль[46]; но семена можно также и просто жевать и есть перед тем, как съедаются грибы, в количестве примерно чуть меньше одной чайной ложки. На вкус они горькие (sic!) и неприятные. Хармалин, по многим источникам, имеет самостоятельные психоактивные свойства. Отчеты о его употреблении очень и очень разные, включающие откровения, магию, физические расстройства и отсутствие каких бы то ни было эффектов.

ВАЖНО: если вы употребляете хармаль или любой другой МАО-ингибитор[47]. требования к диете и посту резко возрастают. Дело в том, что МАО в норме расщепляет множество аминов, некоторые из которых способны вызвать отравление организма. Если вы подавляете МАО у себя в желудке, вы должны быть уверены, что в нем нет алкоголя (любого, особенно красного вина) и следующей еды: сыров (особенно «пожилых»!), йогуртов, кремов, бананов, авокадо, изюма, ананаса, кофе, какао, печени, соленостей... Другими словами, вы совершенно точно должны воздержаться от всей этой и любой подобной еды в течение суток. Это очень и очень серьезное предупреждение, потому что отравление аминами может быть очень сильным — вплоть до смертельного. Существует также довольно много лекарств, присутствие которых может быть опасно (транквилизаторы, антигистаминные препараты, эфедрин, многие аминокислоты и анестетики, почти все наркотические вещества).

Индейцы грибы традиционно закусывают шоколадом (сейчас, а раньше — напитком из зерен какао). Так вот, помимо приятного вкуса, шоколад может также работать как слабый

---

46 Вот рецепт: семена мелются в пыль (на кофемолке, если местный мельник отказывается), потом заливаются 3%-ной уксусной кислотой (тот уксус, что обычно продается, имеет в себе 5% кислоты — то есть его можно разбавить водой почти вполовину, а если точнее, то к 10 частям уксуса добавить 7 частей воды). Заливаются они с маленьким избытком и настаиваются пару дней. Потом надо настой отфильтровать (это может быть самой сложной частью процедуры; облегчить можно тем, что вначале профильтровать раствор через что-то грубое, типа чайного ситечка, а уже потом через что-нибудь тонкое, типа ткани или фильтровальной бумаги) и хорошо бы повторить: опять залить эту коричневую массу кислотным раствором и опять настоять пару дней. Опять отфильтровать, слить вместе с первым настоем. Коричневую массу семян можно выбросить. В раствор добавить столовой соли, натрий-хлор, из расчета 100 граммов на 1 литр. Размешать. Теперь при охлаждении (в холодильнике) этого раствора гидрохлориды хармина и хармалина выпадут в осадок. Хорошо подчистить их, растворив в теплой воде и опять добавив соли и охладив. Когда вы их отфильтруете и высушите, это будут очень симпатичные ярко-желтые кристаллы (в ультрафиолетовом свете они тоже красиво и узнаваемо светятся), хотя в условиях бытовой домашней химии может получиться и буровато-желтая масса. Для приема вовнутрь хармалин удобно растворить в воде, из расчета около 100 мг на человека.

47 Есть лекарства, используемые в основном в психиатрии, которые также являются ингибиторами МАО.

МАО-ингибитор.

5. Сапрофитная природа этих грибов гигантски облегчает их искусственное культивирование. Работы по этому культивированию — гордость «альтернативной» культуры, потому что практически все было сделано энтузиастами, многие из которых не были профессиональными микологами. Между тем результатом этих работ стал набор техник, легких и надежных до того, что их можно воспроизводить на кухне или в саду, без специального лабораторного оборудования. (Мало какие грибы можно так продуктивно выращивать сегодня, кроме вешенок и шампиньонов.) На самом деле, как пишет Стаметс (активный участник этого большого «проекта» по культивированию псилоцибиновых грибов), многие техники, открытые при попытках культивировать Psilocybe, позже перешли в научные и коммерческие методики выращивания других грибов — съедобных и медицинских. А не наоборот!

Я занимался разведением Psilocybe «в неволе», и поскольку у меня это хорошо получается, я позволил себе написать отдельное приложение, посвященное этому ***(ПРИЛОЖЕНИЕ 2)***.

6. Что касается психологического понимания того, как и на что действуют грибы, то тут дела обстоят значительно хуже. Сложно и запутанно обстоят эти дела, и многие самые, на мой взгляд, интересные вопросы вообще не обстоят. Хотя вроде бы должно было быть наоборот: понятно, что вещества, так сильно меняющие состояния сознания и психики, должны были бы стоять в центре изучения этого самого сознания и психики.

Когда индейцы Америки впервые увидели лошадей, которых привезли с собой европейцы, говорят, они считали этих животных некими особыми свиньями. Разум всегда старается найти некую известную ему модель, чтобы воспринять что-то новое без ломки старых постулатов. Так и произошло с энтеогенами, когда на них обратила внимание западная наука. История эта—во многом, увы, история искусственного наложения Психеделических феноменов на скелеты предсуществующих теорий, и последующих реакций отторжения, потому что никак они друг к дружке не лепились.

Те психиатры, для которых базовая модель психики идеологически проста, быстро сочинили теории и целый словарь о том, что ЛСД и прочие энтеогены — «психотомиметики» (psychotomimetics), то есть коротко разыгрывают состояние психоза (который чаще всего описывали как форму шизофрении). Эта теория оказалась зверской в своем влиянии на многие исследования. Работала эта теория плохо, но имела она культуральную силу, а это, конечно, важнее, особенно в таких неточных областях. Многие годы многие исследователи описывали свои наблюдения и выводы извиняющимся тоном, что, дескать, все-таки это на шизофрению или на делириум не похоже. «Во всяком случае, для самых непсихотичных субъектов», как сказано в одной такой статье[48]. Но Авторитеты говорили: похоже-похоже, надо только присмотреться. Если учесть, что их эксперименты часто заключались в том, что вещества давались людям без их ведома и в такой замечательной обстановке, как больничные палаты, то у них, надо полагать, было немало подтверждений и «материала для дальнейших исследований». Все-таки теория не работала (ни в исследовании механизмов шизофрении, ни в практической терапии). Но и не умирала, и термины «психотомиметики», «психодислептики», «модельный психоз», «экспериментальный психоз» и т. п. часто встречаются и сейчас; да, собственно, и слово «галлюциногены» идет оттуда же.

Психоанализ, который царил в психиатрии в середине века, понял энтеогены по-своему. Естественно, что их благотворные эффекты объяснялись «переживанием травматических

48 Sanford M. Unger «Mescaline, LSD, Psilocybin and Personality Change» from: Psychiatry: Journal for the Study of Interpersonal Processes Vol. 26, No. 2, May 1963.

эпизодов детства, часто с необычайной ясностью»[49]. Это мнение сформировалось сразу же в начале 50-х и дальше превалировало настолько, что, как писал Унгер в 60-х, «начиная с тех ранних отчетов, практически во всех без исключений сессиях, когда психоаналитически ориентированные терапевты давали пациентам ЛСД, те переживали сцены из детства. Интересно, что этот феномен практически никогда не отмечался в остальной экспериментальной литературе!»[50]

Угадайте, что описывали в своих трипах пациенты юнгианских терапевтов? Будьте уверены, «трансцендентальные переживания», насыщенные «архетипическими образами».
Тупой-тупой выпьет, крякнет и говорит: «а! Хорошо пошла, курва!», а умный-умный выпьет и говорит: «транс-цен-ден-тально!» и таким праздничным голосом! Тупой-тупой закусывает и говорит: «заку-уска у нас сегодня — блеск! Закуска типа «я вас умоляю»!»,
а умный-умный жует и говорит: «да-а-а... Транс-цен-ден-тально!...[51]

7. Я, кажется, немножко залез в следующую главу. В этой, в принципе, осталось рассказать о достижениях экспериментальной психологии; но рассказывать, на мой взгляд, практически нечего. Вот знаменитый Good Friday эксперимент, проведенный Walter Pahnke в 1964 году, когда псилоцибин дали «семинаристам», студентам теологии, перед мессой в церкви в том же Гарварде. Он был «double blind», этот эксперимент, то есть половине из них дали другое вещество, безобидное, и даже экспериментаторы не знали, кому какое вещество дается. Устройство эксперимента было очень наукообразно, но совершенно глупо (рассказывал потом Рам Дасс): через полчаса все было очевидно, когда одни сидели и прилежно выполняли набор привычных действий, а другие восклицали: «Я вижу Бога!» У девяти из десяти этих юных священников были очевидно мистические и религиозные переживания. Не хотел бы я однажды оказаться перед той горой бумаги, куда Господь свалил бы все книги, статьи, критики и рассуждения, «настоящие» ли эти (и подобные) мистические переживания. В средней американской библиотеке вы найдете примерно в два раза больше книг по теме «Hallucinogens and religious experience» («Галлюциногены и религиозный опыт»), чем о «Hallucinogenic drugs» («Галлюциногенные вещества»). К науке, которую я в данный момент представляю, это имеет мало отношения.

Вот изучение «увеличения креативности»—многие приложились к этому, и Гроф, и Роберт Мастере... Увеличивает ли трип креативность? Да, он увеличивает креативность. Почему? А черт его знает. Единственная работа, которая мне кажется достаточно «объективной» на эту тему, это изучение «непрямых семантических ассоциаций»[52]. Идея заключается в том, что человеку даются последовательности букв, которые он должен максимально быстро определить как слово или бессмыслицу. Время замеряется. «Прямая семантическая ассоциация» — это то, что человек быстрее узнает слово «черный», если перед этим он прочитал слово «белый». Этот эффект «прайминга» для «нормальных» людей работает только с очень близко связанными словами. Шизофреники же, например, часто способны «связывать» такие слова, как «лимон» и «сладкий», — это и есть непрямая ассоциация. Под псилоцибином наблюдается тот же эффект: семантическое поле расширяется, и непрямые ассоциации (типа «лимон» — «сладкий») прекрасно работают. Правда, в целом время реакции замедляется.

Или вот R.Fisher красиво демонстрировал действия энтеогенов на эффекты «trimming» (по-

49 Ronald A. Sandison, «Psychological Aspects of the LSD Treatment of the Neumses» Jomal of Medical Science (1954), 100:508-515.

50 Sanford M. Unger «Mescaline, LSD, Psilocybin and Personality Change» from: Psychiatry: Journal for the Study of Interpersonal Processes Vol. 26, No. 2, May 1963

51 Веничка Ерофеев, «Москва-Петушки».

52 «Increased Activation of Indirect Semantic Associations under Psilocybin» in «Biological Psychology» Vol 39 (No. 12) June 1996; 1055-1057 by M. Spitzer; M. Thimm; L. Hermie; P. Holzmann; K.A. Kovar; H. Heimann; E. Gouzoulis-Mayfrank; U. Kischka; F. Schneider

нашему, «обрезания»). Если у написанных слов срезать, например, верхнюю половину, то узнать, что там написано, не так-то легко. Так вот, «трипующий» узнает, что написано таким образом, гораздо легче и быстрее.

8. Всякий, кто возьмется за научное изучение Психеделического опыта, должен иметь в виду, что трип изменяет психические способности и процессы не абы как, а очень специфически, в рамках собственной структуры и смысла. Почти все, делавшие какие-нибудь «замеры» (меня включая) сознания трипующего человека, натыкались на то, что ему крайне неинтересно делать бессмысленные вещи типа запоминания слов, угадывания геометрических фигур и т. д. и т. п. Примечательно, что еще Гордон Вассон стал цепляться к своей дочери Маше, когда она впервые ела грибы: «Когда родилась королева Елизавета?» да «В каком году была битва...?» — и она на пару вопросов ответила, а потом послала его, дескать, исчезни, папочка, со своими глупостями. Никакое хорошее отношение к «экспериментатору» не помогает. Я сам был в роли подопытного и помню отлично, как хохотал, пока мне зачитывались «случайные» слова, которые я «должен был» запомнить. Это было абсолютно бессмысленно, а мне в это время было чем заняться. Вдоль определенных линий та же память, безусловно, грандиозно вырастает; но это не любые линии, а то, что важно в данном трипе. То же касается опытов с восприятием времени, с экстрасенсорными способностями, гипнозом и так далее. Исследование должно следовать за процессом, а не пытаться навязать собственные рамки.

Межглавок 4

Я писал эту главу в Хуаутле, пока шли дожди, каждый день ожидая церемонии вечером, и каждый вечер Аполония произносила одно из единственных слов, которые знала по-испански: «Завтра». Грибы лежали на столе, завернутые в банановые листья. Наконец настало «сегодня». Я устроил себе днем баню, Аполония к вечеру оделась в яркое и цветное. Внук ее куда-то исчез, и она спокойно разговаривала со мной по-мацатекски. Зажгла свечи, копаль. Перед тем как зажечь свечи, она некоторые время водила ими по мне сверху вниз (очень приятно). Над горящим копалем мы держали руки и лица. Грибы она тоже держала и водила в этом ароматном дыму. Я жевал (без удовольствия) листья какого-то растения, оставившие во рту вкус зубной пасты из детства. Потом опять был перерыв, до полной темноты, наверное, около часа. Горели свечи. Она достала грибы, разделила, почистила. Я съел те, что она дала мне, закурил предложенную сигарету. От того, чтобы запить глотком водки, я отказался, она не настаивала. Потом она взяла свои грибы, еще несколько отделила мне и съела остальные (совсем мало). Еще какое-то время мы сидели, глядя на огонь свечей, потом она велела мне лечь «носом к стенке», потушила свет и вышла в свою (смежную) комнату.

Я остался один. Скоро начался трип. В какой-то момент вернулся ее внук и включил свой телевизор. Когда телевизор стал вплетаться в видения, мне стало очень неуютно. Там шел боевик со сплошным мордобоем. Я долго решался и наконец сказал ему, через стенку, что мне телевизор мешает. Он сразу его выключил и настала тишина, но мордобой еще долго продолжался в том, что я видел.

Аполония оставалась там, в своей комнате (в той же, что и внук), не вела речь, как я ожидал по описаниям. Я был один, и в какой-то момент мне стало очень неуютно. Тогда я встал, зажег свечку и вышел во двор. Когда я вернулся, вышла Аполония, и строго меня отчитала. Понял я, скажем, не все, но было ясно, что ни выходить на улицу, ни зажигать свет нельзя. Я, в сущности, знал все это сам, но был рад, что свечу она оставила гореть, когда опять вернулась к себе. Я потом от свечки к свечке передавал огонь всю ночь. Еще в какой-то момент она опять выходила и опять отчитывала. Я не мог ей ничего возразить. Контакт между нами все равно оставался очень теплым. Видения скоро утихли, грибов было, в общем-то, мало, и я заснул под утро. Следующий день и потом, как минимум, еще один день были просто замечательными, я чувствовал себя абсолютно чистым, светлым, легким. Автостоп удавался идеально (я ехал назад).

Теперь, когда я вспоминаю эту ситуацию, она кажется мне довольно символичной (она всегда с грибами такая). Я пришел туда и ел «маленьких святых» вот примерно с какой целью: я хотел «получить добро» на то, чтобы давать их другим. (Я далек от того, чтобы называть это «стать шаманом» даже в диких своих мечтах; но даже и писать про это — это тоже «давать другим», как ни крути). Доставшаяся мне церемония была «потертой»: не было молитв и знаменитой льющейся и взывающей речи (я знаю, что Аполония множество раз делала это с мамой и потом сама). И был телевизор — вот чья речь звучала в ночной тишине.

И тогда я заглушил телевизор, зажег свечку и вышел на улицу. А та сила, от которой я хотел набраться, говорила мне, чтоб я остался лежать в темноте. Но только я, уже не слушая авторитетов, продолжал свое. Раз уж остался «сам по себе», то и слушаться пришлось себя. Церемония была сломана. А грибы, конечно, остались грибами. И они вполне разрешили мне «зажечь свет и выйти на улицу».

Глава 5
ПСИХОТЕРАПИЯ И ЭНТЕОГЕНЫ

Голоса и галлюцинации есть у каждого человека, только шизофреник проецирует их наружу, а нормальный человек считает своим мышлением.

1. Применение энтеогенов в психотерапии—абсолютно естественная идея, получившая развитие практически одновременно с распространением ЛСД[53] и чуть позже псилоцибина. Если то, что называется психотерапией, назвать «опытом, трансформирующим человека к психической гармонии и духовному росту», то, скажите, разве это не определение — одновременно — хорошего грибного трипа?

История «Психеделической психотерапии» имеет бурное начало, мегаломанические планы, примерно десятилетие развития в несколько сторон сразу, сменившееся торможением и застоем. Легальное запрещение в могилу ее не свело, но поставило столько палок в колеса, что все так и застыло примерно на уровне 1965 года. Респектабельная мама—психотерапия легальная—как-то сильно переживать не стала, вероятно, решив, что и так детей немеряно.

Как и в истории научных изысканий, в истории «Психеделической психотерапии» ясно видно (мне, во всяком случае), как нечто очень очевидное и ясное (грибной опыт) становится необычайно сложным, когда его пытаются понять не само по себе, а в свете каких-то сторонних теорий. «Осознавание первого рода» так же направлено на запутывание, как и на понимание, об этом стоит помнить; это верно для одного человека и тысячекратно верно для сложной иерархической системы типа современной научной или терапевтической организации.

2. Убейте меня, но разрешите рассказать сказку! Начало ее вы, скорее всего, прекрасно знаете: это история о том, как четыре человека в темной комнате ощупывают слона. Тот, кто держит слона за хобот, считает, что слон — это нечто змееобразное и извилистое; держащий за уши утверждает, что стон — широкий, плоский и горячий; тот, кто ощупывает слоновью ножку, убеждает всех, что слон — неподвижен, неохватен и шершав; наконец, в хвостовой части уверены, что слон — это тонкая веревка, которая плохо пахнет. Хорошо. Это известная часть истории. Менее известно, что в какой-то момент появляются несколько докторов нескольких наук, новомодный Художник и Сенатор. Все они, имея доступ ко всем четырем описаниям, понимают, что дело нечисто, что слон не так-то прост и его только ощупью не возьмешь. После много или малооплачиваемой работы первые четверо приходят к следующим выводам:

53 В 1949 году уже есть публикации о терапевтическом потенциале ЛСД (при том, что первые исследования о его действии были напечатаны в 1947 году).

- *Слон - это совокупность сенсорных ощущений, объединенных одномоментностью, но разделенных пространственно.*
- *Слон имеет волновую природу, локально воспринимаемую как материальный объект.*
- *Слон - это галлюцинаторный фактор латентно-психотических переживаний.*
- *Слон - это лингвистический символ коррелятивного совмещения феноменологических описаний реальности.*
- *5. Слон - это иллюзия преимущественно кинестетической модальности.*

Художник изображает слона, экспрессивно совмещая на одном полотне все, что описано очевидцами, и добавив чуть-чуть личного отношения к миру.

Сенатор назначает особую комиссию для дальнейшего выяснения, пока же предлагает законопроект, ограничивающий доступ к слону лиц неуполномоченных.

Между тем в комнате незаметно появляется человек неопределенной социальной принадлежности. Он ощупывает слона за хобот, за уши, за ноги, за бока, за хвост, за половой член, осматривает его при свете иногда открывающихся дверей, делает его зарисовку, потом кладет перед слоном кусок хлеба и исчезает.

3. В свете этой сказки, я надеюсь, будет понятнее, как в истории применения психеделиков в психотерапии за короткое время появилось большое количество зачеркнутых записей типа:

- *Эйфорические эффекты ЛСД пытались использовать для лечения депрессии: ежедневные малые дозы. Увы, состояние скорее углублялось, чем однозначно улучшалось; немало психиатров попробовали это, а затем оставили.*
- *Мощные, шоковые эффекты психеделиков живо напомнили психиатрам электроконвульсивный, инсулиновый и прочие виды шоков. ЛСД прогулялось по фантазиям и теориям психиатров как кандидат на шоковый агент. Даже использовалось вместе с шоком (электроконвульсивная терапия на фоне действия ЛСД при шизофренических эпизодах). Мне, честно говоря, жутковато думать о таких трипах. Повторяемых, предсказуемых результатов эти опыты не давали.*
- *Традиционная групповая терапия, «усиленная» ЛСД, всем по чуть-чуть (кроме ведущих). Нет, либо дозы уж слишком маленькие, либо групповая динамика размагничивается, ибо каждый переживает свое.*
- *Фрейдисты, пытавшиеся использовать энтеогены для интенсификации процесса анализа и абреакции (переживание эмоционально значимых эпизодов из прошлого), действительно обнаружили много ценного. Для тех из них, однако, кто был неортодоксальнее, было тяжко иметь дело не столько с сексуальными переживаниями, сколько с духовными. «Трансцендентальные» переживания в классическом анализе не приветствуются: они интерпретируются либо как избегание важного психодинамического материала, либо как шизофренические вывихи. Если человек соответственно подготовлен, то Психеделический опыт часто вступает в явные конфликты с «мышлением» и «анализом».*
- *Исходя из теорий о сходстве трипа и делириума, ЛСД попробовали для лечения алкоголизма — поскольку многие алкоголики бросали пить после ужасов delirium tremens. Парадоксальным образом оно действительно работало, и у исследователей хватило ума забыть о своих теориях и создать форму «короткой» терапии, основанной на одном сеансе «чрезмерной дозы» ЛСД.*

4. Ну и ладушки. Все-таки множество путей применения энтеогенов в психотерапии было, естественно, плодотворным. По большому счету можно выделить два основных способа того, как использовались эти вещества в психотерапии[54]:

---

54 Это, как и многое другое, подробно и очень хорошо описывает Станислав Гроф в своей книге «ЛСД психотерапия», в первой главе «История ЛСД терапии»

— использование как помощника в долговременной терапии для преодоления сопротивлений, блоков, периодов «застоя», убыстрения, оживления и т. д.;

— трип как центральный момент психотерапии, остальные процессы имеют характер подготовительный (до), вспомогательный (во время) и интегрирующий (после).

В рамках первого подхода было сделано немало попыток использовать небольшие дозы, но в целом это мало себя оправдало (глубина и интенсивность меньше порядком, а время и риск — почти что нет). Тем не менее малые и средние дозы — в основном ЛСД — помогли терапии немалого числа людей. Занимались такой практикой преимущественно психоаналитики, подходившие к материалу таких сессий, в общем-то, так же, как к «обычным» снам, то есть с последующей проработкой в анализе. Кстати, многие из них отмечали, что процесс трансфера (переноса) так же обостряется при приеме энтеогенов, как «фантазия», и становится гораздо более очевидным для анализа и проработки.

В рамках второго подхода было развито несколько последовательных и наверняка работавших стилей. По краткости и нестабильности практической работы трудно все же назвать эти подходы «школами». Яркие личности, создававшие эти процессы, в основном остались индивидуумами с четко различимыми стилями, и мало кто из них имел учеников, которые бы их работу копировали и развивали. И понятно, Запрещение наложило на многое свою черную лапу. Кратко я постараюсь обрисовать основные формы психотерапии, ставившей в центр использование энтеогенов.

5. Термин «психолитическая терапия» (psycholytic therapy) сочинил один из пионеров, Рональд Санди-сон, британец, последователь Юнга. В него было заложено освобождение, рассасывание, разрушение конфликтов и напряжений в мозгу (греческое «лизис» — растворение, разрушение). По мне, так очень двусмысленный термин — «душа» и «разрушение». Эта терапия развивалась в Европе, с десяток имен можно поставить в число ее «апостолов». Сессий делалось несколько, с промежутком в пару недель и со встречами между ними. Дозы постепенно увеличивались. Сессии проводили в затемненных, уютных комнатах. Терапевт присутствовал обычно только на самой ответственной стадии трипа, часто оставляя пациента потом в одиночестве. Контакт между ними становился ближе, чем в обычной психодинамической терапии, хотя остальные процедуры и техники оставались «обычными». Некоторые из «психолитических» терапевтов «продержались» сквозь «темные годы» (после запретов в 1964—1966 и до смерти и даже до нынешней относительной «оттепели») — например, Jan Bastiaans, работавший в Германии и Голландии в основном с людьми, пережившими концлагеря.

6. «Анаклитическая» (anaclitic) терапия оставила мало практических следов, но, по-моему, заслуживает отдельного внимания. Греческое слово в основе означает что-то вроде «облокачиваться», «прислоняться». Ее разработали и практиковали два лондонских терапевта, Joyce Martin и Pauline McCririck (обе — женщины) . Для них одним из главным эффектов трипа была регрессия (возврат в детство), главной потребностью пациентов — недолюбленность, а главным вмешательством — «материнская близость», телесный контакт, принятие и любовь. Давайте рассмотрим подробнее. Почти все их теоретические предпосылки были вполне классическими для психоанализа и для тех, кто практиковал психолитическую терапию. Главным отличием было то, что они выбрали активное вмешательство в процесс трипа, во всяком случае, в отношении удовлетворения «первичных» нужд пациента в близости, защите, принятии, близком физическом контакте. Они брали на себя «материнскую» роль не только символически, но совершенно напрямую (правда, только во время трипа, и даже в основном в его «сильную» фазу). Они качали пациентов на руках и на коленях, гладили, кормили теплым молоком из бутылочки. У них была особая «техника слияния», когда они ложились рядом с

пациентом в полном телесном контакте (о, не волнуйтесь, через одеяло) и нянчили его, как мать маленького ребенка.

Отчеты пациентов об этих сессиях, конечно, прекрасны: «полное слияние», «тотальная любовь», «молоко прямо из Млечного Пути». Я думаю! Лечебные результаты были также очень хороши. Мартин и МакКририк объясняли в своих статьях, что проблемы трансфера после таких сессий со «слиянием» уходят, а не нарастают. Они сравнивали это с развитием ребенка в любящей семье, где он получает достаточно ласки и близости и обычно обладает довольно легкой возможностью эту семью в нужный момент покинуть. Не то у ребенка с «недоданной» любовью — проблемы зависимости и созависимости, ревности, «льнущего» поведения и тому подобной дряни могут преследовать его годы и всю жизнь. Удовлетворение таких «анаклитических» нужд в состоянии глубокой регрессии в трипе (на прегенитальном уровне) ведет к освобождению «пойманной» в эти конфликты энергии, которая часто может потом обратиться на реальные объекты любви в дальнейшей «прочищенной» жизни.

Вокруг, понятно, был шум и вой «собратьев» по профессии. Было и много восхищения. А вот распространения практики — не было.

7. Психеделическая терапия (psychedelic therapy) — американское детище. Многие европейские специалисты ее даже за терапию не признавали. В сердцевине ее идеологии—мне так кажется — стоит вот это выражение: getting high55, и никуда от этого не деться. Станислав Гроф, один из «апологетов» Психеделической терапии, так очерчивает ее: «Главной целью Психеделической терапии является создание оптимальных условий для субъекта, в которых тот может испытать смерть эго и последующее поднятие в так называемое пиковое переживание [замечаете выбор слов? вверх, вверх!]. Это экстатическое состояние, характеризуемое исчезновением границ между субъектом и объективным миром, с исходящим чувством единения с другими людьми, природой, целой Вселенной и Богом»[56]. Терапия выстраивается вокруг одного (реже двух или максимум трех) принятия «чрезмерной» дозы (300—1500 микрограмм ЛСД). Первые встречи — это именно подготовка (их даже называют не «сессии», а «интервью»), хотя в нее входит и обсуждение личной истории человека, и разговор о самых насущных его проблемах. Последнее перед сессией интервью посвящается уже исключительно техническим вопросам подготовки, действию вещества, возможным реакциям, лучшим стратегиям прохождения трипа и т. д.

Большое внимание уделяется месту, где проходит трип, — это обычно прекрасно сделанные комнаты, украшенные цветами, скульптурами, картинами, «объектами природы»; нередко природа присутствует сама совсем близко (океан, горы, озеро). Фрукты, орехи, ароматические масла и все, что вкусно горит... Конечно, музыка, и ее выбору посвящается особое внимание. Рисунки и скульптуры часто имеют «архетипическое» и религиозное значение — Будды, египетские боги, африканские идолы...

Принимающий ЛСД или псилоцибин оптимально лежит с закрытыми глазами (это может усиливаться специальной маской), по возможности не действует и не вступает в разговоры. Психодинамические процессы также по возможности обходятся стороной, если в них не наступает срочной нужды. Другими словами, терапевт делает максимум для того, чтобы опыт был настолько «чистым» и «естественным», насколько можно.

Такая терапия более всего эффективна в лечении алкоголизма, наркомании, депрессии, а

---

55 High — «высоко» (англ.), getting high — «подниматься высоко» (буквально), в народе — что-то вроде «улетать», чисто «наркоманское» выражение, чаще всего связанное с марихуаной, но также и с любым другим веществом.

56 Stanislav Grof, «LSD psychotherapy», глава «History of LSD therapy».

также при работе с умирающими. Невротики, как правило, требуют более систематической проработки помимо трипа.

8. Можно отдельно рассказать о «психосинтезе», как его разработал мексиканский терапевт Сальвадор Рокет (Salvador Roquet) (не путать с психосинтезом Ассаджиоли, а вообще, конечно, напридумывали мы словечек...). Рокет давал пациентам энтеогены очень широкого спектра — ЛСД, кетамин плюс почти все, что традиционно использовалось индейцами Мексики, включая грибы, ололиуки («семена девы Марии», Ryvea или Ipomoea, вьюнок) и Datura (дурман). Для сессий пациенты собирались в группы, максимально гетерогенные (разнообразные) по всем параметрам (возрасту, опыту с энтеогенами, симптоматике и т. д.). Сессии проводились ночью. Важной их частью служили слайды, которые демонстрировались на всю стену. На этих слайдах изображались сцены, максимально возбуждающие самые разные эмоции. Вперемешку показывались слайды родов, секса, насилия, счастливого детства, смерти, прекрасные виды природы, торжественные храмы и т.д.[57] Так проходили шесть часов. Потом следовала фаза «рефлексии» до рассвета. Потом—час отдыха для всех (пациентов и персонала) и интегративная долгая сессия, на которой обсуждалось, что, собственно, происходило и что бы это значило. В курсе терапии таких сессий было от десяти до двадцати. Пациентами были в основном «амбулаторные невротики».

Одно описание, данное человеком, проходившим курс лечения у Рокета, очень выразительно называется «Плохие трипы могут быть лучшими трипами». То, что там описывается, внешне выглядит довольно страшно: этакий локальный ад на десяток душ, снабженный бесстрастными прислужниками. В сущности, не нужно много опыта, чтобы представить себе, насколько этот setting отличается от приятственностей Психеделической терапии. Тем не менее, так же очевидно, что для очень многих пациентов метод работал, вызывая активацию хронически подавляемых конфликтов, интеграцию, закалку, прочищение и т. д. Метод Рокета был достаточно популярен в том смысле, что у него было немало последователей во многих странах мира.

История доктора Рокета имеет грустное продолжение: в начале истерии Drug War (войны с «наркотиками») к нему в институт во время сессии явились вооруженные полицейские и арестовали всех. Причем если пациенты были выпущены, то сам Рокет провел в тюрьме полгода. На его защиту поднялись многие мексиканцы и иностранные медики, и он в конце концов был освобожден, но ни о какой работе речи уже быть не могло. Скоро он уехал из Мексики; умер он, кажется, в Канаде.

9. Можно пролистнуть такие интересные работы, как сочетание с энтеогенами гипноза (я это и делаю), но нельзя не упомянуть работу с умирающими. Это та область, где закомплексованность «западного» отношения к телу, сознанию и смерти вылезает наружу самым очевидным и болезненным образом, и эффекты энтеогенов потому наиболее благотворны.

Почти все, что я знаю по этой теме, взято из книги Станислава Грофа и Джоан Хэлифакс «Человек перед лицом смерти», она переведена на русский и доступна в Интернете (на high.ru), так что я не буду много переписывать сюда. Первые работы, когда ЛСД давали умирающим больным, делались вовсе не ради просветления, а для снятия болей. ЛСД действительно часто дает болеутоляющий эффект больным, на которых более не действуют обычные препараты. Сам Гроф работал с этим много, и в Чехословакии в начале 60-х, и в США потом. Но гораздо ценнее, на мой взгляд, те эффекты, которые дают людям, близким к смерти, понимание своей судьбы и примирение с ней, знание о вечности души или сознания, которое часто дается им в

57 Я видел некоторые из этих слайдов, и можете мне поверить, все, что там показывалось, показывалось очень сильно. Секс — на уровне порно; а самой врезавшейся в мое воображение сценой был молоденький солдат, счастливо демонстрирующий фотографу две отрезанные детские головы. Он смеялся; он был счастлив. Там было на что посмотреть.

трипах. Примеры, которые подробно описывают Гроф и Хэлифакс, берут за душу. И душа говорит мне:

«Я хочу осознавать все, что происходит со мной, всю, всю жизнь. До самой точки. Когда тело будет слабеть к старости — я буду наблюдать это без страха. Если ум износится и будет ходить по одним и тем же замкнутым дорожкам—я буду наблюдать это со спокойствием. Я знаю секреты всех этих превращений. У меня есть лекарства для каждою этапа. И когда придет смерть, я надеюсь, ты у же будешь достаточно мудрым, чтобы слушать меня и встретить ее достойно. И если тебе нужно будет съесть грибов, чтобы подсобраться с силами для этого, — да жри что хочешь. Это простая, обычная смерть. Улыбнись ей и стань на голову»[58]

Олдос Хаксли, писавший, что «последние часы должны делать человека более сознательным, а не менее сознательным; более человечным, а не менее человечным», принял ЛСД перед собственной смертью от рака.

10. Когда я описывал эффекты грибов в этой книге, я был очень осторожен. Я имею в виду, что есть гораздо более значимые вещи, которые происходят не всегда, но часто. Многие из них, по-моему, составляют саму сущность психотерапии, и в этом смысле я согласен с моделью Психеделической терапии, которая старается в трип «не вмешиваться». Представление о вечности, которое получает очень часто «психонавт», на мой взгляд, так терапевтично, что дальше некуда; понимание «сущности», отличной и почти не зависящей от смертного тела; видение Вселенной как целостной осмысленной структуры; близость к Богу; осознавание или хотя бы представление об объективном существовании бессознательных слоев психики; сама ясность мышления—все это, повторяю, на мой взгляд, составляет саму сущность психотерапевтического процесса, и постижение и переживание этого «под грибами» или с другим энтеогеном тем более ценно, что все это не навязывается другим человеком, а воспринимается непосредственно, из «самого себя» или «высших» инстанций. Есть и другие феномены, специфичные для многих процессов психотерапии, — например, проникновение в сущность ролевого поведения. Я позволю себе привести отрывок из книги Рам Дасса «Это только танец», иллюстрирующий опять-таки саму сущность нескольких форм психотерапии. В этом эпизоде к тому же принимают участие два человека, которыми я восхищаюсь; оба психотерапевты, оба, очень тесно связанные с Психеделическим движением в самом его буме и сердцевине; и оба, пошедшие значительно дальше и того и другого.

Я был в Англии и встречался с психиатром Рони Лэйнгом. Мы с Рони однажды решили вместе принять ЛСД.

Он спросил-. Сколько мы примем?

Я ответил: Почему бы нам не принять по 300 микрограммов.

Он: Это многовато для меня. Но раз ты рядом, я думаю, все будет нормально.

Сказав так, он как бы отвел мне роль его протектора, проводника, что меня смутило. Ну ладно. Я не знаю этого парня, и если это то самое путешествие, которое я предполагал совершить, пусть я буду Джоном-Ответственностью. Поехали. В таких ситуациях я всегда старался создать по возможности приятную обстановку. Поэтому я поставил диски Майлза Дэвиса, мы разлеглись поудобнее и приняли ЛСД. Первое, что после этою сделал Рони, — он разделся до трусов и встал на голову. Это никак не входило в мою модель того, что должен делать человек после приема психеделиков. Тогда я еще ничего не знал о йоге, и такое поведение казалось мне абсурдом. Это было лет семь тому назад. Поэтому я наблюдал за ним с некоторым недоверием Потом он подошел ко мне и посмотрел мне в глаза. Он выглядел беззащитным ребенком, в полном соответствии с выбранной мною моделью защитника, проводника. Да, он выглядел абсолютно беззащитным ребенком. Он вызвал во мне настоящий

58 Дзэнская история: некий учитель перед смертью, когда вокруг собрались ученики, спросил одного из них, самого начитанного: «Были ли дзэнские учителя, умиравшие в собственной постели?» Тот ответил «Были» и назвал несколько имен. «А те, что умирали сидя?» «Были» «На бегу?» «Были» «А стоя на голове?» «Нет, я не слышал о таком». «Что ж», — сказал учитель, встал на голову — и так и умер.

материнский импульс. Мне ужасно захотелось защитить его, сказать ему:

— Рани, все в порядке, я с тобой.

Но я ничего не сказал ему, все происходило молча. Вдруг выражение ею лица слегка изменилось—будто какая-то мысль мелькнула, оставив след на лице, теперь он выглядел, как мать, как отец, который может защитить, и теперь во мне возник мальчик, ребенок—семена, которые дремали во мне невскрытыми, проклюнулись. Мне хотелось сказать:

— О Рони, ты заботишься обо мне... Рони, я сейчас все сделаю.

Вдруг его лицо снова изменилось: теперь он был студентом и задавал мне вопросы. И все это происходило молча. Жесты, мимика—это были мыслеформы...

Итак, в найдем эксперименте с Рони на протяжении шести часов мы прошли с ним около восьмидесяти различных социальных ролей. Мы входили с ним в симбиоз: как терапевт и пациент, постоянно меняясь ролями. Мы были палачом и жертвой, жертвой и палачом. Некоторые из ролей пугали нас. Это временами действительно страшно. Однако каждый раз нужно сказать себе: «Хорошо, это такая роль». Затем выйти из нее, сделав кувырок. В результате этого опыта я понял, что мы с Рони установили контакт в том пространстве, которое находилось позади всех этих ролей. Mil были «не этих людей, которые вели игру между собой.

11. Грибы учат. Это очень частое описание грибных переживаний. К некоторым счастливчикам в трипе напрямую приходят учителя. Но даже когда никто не приходит, выстраивается урок. Выводы, извлекаемые из этого урока, скорее всего, произведут на человека огромное впечатление и останутся с ним надолго.

Вот пример[59]:

18 сентября 1981 года, вместо концерта Саймона и Гарфункеля в Центральном Парке, я поехал на своей машине в Вермонт и принял экстраочищенное ЛСД. Потом я пошел на прогулку в лес. Через какое-то время я стал смотреть на группу берез и увидел, что они были населены древесными духами. Я не знаю, как назвать их по-другому. В одно мгновение я понял точность шаманского описания мира — веру в существование духов, но моей первой реакцией был страх. Они выглядели, как те огромные камни с острова Пасхи—продолговатые, антропоморфные существа с удлиненными глазами и длинными лицами, — появляясь из деревьев и пропадая в них опять. Я видел похожие образы среди цикладских идолов древнею Крита. Эти существа, казалось, состояли из эфирных тел деревьев.

Я отвернулся, чувствуя пристыженностъ и испуг. Я чувствовал, как будто я влез куда-то без спроса. Затем я посмотрел на них опять, и деревья стали принимать устрашающие позы. Они были ужасны. Я опять увел свой взгляд в сторону, еще более встревоженный. Я сказал себе: «Будь спокоен. Зачем этим духам деревьев пугать меня?» — я ломал себе голову. Я решил подойти к этой загадке с открытым сердцем. Я знаю, что я зашел в их измерение без приглашения, но я не имею в виду никакою вреда, и что бы я не вынес из этого путешествия, я использую это для блага всех.

Я опять посмотрел на них, и они посмотрели на меня. Они также выглядели озадаченными, будто бы потирая подбородки в размышлении над какой-то особой загадкой. Я опять отвернулся и подумал: «Это по-настоящему странно. В начале они попытались меня запугать, а теперь они выглядят такими же запутавшимися, как я. Это черт знает что». Я опять поднял глаза на деревья, и в этот момент они начали понемножку пританцовывать, качаясь туда-сюда и смеясь: «Хо, хо, хо!» В этот момент меня осенило, что я должен был понять в этой встрече. Мир отвечает так, как ты к нему обращаешься: Разум и мир — одно и то же. Эта истина, которую трудно уловить в грубом измерении реальности, была очень легкой для понимания в том чистом психическом пространстве, в котором я находился. Как только я осознал это, я посмотрел на них опять, и они исчезли.

---

[59] Он взят из «Tripping: An Anthology of True-Life Psychedelic Adventures» by Charles Hayes

12. Я думаю, что пора прервать описания трипов. Это очень своеобразный жанр, по степени надоедливости я бы поставил его между любовными романами и псалмами. Признаюсь, у меня есть еще десяток, которые в меня «запали», — да что делать? Научно-популярный жанр, способный конкурировать с «Детятам о зверятах», призывает меня подвести итог.

Статистический итог официальной психотерапии с использованием энтеогенов в 1953—1965 годах таков[60]: 28 авторов описали 42 исследовательских проекта; среди описанных 1600 случаев терапии 70% пациентов достигли в результате «хорошего и долгосрочного улучшения». Естественно, что цифры и результаты терапии, сделанной с тех пор и сейчас, недоступны, потому что значительная часть этой терапии проходит «втайне», без контроля и публикаций. Официально работающие проекты лечения с помощью энтеогенов на сегодняшний день активны, насколько мне известно, только в Швейцарии и Испании, и совсем понемножку — еще окрест.

Практический итог для меня однозначен: психотерапии с энтеогенами—быть. Вне зависимости оттого, насколько соблаговолит или осмелится «развитая» на сегодня психотерапия обратить в эту сторону свое внимание. Конечно, хочется, чтобы они развивались вместе. (Написал «они» — и задумался: кто они? Психотерапия и энтеогены? Или терапевты и пациенты, которые на сегодня по традиции принимают эти вещества друг от друга отдельно?)

В такой психотерапии, по моим ощущениям, должны быть особенно «сильно» сделаны несколько моментов. Подготовка терапевта — он должен быть опытным в «Психеделическом» опыте и пространстве; он должен быть силен духом; он должен быть готов к очень близкому контакту и к очень странным ситуациям. Подготовка людей к трипу — на мой взгляд, лучше делать это не разговорами, а направленными «слабыми» формами изменения сознания, вроде динамических медитаций и холотропного дыхания. Подготовка самого трипа — здесь надо максимально убрать «паранойю», потому что на сегодня в большинстве стран такая деятельность нелегальна и легко может вызывать фантазии о преследованиях. Одна из возможностей —использовать вещества и растения незапрещенные, например, растение тех же мацатеков Salvia divinorum (один из видов шалфея), которое они используют для церемоний в сухие сезоны, когда не растут грибы; аналоги айяхуаски из хармаля и канареечника (Phalaris, обыкновенная злаковая трава, содержащая ДМТ) и так далее. Не нам, советским людям, не понимать, что можно, когда нельзя. Об этом я еще расскажу в следующей главе. Обязательно нужен хорошо «сбитый» ритуал, построенный как угодно — в соответствии с индивидуальными вкусами, но — построенный и выдерживаемый. Нужна хорошая смесь свободы и рамок.

А вообще-то, чем-то я не тем сейчас занимаюсь. Павел писал послания всяким Коринфянам, но не своим же братьям апостолам. Я извиняюсь.

Межглавок 5
«ОБЕЗЬЯНИЙ» ТРИП

Я жил тогда на горе Кармелъ (на боку ее стоит израильский город Хайфа), в лесу, в домике, который я построил под упавшей сосной. Место было удивительно прекрасным. Внизу было видно море (Средиземное), в десяти минутах ходьбы — работа (Университет). Один мой приятель, Л.Р., тоже это место очень зацепил и все хотел там со мною «потриповатъ». То есть я, скорее, согласился с его желанием, чем рвался сам. Он привез марку ЛСД, мы ее разделили, плюс мы разделили один большой гриб, который в этот день у меня вырос. Л. ушел гулять по лесу, а я лег, по обыкновению, в свою постель. Я знал, чем хотел заниматься: недавно

60 Эти цифры приводит J.Gartz в своей книге «Magical Mushrooms around the World»

я начал тренироваться в техниках ци-гун, и мне было страшно интересно, как энергия течет по телу (меридианы там, чакры по возможности). Я постарался настроиться на ощущения этих энергий. Через какое-то время меня стало просто крутить на месте. Я ощущал их физически, и скоро я понял, что лучше «включить» в этот процесс тело, а не просто гонять образы в голове. Я встал и пошел на то место (под соседнюю сосну), где лежал мой коврик для тренировок. Было потрясающе здорово. Я принялся крутить разные движения и принимать разные позы, и те самые энергии текли через меня разноцветными потоками. Потом мне ужасно захотелось стать на голову. Ночью, в лесу, это было непростым занятием для человека, который никогда раньше этого не делал. Я принялся звать Л. для страховки. Он вышел из кустов (он двигался напрямик, как мамонт). Он немножко подержал меня за ноги, но принялся за «психологические» рассуждения, что это я выпендриваюсь (он вообще ужасный болтун), и я прогнал его обратно в кусты. Стать на голову так и не получилось. Потом опять появился Л.; кажется, это он предложил залезть на дерево (на ту сосну, под которой я «выпендривался»). Мы залезли, я стал качаться на ветках... и, как пишут в книгах, «слез с дерева другим человеком». Нет, не человеком. Я понял, что я — обезьяна. Л. скоро слез и уселся в кресло в моей «летней кухне» (где были стол и костер для приготовления еды). Я забрался на дерево над ним, и тут-то началась моя счастливая жизнь, когда у меня оказалось четыре конечности и вечный кайф лазания по дереву. Так мы, в общем-то, и провели всю ночь: он в кресле, я на сосне. Он палил костер, а я кидал ему шишки. Иногда он со мной разговаривал, и тогда я кидал шишки, целясь в него.

Я открыл, как висеть вниз головой. Как цепляться ногами. Понял, что нужно три «держащих» точки для устойчивости. Позы, которые на земле были йоговскими, на дереве получались сами собой.

Потом начался форменный бардак: в лесу послышались голоса. Они по-русски перекрикивались в поисках дров. В первый раз за несколько месяцев поздно ночью кто-то пришел к моему домику. Эти не просто прийти: они остановились возле упавшей сосны, под которой был мой домик, и стали обсуждать, как бы ее оттащить на дрова. Они были слегка пьяны. Л. напрягся, а во мне просто все запело. Начиналась охота! Я спустился с дерева, сунул в руки Л. железный прут, оставшийся от моей стройки, и велел идти на переговоры. Я обеспечивал воздушное подкрепление: забрался на соседнее дерево и заулюлюкал. Л. подошел к ребятам и сказал, чтобы искали дрова в другом месте. Я улюлюкал с дерева, но на меня внимания не обратили (почему? по-моему, это было эффектно); они потоптались и ушли. Л. вернулся к костру и принялся рассуждать про «шашлычников». Я прыгал на дереве от возбуждения и жаждал продолжать охоту. Через десять минут эти придурки, громко перекрикиваясь, прибрели к домику с другой стороны и натолкнулись на кучу моих строительных досок. Они опять решили, что это дрова, Л. опять пошел их отговаривать, а я опять залез на ветки прямо над их головами и стал издавать Громкие и Страшные Звуки. Они меня опять как будто совсем не замечали. Кто-то из них сказал: «Пойдем, ребята, а то нас окружают» — но и только. Они поворчали и ушли, а я еще немного на них поохотился, но в темном лесу они были такой легкой добычей, что стало неинтересно. Я вернулся в экстазе, чувствуя себя Самым Сильным Зверем в Лесу. Когда я залез на свое дерево, а Л. сел в свое кресло, завыли койоты. Я стал им вторить, начали откликаться еще, еще, со всех сторон, а потом ответили даже собаки из далеких домов. Лес наполнился прекрасными звуками. Привет шашлычникам!

Под утро мы пошли встречать рассвет. Восход начинался с другой стороны горы, и надо было выйти к Университету. Когда я вышел на дорогу, уже забрезжил свет, и я увидел, что мои руки и ноги АБСОЛЮТНО черны (смола!), штаны разорваны почти в клочья, кое-где течет кровь — ну а лица я не видел. Я несколько засомневался, выходить ли в таком виде в цивилизацию, но Л. заверил меня, что любой, кто меня увидит, найдет этому «разумное объяснение». И правда, редкие прохожие с ума не сходили. Л. эта мысль очень приколола, и он ходил по лесу и по окрестностям Университета, останавливался перед чем попало, а затем говорил: «Ну что ж, этому можно найти разумное объяснение». Потом мы встречали восход, и он был величествен и прекрасен. Я пытался отмыться под краном — черта с два!

Это тот случай, когда все, что несли мне грибы, я «проработал» в течение трипа. Я нашел «свое животное», наверняка и абсолютно, я узнал, что я обезьяна, и конечно, немало

потом лазал и в своем лесу, и окрест по Израилю. Сделал фонарик с изображением Ханумана— Царя Обезьян. Когда я написал об этом трипе друзьям, от нескольких я получил примерно такие ответы: «Конечно, ты — обезьяна. Это всегда было понятно». Чувство «обезьяны внутри» осталось совершенно ясным. Когда через пару месяцев после этою я стал заниматься самогипнозом, фраза «Обезьяна, ты расслабляешься и засыпаешь» оказалась замечательно эффективной... Мне стало гораздо проще валять дурака, танцевать, бессовестно соблазнять женщин... И так далее. Обезьяна проснулась. Да нет, конечно, она и раньше не спала. Как сказано в одной сказке, «мы проснулись навстречу друг другу».

Да, кстати, сказку про любимую свою Желтую Обезьяну я написал на три месяца раньше.

Глава 6
ЗАКОН (ГРИБЫ И ОБЩЕСТВО)

«Иные, лучшие мне дороги права. Иная, лучшая потребна мне свобода...»

1. Мне не хочется писать эту главу. В определенном смысле я и не должен этого делать, хотя бы потому, что в той войне, которая делит общество на обычно сильные за и против, я, слишком очевидно, с одной стороны баррикады, а никак не где-то вверху. Я устал от всего, что я прочитал по этому поводу. Я навещал недавно такого прекрасного знатока энтеогенов и пламенного (на бумаге) борца за свободу их употребления, как Jonathan Ott. Вокруг был огромный тропический сад; был вечер, потом закат, потом ночь; а Отт все говорил и говорил про опиумные войны и войну с марихуаной, про подлости политики и официальной религии, про идиотизм и абсолютную научную необоснованность запретов, про истерию Drug War, про ложь, ханжество и безграмотность...

Да-да, я в курсе. Самого тошнит. Сам, маскируя грибы перед каждой таможней, злюсь и даже рычу иногда. Сам часто ломаю голову, пытаясь придумать такое исследование грибов, чтобы «пролезло» в игольное ушко законов. Впрочем, законы я знаю слабо. Они противоречивы. Они разные в разных странах, но везде их путь освещает звезда La Paranoia...

2. Общее положение дел таково: идет война. Она может быть не очень заметна, но только количество проливаемой крови в ней так велико, что это — настоящая война. Дикие эмоции, чувство абсолютной правоты у всех сторон, пропаганда —все на месте. Грибы, конечно, сейчас не в фокусе этой войны, но поскольку с той стороны различий между «наркотиками» не делают, то они делят судьбу всех прочих.

Как началась эта война — тема для отдельной книги. ЛСД и псилоцибин, если ограничиться ими, никогда толком «разрешены» не были. С момента их открытия и до 1964 года в США и Европе они были доступны в чистом виде по дешевым ценам для «научного» и «медицинского» изучения. То есть любой кандидат наук или доктор медицины мог подать заявку на их покупку, предоставив проект экспериментов в фирму Sandoz, и получить вещества без проблем в достаточных количествах. Немалое количество заинтересованных людей покупали тогда тысячи и десятки тысяч потенциальных доз. Потом начались истерия и шухер (я прошу прощения, но я не знаю, как это назвать иначе), и в 1964 году новое руководство Federal Drug Agency в США издало правило, по которому покупка этих веществ (и мескалина) стала возможной только с разрешения Агентства, причем разрешение это Агентство практически не дало никому. В течение двух последующих лет подобные санкции приняли страны Европы — те, кто вообще знали, о чем идет речь (тогда, например, еще никто не знал, что псилоцибиновые грибы растут вокруг, и речь шла о псилоцибине и псилоцине). Пользуясь своим международным весом, США распространили подобные «регулировки» на страны Центральной и Южной Америки, и на прочую «провинцию». В Мексике, например, это

автоматически делало «противозаконным» использование грибов индейцами, и никто не хотел, конечно, против них начинать подобную войну, поэтому придумали еще всякие сложные регулировки и оговорки с использованием слов «традиционный» и «религиозный». В самих США были аналогичные проблемы с индейцами, употреблявшими пейот, и аналогичные пути разрешения, которое не являлось, конечно, никаким разрешением. На сегодняшний день члены Native American Church «имеют право» использовать пейот для своих религиозных церемоний, но для этого во многих штатах они должны иметь не меньше четверти индейской крови. Нетрудно заметить, что это уже противоречит базовым положениям американской конституции о свободе вероисповедания и отсутствии дискриминации по расовым и национальным признакам. Но даже в этой перепичканной законами и законниками стране абсурдное положение сохраняется вот уже четвертый десяток лет. О менее «законных» странах и говорить нечего. Еще одним исключением стала бразильская церковь — даже две их, San Daime и Uniao de Vegetal, члены которой в центре своих ритуалов употребляют айяхуаску, и в Бразилии это законно, а в прочих странах это тоже делают, но с какими-то неведомыми отношениями с «указующим перстом». ДМТ, содержащееся в айяхуаске, недолго сохраняло «незапрещенность» после своего открытия и быстро разделило судьбу «собратьев». MDMA, «экстази», было легальным довольно долго—с 1967 года (когда «родилось») по 1985. Плюс постепенно в Европе и США были приняты законопроекты об «аналогах», делавшие «нелегальными» целые группы веществ (большая часть которых еще и синтезирована никогда не была), химически близкие к «контролируемым» ЛСД, псилоцибину, ДМТ и прочим. Многие страны, включая Россию, радостно подхватили удачную задумку в своих более или менее законных практиках.

3. Конечно, контролируемость «контролируемых» веществ всегда оставалась мифом. Подобные законы реально означают просто переход контроля из государственных структур в организованную и стихийную «преступность». Плюс падение качества. ЛСД, которое стали синтезировать в подпольных лабораториях, с тех пор в основном потеряло химическую «чистоту», потому что трудно отделять побочные продукты реакций. Многие годы на черном рынке продавали «псилоцибиновые» грибы, которые в лучшем случае на самом деле были шампиньонами с впрыснутым ЛСД или ПСП. Впрочем, в целом с грибами получилось интереснее и лучше — синтезировать подпольно псилоцибин никто в больших количествах не стал, но, как я уже говорил, были найдены псилоцибиновые грибы во всем мире, плюс их научились выращивать искусственно. Со сбором психоактивных грибов в разных странах пытались бороться (под прикрытием «законной» логики, что обладание грибами — это обладание содержащимся в них нелегальным псилоцибином), но такая борьба была обречена на неудачу с самого начала — это даже труднее, чем запретить сбор и употребление земляники. Моя любимая история, связанная с этим, рассказана Полом Стаметсом в его книге «Psilocybine Mushrooms of the World». Он рассказывает про время, когда в его родном штате Вашингтон сбор психоактивных грибов стал очень популярным среди множества людей (начало 80-х). Полиция пыталась бороться с «грибниками», и их отлавливали на коровьих полях окрест города. Затем приводили в суд (в немалом количестве, иногда по выходным там скапливалось человек двадцать), где не начинали дел по спорным вопросам «обладания контролируемым веществом внутри грибов», а просто штрафовали за «trespassing» (проникновение на чужую частную территорию; а в Америке почти вся земля — частная, и почти вся — чужая частная). «Сознательно или нет,—пишет Стаметс,—все эти люди разносили с собой грибные споры... Полиция уже давно прекратила эту «охоту», но с тех пор окрестности суда—одно из самых плодовитых грибных мест, куда я люблю ходить собирать Psilocybe...»

В нескольких европейских странах, также в 80-е, пытались бороться со сбором и употреблением грибов, и также эти попытки оставили (хотя по-прежнему существуют законы, по которым человека можно судить и очень серьезно карать).

Еще одна причина обреченности подобных законов на неудачу — природа переполнена

психоактивными веществами. Запрет наверняка стимулировал поиски неизвестных закону растений, грибов и химических аналогов, и на сегодня эта работа может похвастать серьезными достижениями. Уже описано более 100 видов псилоцибин-содержащих грибов из разных-разных уголков планеты. ДМТ и его аналоги найдены в растениях, распространенных повсеместно, причем часто в совершенно сорных и вездесущих травах. Аналоги ЛСД содержатся в семенах вьюнков, растущих в каждом втором саду. Мескалина (активного начала пейота) много в кактусе Сан Бедро, который растет во многих жарких местах планеты, а также в любой кактусовой теплице. Шалфей Salvia divinorum содержит активное начало, совсем не похожее химически на известные психоактивные вещества, и таким образом не подпадает даже под «Аналоговый Акт», а разводится и культивируется достаточно легко... И так далее.

Споры грибов не содержат псилоцибина и, таким образом, продаются легально. Появляются службы, которые вам помогут даже вырастить эти грибы, если только вы им не будете говорить, что это за вид... Эволюция зубов и когтей вызывает эволюцию глаз и копыт, как известно. А возможности эволюции хитрой жопы просто необычными шляпками или мицелием; по-моему — прекрасно!) На концертах Grateful Dead осуществлялись массовые выбросы спор.

Неимоверные деньги и усилия тратятся на поиски «наркотиков»... Зрелище вертолета, выписывающего пируэты над долинами в горах Мексики, где и трактора-то ни у кого нет (вроде бы в поисках марихуаны), надолго останется у меня в памяти. Неимоверные деньги делаются на этом и неимоверное количество насилия сопровождает эту войну. Тюрьмы многих стран заполнены «военнопленными»; большинством жертв, естественно, являются беднейшие слои населения...

5. Сколько я ни встречал людей, сколько-нибудь серьезно занимающихся энтеогенами, все они — без единого исключения—ни на секунду не сомневались в «правоте своего дела» и идиотизме или злоумышленности позиции «властей».

По странной случайности, отец Гордона Вассона, очень образованный священник, много лет боролся с пуританским ханжеством, захлестывающим его страну, в отношении алкоголя. Он написал и выпустил книгу «Религия и Питье», где очень обстоятельно и исторически доказывает, что ни Христос, ни апостолы, ни отцы церкви не вменяли алкоголь во грех. Несмотря на усилия таких, как он, тем не менее, в 1915 году, как вы, наверное, знаете, в США был принят «сухой закон». *«Когда алкоголь был в конце концов запрещен, тактика нашею отца поменялась. Он больше не держал никаких речей. Вместо этого в собственном подвале он варил пиво, делал вино и дистиллировал напитки покрепче. Он не пытался скрывать того, что он делал. Он нарушал закон открыто и гордо.»* (Гордон Вассон, воспоминания о детстве)[61]. Не мы первые, не мы последние

6. Конечно же, мне кажется нормальным (если по уму да по справедливости) то положение дел, когда одни люди не вмешиваются в то, что едят или на что молятся другие (пока тех, первых не обижают в результате напрямую, что с энтеогенами если и происходит, то в тысячу раз меньше, чем с разрешенным алкоголем). В этой войне, к сожалению, мое место ясно очерчено. Тем не менее я на сегодняшний день пальцем не пошевелю, чтобы вмешаться в вопрос законодательства. Даже в журналы писать не буду об этом, объясняя безобидность и достоинства любимых моих грибов. Здесь есть один момент, который я смутно улавливаю... И сейчас попробую воспроизвести.

Вся эта болтовня про «умное» и «справедливое» устройство мира —это очень красиво, но это более-менее, конечно же, ерунда того же плана, как в глубинной психологии лозунг «Где было Оно, станет Я». Пацаны, где было Оно, останется Оно. Мир движется, и жизнь происходит не вдоль «рациональных» линий, а вдоль «сюжетных» линий, в высоком смысле—мифических, в более ежедневном—линий разнообразных историй. Умный король, например, — прекрасный персонаж, но он не образует историю, и ему всегда будут сопутствовать прочие

61 From "The Sacred Mushroom Seeker" (Essays for R. Gordon Wasson), ed. by T.J. Riedlinger. p.252

персонажи, и если этот король действительно умный, он будет знать, что «так происходит жизнь» и «предоставит небу править».

Впрочем, это даже не очень важно для того, о чем я хочу сказать. А сказать я хочу вот что.

Было такое растение, табак. Он был священным растением у многих народов. Его дух был силен, и он улучшал дух того, кто приходил к нему. Те, кто курили вместе табак, не могли, например, солгать друг другу. Там, где курился табак, было чисто, там обдумывались главные мысли. Им заклинали злых духов и привлекали своих. Им лечили больных. Это было растение силы.

Табак не стал запретным у белого человека. Белый человек взял его у индейцев, подружился с ним, стал разводить на многих новых землях... И вот табак постепенно стал частью совсем другой истории. Не надо ее прослеживать, но легко увидеть результаты. Сигареты курятся на бегу, окурками засыпают траву. В этих сигаретах и табака-то совсем немного. Пачки, пачки, пачки, гигантские рекламные щиты с ложью и бессмыслицей, ни капли уважения, постоянные «дозы» без всякого, хотя бы секундного, просветления... Где дух твой, табак? Дух-то на месте, но быть принцессой или посудомойкой — разные роли в разных историях.

Это уже ближе. Я попробую зайти с третьей стороны. Слово «мистика»—однокоренное со словом «mistery», «мистерия», «тайна». Я рассказывал уже, что индейцы-мацатеки не говорят о грибах открыто; и во многих культурах тем более не говорят открыто о видениях. Huston Smith, специалист по мировым религиям, говорил о том, что энтеогены всегда окружены тайной, что они, как мяч, плавающий в воде, — одна его сторона всегда скрыта. Это часть истории, часть практики — так же как и сексом мы занимаемся друг от друга скрыто не от закомплексованности. Испокон веков есть то, что «в храме» — и оно священно; а есть то, что снаружи, «вне храма» — и это в трансслите с греческого дает слово «профан», «профанация». Есть земное и есть небесное, есть «кесарево» и «богово», так было и будет, так устроена психика и практики наши — вслед.

А теперь скажите, как можно сохранять «мистерию» от «профанации» в сегодняшнем обществе «белых», где выдохлась религия, восторжествовала демократия и такие границы не в чести? Я вижу только два способа, оба с очевидными недостатками: закрытые сообщества («секты») или легальные запреты.

Оп-па-па. Так, может, грибы сами захотели стать «запрещенными»?

Может быть.

7. Но, серьезно, в этом смысле я — сторонник запретов. Если бы не эти социальные игры, человек, решивший встретиться с грибами, попадал бы, весьма вероятно, в «сигаретный» сюжет. С большой вероятностью, он пил бы «чай» в кафе (типа того, что делают сейчас в Амстердаме), этот чай был бы максимально подогнан для того, чтобы увеличить «приятные» эффекты и уменьшить «Психеделические». Что чай! — можно подгонять сами грибы или искать химические аналоги (такие работы сейчас серьезно ведутся с марихуаной — поиски веществ, которые давали бы ее лечебные эффекты, но не обладали бы психоактивностью). Реклама, которая окружала бы этот процесс, делала бы его еще больше тупо социальным и «игровым».

В противовес этому, на сегодня, человек, который хочет встретиться с грибами, должен стать немножко диссидентом, соприкоснуться с тайной. Он должен или найти людей, которых найти не так-то просто, или найти грибы, что тоже нелегко; даже если он их покупает (худший, на мой взгляд, вариант), это порядком серьезнее покупки сигарет. Хотя бы символически «молодильные яблоки» стережет «дракон». Далеко не со всеми человек сможет поделиться радостью, что достал грибы; далеко не всем сможет рассказать, «как оно было». Это уже хорошо для входа в сюжет трансформации, понимаете? Социальные процессы, так же как и психологические, вначале «заезжают» в одну крайность, а затем компенсируют сами себя, ударяясь в другую.

Иные, лучшие мне дороги права, Иная, лучшая потребна мне свобода, Зависеть от царя,

зависеть от народа — Бог с ними...

Хрен с ними, Александр Сергеевич! Вам бы я дал грибов не задумываясь.

Послесловие (написанное в основном для того, чтобы слова «не задумываясь» не стали заключительными словами книги)

Есть грибы — это не очень важно. Важно иметь хороший дух, осознавать собственную жизнь и быть живым. Мне помогают в этом грибы, и я написал про них книгу, и даю их другим. Я не думаю, что грибами нужно заниматься «еще серьезнее». Серьезнее надо заниматься медитацией. Грибная практика, кроме того, сродни карнавалу, то есть специально сделанному выходу в пространство социальной свободы, которое каждый человек должен предпринимать не менее нескольких дней в году. Не заморачивайтесь. Будьте счастливы, но не забывайте, что вы в гостях. Грибы— это смородина, поверьте мне не задумываясь.

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ О СЭРЕ ЭЙНШТЕЙНЕ И ЕГО ДРУГЕ СЭРЕ ЧАРЛЬЗЕ ДАРВИНЕ, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ[62]

1. 21 июня 1995 года сэр Альберт Эйнштейн отвозил своего друга Чарльза Дарвина для помещения его в закрытую психиатрическую клинику в одном из отдаленных уголков Швейцарии. Решение об этом, принятое семьей сэра Чарльза, закрытым ученым советом Университета и консилиумом врачей, было известно уже кому угодно, но не бедняге Дарвину. Эйнштейн, поехавший с ним как бы на прогулку, должен был сообщить об этом по дороге.

Дорога шла по предгорьям Альп, всё выше и выше. Машину вел шофер.

2. Дарвина, понятно, это не волновало. Труднее понять Эйнштейна. Но его тоже можно понять. Его волновало, где там Дарвин, что там с ним, как ему об этом сказать, время, шофер, все эти бумаги, которые он вез, выписки, справки, счет, записка Одного Другому... Да, а Дарвина это всё не волновало и не могло никаким боком волновать. Потому что он смеялся.

Он смеялся, глядя в окно. Его легче понять, чем Эйнштейна, который его не понимал. То есть бедняга Дарвин смеялся, ему было хорошо, а бедняге Эйнштейну было непонятно, почему хорошо бедняге Дарвину.

3. У Эйнштейна, конечно, был мобильный телефон, и ему по нему всё время звонили. Откуда ему звонили? Ну... из родового поместья. Да, ему всё время звонили из родового поместья. И он всё время думал, как же ему сообщить Дарвину, куда его везут.

Конечно, гораздо труднее понять Эйнштейна—сейчас, мне—чем Дарвина, но всё же его, как и всякое существо в мире, можно понять. У него, конечно, обязательно телефон в кармане. У него был телефон, и ему всегда могли позвонить по этому телефону. Это был мобильный телефон потому что. И по этому телефону ему всё время звонили. То есть всегда могли позвонить. Он всё время ожидал этих звонков. Но пока их не было. И... он всё время из-за этого волновался. А пейзаж его совсем не волновал. Нет, пейзажем он ни капельки не интересовался. А там горы были, конечно, такие красивые, и луга, и простые такие барашки с овечками там летали, и дорога вилась, и дорога текла, и дорога разбегалась во все стороны, и дождь шел одновременно с солнцем и со снегом, но Эйнштейну это было всё равно.

62 Начало этого текста я придумал «сам по себе», а остальное наговорил на пленку два года спустя во время грибного трипа.

4. И вот дон Эйнштейн осмелился заговорить. Он не мог осмелиться на это уже год... нет, три года... нет, 35 лет, боже мой, он не мог осмелиться заговорить... или, наоборот, он всё это время говорил, а мы с Дарвином этого не замечали? О, вот это интересно. Но как бы то ни было, он сказал ему: «Чарльз, ты, наверное, помнишь...» Предположим, он обратился к какому-нибудь давнему воспоминанию. Ну, скажем, они вместе учились в колледже... В колледже... Да, это называется колледж. И там была, скажем, такая толстуха, и они там касались друг друга, и хватались, и что-то там было такое смешное и неприличное, у Эйнштейна с ней... А Дарвин здесь при чем? А Дарвин ее тоже знал... А, они выставили беднягу Дарвина из комнаты, чтобы этим заниматься. И Эйнштейн об этом вспомнил. И когда он об этом вспомнил в 50-й раз, потому что он, конечно, проверял себя, раз проверил, два проверил, так ли я сказал, то ли я пока еще не сказал, да и не скажу... Такой был человек. Такой был человек. Суровый жрец общественных наук потому что. И вот этот жрец говорит: — Всемилостивейший Чарльз! Не благоволите ли припомнить, как с фрейлейн Грэтхен были знакомы?

5. Конечно, Эйнштейна в нормальном состоянии интересуют только общественные отношения. Об этом совершенно неинтересно и нелепо думать сейчас. Почему? Ведь это же так интересно, они объединяются, не верят друг другу, такие милые, такие дурашливые, такие хорошие, такие трогательные. У них какие-то правила... И вот у него такой мобильный телефон, да, как такой пенис торчит из кармана. Вот один у него в трусах, один торчит из кармана, и еще у него есть авторучка — тоже она торчит, и еще носки ботинок, они тоже торчат. Это сэр Эйнштейн, у него многое торчит, он такой человек. Такие люди бывают, это трудно понять, но такие люди бывают. И вот один из таких людей сейчас сидел с сэром Чарльзом... Сидел с сэром Чарльзом... Почему он сидел?.. Потому что это происходило в машине. Предположим, в это время его качало на лапах облако, но он этого не видел. Это не происходило для него. В это трудно поверить, но это для него не происходило, и наша задача— понять, что же думает сэр Эйнштейн. А влезать в это ужасно не хочется. Ну, до смешного не хочется думать, о чем же думал сэр Эйнштейн. Сэрэнштейн. Сэрэн Штейн. А кажется, что надо. Это как бы ему кажется, что надо. Ему надо — он и влезает. А он не может влезть, правильно? Сэр Эйнштейн не может понять, что с ним происходит. Естественно. Поэтому он везет сэра Чарльза. Бедняга. Ну, бедняга не бедняга, жалеть его не надо. А что надо? Пожурить... Его пожурить... Это судить, что ли? Нет, судить тоже не надо, он и так всё время себя судит, бедный. Как нам трудно понять сэра Эйнштейна! А ведь хочется. Вот он сидит рядом, этот сэр Эйнштейн, и говорит, обращаясь к нам... Ну, предположим, он говорит:

6. — Дарвин, помнишь ли ты, скажем, Грэтхен?

Ну, конечно, помню, едрена вошь, конечно, помню Грэтхен. А он нам говорит:

— Чарльз, я встречал ее недавно...

Ну, хорошо, ну, он встречал ее недавно, отлично. И что? Ну, ничего, ну, он так говорит. Он к нам же обращается, и он же что-то хочет сказать. И вот он говорит... Он говорит...

Ну, не совсем же он мудак! И как не совсем мудак, он спрашивает:

— Чарльз, ты знаешь, куда мы едем?

Так же проще. Но он может оказаться совсем мудаком. Но пусть он не будет мудаком в эту возвышенную минуту, и он спрашивает:

— Чарльз, ты знаешь, куда мы едем?

7. «Ну да, знаю»,—ответит сэр Чарльз Дарвин. А он скажет: «Мы едем в сумасшедший дом». «Да, я знаю, мы едем в сумасшедший дом». А он скажет: «Тебя там будут бить. Ты это знаешь?» И я скажу: «Черт, бить — это не совсем приятно». Я пробую себя ущипнуть, мне трудно воспринять боль. Ну да, я допускаю, было время, когда мне было больно, и я верил, что мне было больно. Ну да, боль есть, боль есть, меня будут бить и, значит, мне будет больно. И Эйнштейн говорит: «Да, да». И я говорю: «Ну да, я понимаю, это нужно ради Родины-матери, ради общества, и в Университете согласны, и уже всё подписали». Его это немножко удивляет,

он говорит: «Как, ты уже всё знаешь?» И я говорю: «Да, я, конечно, уже всё знаю» А он говорит: «А откуда?» А интересно, я сам могу ответить на этот вопрос? Нет. Но как-то знаю.

8. Надо ехать быстрее. И мы едем. Машина идет в гору. И Эйнштейн говорит: «Чарльз, черт возьми, почему это тебя как бы не колышет?» А я говорю: «Ну как бы тебе это объяснить? Это как бы вопрос о превращении тебя в меня». Интересно, он поймет это или нет, Эйнштейн? Нет, он этого не понимает. Он говорит: «Чарльз, нуты же понимаешь, общество, университет—это всё херня. Я правда так думаю, в смысле — я не слепой исполнитель. Я тоже был за то, чтобы тебя отвезти». А что скажет Дарвин? А Дарвин скажет: «Да, конечно, я это понимаю. Я понимаю, что ты так думаешь. И я ничем не могу тебе помочь... в этом трудном процессе думанья. Ты думаешь, что меня надо упечь в этот, как его, сумасшедший дом, где меня будут бить. Ногами?» Эйнштейн скажет, - «Ну, да, ногами, там колют всякое. Те люди, которые внизу, они не хотят об этом думать». Я скажу: «Ладно, хули, ну, я их понимаю, они не хотят об этом думать».

9. Трудно представить себе сэра Эйнштейна. Впрочем, очень легко. Вот он сидит такой и говорит: «Мне очень жаль, что так получилось». Что ему может ответить Дарвин? Дарвин ему может ответить: «Ну, Алик, ну, ты, в общем... Ну что ж, если тебе правда жаль... Ну, хорошо. А мне нет». А Эйнштейн скажет: «Вот именно. Я тебя понимаю сейчас, а ты меня нет, я тебе сочувствую, а ты мне нет». А Дарвин ему скажет: «Да, да... Почему же, я же о тебе думаю. Значит, тоже сочувствую. Я думаю о тебе, я сочувствую тебе. Конечно. Тебе же потом возвращаться, с этим вот телефоном еще... Ой, бедный! Ежкин кот!... Ежкин кот!... Это тебе туда возвращаться?! О-о, бедный! И разговаривать с моей женой — о-о-о! Какой кошмар! И подписывать опять эти бумаги — ё-моё! Зачем тебе всё это?» А Эйнштейн скажет: «Это долг. Это обязанность. То, чего ты никогда не мог понять». И Дарвин скажет: «Да, я никогда не мог понять, зачем это нужно. Поэтому мне надо жить в теплой стране, мне надо, чтоб меня кормили. Меня там будут кормить?» «Да, да, — скажет Эйнштейн,—да! Кормить там будут хорошо». «А там тепло внутри?» «Да, тепло».

А Дарвин скажет: «Ну, ты не грусти. Ты только не грусти. Хотя действительно жаль... тебя... Тебе хорошо — ну, в этом пиджаке и с мобильным телефоном?» А Эйнштейн скажет: «Да, Чарльз, мне хорошо, я отлично себя чувствую. Я еду... Мне с тобой хорошо... И природа — все эти горы... Они мне напоминают Грэтхен — со всеми ее выпуклостями...»

Тут зазвонит мобильный телефон и Эйнштейну скажут... какой-нибудь идиотизм ему скажут. Он его не будет слушать. Он скажет: «Да, сэр»,—и повесит трубку. Это мой Эйнштейн так скажет, потому что это мой Эйнштейн. Другой Эйнштейн по-другому бы сказал. Да. Но в машине его нет. В машине есть Дарвин, есть Эйнштейн, есть шофер, который ведет машину. Он мне очень нравится. Он хороший.

10. Духу надо обслуживать тело. Духу — надо — обслуживать — тело... В смысле наоборот? Нет, именно так. А телу надо обслуживать дух. Приходится ему, бедному, приходится. А оно не хочет. А что же телу еще делать, бедному, хорошему такому? Это же тело, ну, как Эйнштейн, такое плотное, хорошее, из материи какой-то такой, клетчатой там, волосатой. Оно тоже хорошее. Магнитофон, книга—это всё материя. Над этим смешно думать Дарвину. Но Эйнштейну приходится. Потому что он — тело. Конечно, он—тело. А Дарвин—дух. И кому кого приходится обслуживать? Телу приходится обслуживать дух. Но духу приходится обслуживать тело. Вот это удивительно. Он не взлетает. Он в него помещен. Он рядом с ним помещен. Он может входить и выходить — как Дарвин из машины.

11. И он говорит, Дарвин: «Альберт!

Можно мне выйти из машины?» А Эйнштейн вначале испугается. Ну, он же всё время боится. Ё-моё, бедный! Значит, он думает и не знает, чего больше пугаться: того, что тот

раньше времени начнет сопротивляться и тра-та-та, или... В общем, он говорит: «Конечно, выйди на лужок, погуляй».

И Дарвин говорит: «Спасибо», выходит из машины и взлетает. Ну, он так летит, оно ему не надо. То есть он выходит и писает. Что ему еще делать—вне машины? Он писает, потому что он дух, существующий вместе с телом, и телу же что-то нужно делать, да? Ну, вот, и он его писает... Он же не описывает машину? Нет, но если к нему подходит Эйнштейн, описывает ли он его? Да, он его описывает. Точно, Дарвин описывает Эйнштейна.

Смешно.

А Эйнштейну неприятно, ему мокро. Бедный, он же тело, и ему мокро. И к тому же он же делает различие между разными мочами. Он писает одной мочой, и она ему дорога и близка, а это чужая моча —Дарвина, которая на него попала, и ему, конечно, неприятно. «Вот видишь, — говорит он, — ты, наверное, понимаешь, да, за что страдаешь?» Они идут в машину. А Дарвин отвечает—ну да, что ему еще остается делать — он, конечно, отвечает Эйнштейну, он же его любит: «За то, что я описал твои штаны, и тебе теперь мокро и неприятно? И там волосы еще на ногах всякие... И тебе даже говорить об этом неприятно?» Эйнштейн говорит: «Да, мне и говорить об этом неприятно».

12. Вот как это происходит. Этот диалог постоянно свершается на наших глазах, а что делать, он всегда вокруг нас. Конечно, Эйнштейну неприятно. Дарвин ему отвечает: «Ну да, я понимаю, за это меня будут бить». А Эйнштейн, злой, наверняка раздраженный, говорит: «Да, за это тебя будут бить». И конечно, Дарвину от этого грустно опять становится. Он говорит: «Я ведь могу и не описывать твои штаны дурацкие. Вот смотри: я с тобой работал столько лет в Университете и ни разу не описал твоих брюк! Хотя у меня были возможности: мы ходили вместе в туалет, и я мог же написать тебе на брюки — мог, но я этого не сделал. И даже в колледже — я надевал твои брюки, мог же я их описать? — мог, но я этого не сделал. И в такой форме тоже не сделал, видишь? А мог ли я, например, представляясь тобой, читая лекции твоим студентам, описать твои брюки, то есть выглаженность твоей репутации? Мог. И описывал. А, я понял: я описывал твои брюки».

А Эйнштейн скажет: о нет, на это я как раз не сержусь. И начнет, конечно, опять свою галиматью нести, что он не сердится и что дело нисколько не в студентах, хотя коню понятно, что он обижается. В общем, он начнет открещиваться опять от своих чувств — зачем ему так это надо? Это ведь тоже интересно Дарвину, и он его спрашивает: «Слушай, а зачем ты открещиваешься от своих чувств? Это ты только передо мной или и перед собой?» А Эйнштейн скажет: «И перед собой, конечно, тоже».

13. Машина ехала, мотор не подводил.

Шофер сидел и делал так: у-у-у, тр-р-р, ж-ж-ж-ж, ту-ту-у-у! Одной рукой он вертел баранку, а второй рукой курил, делал вид, что курил, а на самом деле он трогал себя за пипиську. И трогая себя за пипиську, шофер думал... Шофер ничего не думал — о! Этот третий персонаж ни хрена не думал. Он говорил себе: тр-р-р, ту-ту-у-у! Кто же это такой? Мы его не знаем. Это как бы не аналитический разум. То есть он просто ведет машину, ни о чем не думает. Кто же он, этот шофер? Он этого, конечно, не знает, он просто делает так: ту-ту-у-у! чух-чух! — ну, повороты там всякие, впадины, мотор шумит, и он, как мотор. Да. Он просто мотор. И всё. О нем ничего больше не скажешь. Когда он с женой, он тоже просто гудит: ту-ту! ду-ду! Нет, ну, он ест, конечно, суп, смотрит телевизор. Бедный, телевизор-то он зачем смотрит?

Дарвин и Эйнштейн — вот что важно. Нужно думать о них. Хотя шоферу это было не важно. А Эйнштейну важно, он думал об этом и старался понять с одной стороны, с другой, с третьей, хотя не понимал даже с первой. Во как интересно происходило—конечно, он не понимал даже с первой. Просто у него была справка, и он был к ней приписка. С одной стороны. С этой отвратительной стороны, с какой Дарвин сейчас понимал, что его будут бить. Ногами. Он попытался себя ущипнуть опять. Это странное дело — себя щипать, представить

себе, как чужой сапог входит в твое тело. Это немножко трудно. Но это тоже можно. Потому что все мы — Эйнштейны. Дарвин пытался себе это представить и увидел красивый сапог, красиво входящий в красивое тело. Тогда он попытался себе представить ужасный сапог, жуткий такой сапог, такой грязный!.. Но он всё время видел свет, совершенно точно и безошибочно, он был духом, и он не понимал. А Эйнштейн был телом, и он не понимал. И общество было обществом, и оно, уж конечно, ни фига не понимало. Кто же мог понять? Справка о душевной болезни Дарвина была справкой; кто же мог понять? Кто мог увидеть это и задуматься об этом? Кто мог сказать, что вот я это вижу? Только Бог, и никто другой. Может быть, как бы читатель? Но нет, он — Эйнштейн. Это трудно понять, как сапог входит в тело. Когда ты — дух, когда ты везде разлит и любая картина тебе представима, кроме вот такой, скучной. Почему же с Эйнштейном так скучно? Почему же можно задуматься обо всем в мире, о камнях, о бабочках, а об Эйнштейне скучно? То есть Дарвин, что ли, боится думать об Эйнштейне? Разве он не тело? Нет, он обслуживает тело. Он обслуживает одно тело, другое тело, женщин, когда они просят: «Войди в меня» — и он входит, или к нему подходит кто-нибудь и говорит: «Расскажи мне...»—и он тогда рассказывает. Ну, в смысле, у нас есть всякие глушилки. Глушилок очень-много. Эйнштейн о них знает. Он об этом никогда не думал. А ему казалось, что думал. Едрена вошь! Как трудно с Эйнштейном нам. Он очень запутанный. Он насмерть запутанный. Может быть, это только так кажется Дарвину, что Эйнштейн запутанный? Ведь это так просто быть телом и испытывать боль. В это нужно очень твердо верить, что ты—тело, жестко и абсолютно верить, что ты тело и что когда в тебя входит сапог, тебе больно, больно, больно! Если перестать над этим смеяться... то может ли Дарвин это понять? Нет, он понять этого не может, и поэтому его везут в сумасшедший дом. Потому что он дух. Духу не место среди тела. Конечно, дух мешает телу жить. Конечно! Он выкидывает там всякое, а телу это не нужно. Хотя ведь Эйнштейну по мобильному телефону всё равно звонит шеф, он выкидывает там всякое, шеф-то дурной. Конечно, шеф дурной, у него всякие свои вспышки — ну, раздражения там, еще что-то, и он успокаивает раздражение, набирая костяшками номер, и влезает, как сапог, вонзает этот звонок в тело Эйнштейну. Ведь у него же в теле торчит этот мобильный телефон, ну, ему кажется, что в кармашке, но он же и есть этот кармашек, он же не может взять и снять пиджак! Ему кажется, что он может снять пиджак, а тогда мы его спросим: «А ты можешь снять рубашку?» — и он скажет: «В принципе, да, но не хочу». Другими словами, рубашку он не снимет, поэтому он и является этим пиджаком. Зачем он так? Потому что он—тело. Тело не верит, что если снять пиджак, останется тепло. Так верит тело южных стран, а Эйнштейн—из северной страны. И когда в него вонзаются, как сапоги, эти звонки его шефа, то что он может сказать ему? Он ничего не может сказать, он зажат в этой ситуации. Шеф ему что-то говорит и спрашивает, где они, и тот спрашивает у шофера, а шоферу по фигу, но он отвечает, что осталось 20 километров... 30 километров... и Эйнштейн говорит, что да, они уже совсем рядом. Дорога прошла, и ничего не сказано. Эйнштейновский шеф почему-то волнуется. И волнуется сам Эйнштейн. Это тело волнуется о душе. А душа, которую оно везет в эту клинику, она волнуется ведь о теле и Дарвина очень беспокоит... Он говорит: «Альберт, ну хочешь, пойдем погуляем?» И тот говорит: «Нет, нельзя гулять». Тогда Дарвин говорит: «Ну хочешь, я разденусь для тебя?» А Эйнштейн говорит: «Нет». И Дарвин говорит: «Ну хочешь, когда мы приедем, мы останемся там вместе, в одной палате?» И Эйнштейн — нет, конечно, он говорит: «Нет, Чарльз, я вернусь в город и буду там в своей палате». Ему кажется, что он так шутит, хотя это, конечно, правда, естественно, он там в палате, у него там очень жесткие законы. Ну, телу же должно быть тепло. Тело хочет тепла, пищи, и питья; этот мобильный телефон тоже зачем-то нужен, который торчит из него, с которым он чаще, конечно, общается, чем со своей пипиской. Это странно Дарвину — ну, пипиську он понимает, а вот мобильный телефон ему трудно понять.

14. Но, так или иначе, они подъезжают к больнице. Это тело привезло свою душу на место ссылки. Вот они подъезжают к воротам, шофер затормозил — ему нравится тормозить, он так делает губами: г-т-кх! — и Эйнштейн вышел, открыл дверцу перед Чарльзом и сказал:

«Чарльз... Милый, ведь я же очень хочу, чтобы ты вернулся!» Это было как обращение ко времени, да? Вернулся куда? Вернулся в тот городок внизу? Ну, он вернется, конечно, тогда начинается вопрос: каким? Он там будет, он всегда там; в смысле — его помнят, его видят, он разговаривает — это как бы во снах, но они занимают очень много времени. Он есть, он там, он дух, но тело этого духа помещают в закрытую психиатрическую клинику. Эйнштейн плачет— конечно, Эйнштейн плачет. Он говорит: «Чарльз, прости... прощай. Я так хочу, чтобы ты вернулся». А Чарльз — ему же хочется, чтобы Эйнштейн тоже попал к нему? Хочется, конечно, и он... Но как это объяснить — он не знает. Его скоро будут бить, но пока он стоит перед Эйнштейном и не знает, как ему это объяснить. Не может же он ему сказать: «Прими грибов». Потому что ничего принимать не надо, можно же просто знать, кто ты. Перестать играть и знать, кто ты, и всё. И ты оказываешься сам собой. Это дух говорит телу. Но дух говорит запутанно, потому что ему всё слишком ясно. И он говорит: «Я тоже хочу, чтобы ты приходил ко мне почаще. Я люблю тебя, конечно. Хочешь, я буду тебе письма писать? Хочешь, возьми мою переписку с женой?» А Эйнштейн ее уже читал, в университетском суде, когда были разборки, жена всё отнесла. «Ну возьми там, книги мои почитай». А Эйнштейн говорит: «Да, кстати, Чарльз, не вопрос, если тебе нужны будут какие книги, я привезу». Конечно, это грустно, что ж они, только книгами могут общаться? Ну, и то хорошо, там ведь дорога какая длинная, а ну как авто откажет, или типографии выйдут из строя, или сломается теплоизоляция и придется топить книгами, и они сгорят? И Дарвину-то это по фигу, а Эйнштейну-то это страшно. Бедный Эйнштейн.

Дарвину больно—нет, сапог не может, а вот расставание может. Он говорит: «Ну, пока». Он может шутить—нет, в этот момент он не шутит.

15. Подходит врач. Теперь Эйнштейну, чтобы приехать к своей душе, придется садиться в машину и даже вызывать шофера, и что-то кому-то объяснять. Это сложно — ну, в его обстановке это сложно. Много звонков по его мобильному члену. Но его тянет — конечно, тело тянет к душе. А Дарвин — он ведь будет и в городке, но теперь место, где они смогут сойтись, будет только в клинике. И хорошо, что он там, хоть как-то определились. Понятно, что где. Эйнштейн едет назад со своим мобильным... ну, понятно. Шофер делает: ту-ту-у-у! — ему же всё равно, дорога идет вниз или вверх. А Дарвина раздевают, укладывают. Ему хорошо. Он дух. И всё. Вся история.

Приложение 1
Рассказ о первом путешествии в Мексику – за пейотом[63]

Я хочу описать свое путешествие зам пейотом в пустыню близ известного города Real de Catorce на севере штата San Luis Potosi в Мексике. Ничего особенного не было в этом путешествии, скажу сразу; это просто путешествие, то есть trip, но что-то тянет меня к рассказу.

... Итак, я приехал в Техас и стал жить в нем, часто сталкиваясь с кактусами, с пейотом, его следами, людьми, книгами — вокруг, чувствуя, что это «его земля». Мексика была под боком, и вот я поехал туда в первых числах апреля, выбрав горы Barranca del Cobre на северо-западе и индейцев Тарахумара ни по какому особенно резону. За пару месяцев до этого я прочитал — вот это важно — книгу Barbara Meyerhoff «Peyote Hunt» — о других индейцах, Уичоль, и их священном, почти ежегоднем походе за пейотом. Они живут на западе Мексики, в горах Sierra Madre, а идут за ним в центр континента, в пустыню, в священную для них страну Wirikuta. Это недели три дороги, если пешком (как они, понятно, всегда ходили — но сейчас часто ездят). Путешествие это—паломничество—очень цельно по структуре, наполнено ритуалами, законами и табу, повторяет мифологическое путешествие предков и т. д. Оно очень сурово физически построено, плюс ко всему мало еды и сна. Уичоль совершают его и сегодня, иногда

63 Я записал этот текст в апреле 2001. Мне кажется, что эта история имеет прямое отношение к «построению» трипа, к тому ритуалу, о выработке которого идет речь в главе «Практика».

беря с собой близких им белых, как сто лет назад знаменитого Карла Люмхольца (скандинавского путешественника), саму Барбару Мейерхофф, и есть еще примеры. Уичоль очень близки с пейотом, и в этом они, пожалуй, уникальны. Многие индейцы едят его, но реже и часто со страхом (может быть, плохое слово — во всяком случае, будучи от него значительно дальше). Уичоль делают совершенно потрясающие (по-моему) вещи из шерсти (yarn painting, разноцветная шерсть наклеивается на плоскую основу, выглядит как картина) и из бусин, бисера (какие маски!), и пейот часто фигурирует прямо в центре их произведений. Тарахумара, к которым я ехал, по слухам, чаще покупают пейот у них, чем собирают сами.

Итак, в первый день в Мексике (я ехал автостопом из Монтеррея на северо-запад) местный парень, без вопросов с моей стороны, показал (и даже записал) мне несколько мест в окрестностях, где растет пейот. Я не стал (и не думал) ехать ни в одно из них, я продолжал двигаться к Sierra Tarahumara. На третий день я стоял у ручья уже в этих горах, в глуши, и наблюдал, как индейцы вынимают камни из ручья (зачем — так и не понял). Я что-то им подарил и на очень слабом испанском (увы!) попросился — нагло — ночевать. Они очень бедно живут, на грани голода, и ночевал я в том, что трудно было назвать домом — доски с щелями как крыша, посередине костер, рядом деревянная лежанка. Они и кормили меня (пиноле — размолотая кукуруза в воде с сахаром) и чая, который мне понравился (кусочки коры корицы), дали с собой. Я спрашивал хозяина о медицинских растениях. Он показал мне одно-другое (все незнакомое), а затем вытащил Hikuri—маленькую горстку сухого пейота. Меня поразило, как он был завернут — и в материю, и в кульки. Там ничего, насколько я видел, так не содержалось, полная нищета (и равнодушие) в вещевом смысле.

Следующие несколько дней я работал (волонтером) в детском отделении больницы для индейцев в городе Creel. Это было очень здорово. В промежутках учился стучать на барабане, который купил у индейцев в другой деревне. Однажды вечером на городской площади я услышал прекрасные барабаны и увидел компанию ребят, хиппиобразных, очень симпатичных. Я принес свой барабан и «вошел в круг». Все они были мексиканцы, я почти не мог с ними разговаривать, но чувствовал их свежий и прекрасный дух и хотел побыть с ними. Они пригласили, полночи я сидел с ними, курящими марихуану (в какой-то момент пришла полиция, нас ставили к стенке и обшаривали, но потом спокойно ушли, и веселье продолжалось). Наутро я зашел из госпиталя с ними попрощаться и уехал в ту же деревню, где был раньше, поглазеть на празднование Semana Santa (Пасхальной недели), которую индейцы Тарахумара очень своеобразно справляют, с процессиями, костюмами, раскрасками, бегом по горам и финальной пьянкой, и так несколько дней. Меня хватило на два дня. Когда я возвращался в Creel, мне казалось, что путешествие подходит к концу, что я еще повожусь с маленькими в больнице дня 2—3, а потом отправлюсь назад в Техас.

Я не ожидал встретить ту же компанию в городе, они собирались уехать на юг, но тут же налетел на них на главной улице (они плели фенички и их продавали). Я опять пристал к ним. Вечером одна из них, Кристина, сказала, что они собираются постепенно дрейфовать на восток и на юг, в пустыню Сан Луис Потоси, а потом вообще в Оахаку и Чиапас. И позвала с собой. Я возбудился. Деньги у меня кончались, но время было. Я спросил, все ли они туда едут (их было семеро). Она вскинула голову и сказала: «Я — еду».

Через пару дней мы стартовали, разделившись на четверки. Я уже ездил по этой горной дороге, тогда нас брала почти первая машина. Теперь не останавливался никто (дело было не в количестве нас, потому что там почти все машины — trucks, и берут, не глядя, в кузов).

С мелкими подвижками мы проторчали на дороге целый день. Под вечер, к закату, остановилась машина, ехавшая в противоположном направлении, и нам предложили вернуться в Creel. Смешное такое искушение.

Через три минуты после того, как мы отказались, мы уже ехали на свой восток по безумно красивым горам, которые становились все выше, а каньоны все глубже. Потом мы не могли встретиться с остальными (почти весь следующий день), потом все решили слазать в Sinforosa, самый огромный, по-моему, каньон в этих горах. Они все были настоящие бродяги и ОЧЕНЬ не

торопились. И то, что в рюкзаках они таскали книги, скажем «Театр абсурда и абстрактное искусство», добавляло им сладости в русских глазах. (Насмотревшихся на USA.) Но дня через два-три я понял, что мы ОЧЕНЬ долго будем ехать в пустыню. По ходу дела, мы спустились в каньон (его глубина по вертикали — почти 2000 метров). Там растерялись все. Легкомысленные особы. Я успел отыскать Кристину и шел с ней. Потом мимо пробежал парень, осознавший, что потерялась его девушка. Потом я еще кого-то видел далеко внизу... Охваченный символическими фантазиями, я видел это как испытание на сплоченность в священном путешествии, которое для меня уже началось. Я уже шел за пейотом. Кристина думала то же самое. Я понимал ее лучше других, и мы разговаривали про Уичолей, о которых она знала, конечно, гораздо больше. К вечеру мы решили выбираться и продолжать путь на юго-восток сами, если другие не присоединятся. Выбираться было не очень легко. Это был реально не один каньон, а много. На закате мы услышали крики той самой девушки, которая потерялась утром...

У нас на двоих была и вода, и еда, и спальник. У Майры (так ее звали) ничего не было, как я помнил. А жара весь день стояла приличная, и кручи кругом стояли гигантские. Так что, пока я бегал и искал ее (крича «Мойра!» и ориентируясь, как потом оказалось, на эхо, отражавшееся от противоположной стены), я ожидал найти существо несчастное и заплаканное (было ей 19 лет). Однако она вышла на наш костер (уже в полной темноте) вполне бодрая. Я выучил, как будет по-испански «козел», мы съели банку сгущенки и банку персикового варенья (подарок местной крестьянки) и стали укладываться спать. Очень романтично ложиться с двумя мексиканками под одно одеяло, но вышло не совсем так: мы были на склоне почти без горизонтальностей, и всю ночь, в общем, сидели. Мне было весело; девушки, кажется, переживали.

Под утро какая-то холера погнала их дальше, они вскочили, сказали, что встретимся наверху, и ушли. Я поспал еще час-два (только тогда вышло солнце) и тоже пошел, с нехорошим ощущением, что испытания мы не выдержали, что они заблудились и я их уже не увижу. Увидел, однако. Они счастливо забивали травой свои трубки около магазина. Этот день мы лазили по окрестностям, стирали вещи у водопада, и мы с Кристиной совсем определились с планами—ехать искать Хикури.

(Кстати: у некоторых из них было с собою понемножку сухого пейота с собой, из родной Соноры. На тяжелой дороге они ели по маленькой его щепотке «como medicina», я не знаю, прибавлял ли он сил от усталости, но мне казалось очень правильным есть его по чуть-чуть — по дороге к нему.)

На следующее утро, так никого снизу и не дождавшись, мы оставили Майру у той доброй крестьянки и прямым автостопом рванули на восток. Вот мы спустились с гор... вот началась пустыня Chihuahua... к ночи мы застряли на бензоколонке большого города, и Кристина паниковала... и уже совсем ночью, под взорами местной полиции, нас взял тяжеловоз, перевозивший, что ли, патоку для конфет (!), который шел, конечно, уже куда надо, в Matehuala.

То есть через сутки мы были в пустыне, вблизи тех мест, которые Уичоли называют своей Вирикутой.

Последние 50 км до Реал де Каторсе мы проехали на автобусе. Денег почти не оставалось, но так велела мой проводник. Мы оба чувствовали, что теперь нам нужно совершать только правильные шаги. Упаси боже, мы не шлялись по городу Матехуала, а сразу пошли на автостанцию. Все равно по дороге вдруг вышел какой-то парень из подворотни и сказал: «Разрешите мне представить себя...» Когда мы увидели, что он пьян, мы успокоились, но вообще напряжение нарастало.

В автобусе рядом с нами ехал индеец Уичоль, в парадной одежде (так они отправляются на паломничество).

Реал де Каторсе... Удивительные места. Вокруг—почти умершие городки, крыши обрушились, стены заросли кактусами... Это—горы посреди пустыни. Немного похоже на

Иерусалим... Сам Реал довольно туристский сейчас. Там нет своей воды. Под вечер мы пошли купаться в гостиницу (почти совсем на последние гроши). Так было надо. Легли спать на одном матрасе. О сексе речи не было — это мы

оба понимали.

Рано утром—пошли! Нам надо было спуститься с гор в пустыню, миновав Estacion de Catorce, про который Кристина рассказала пару страшных историй. Это мне опять понравилось—«разбойничий лес»! Я шел и думал, какая прелесть есть в расчерченном, определенном, осмысленном пространстве и времени, когда знаешь, где ты, кто и зачем. Я чувствовал себя гораздо лучше, чем пару недель назад в благополучном Техасе. Мы миновали «лес разбойников» без нападений и в разгар дня вошли в пустыню и стали удаляться от железной дороги в плоскость, заросшую чаппаралем и разными кактусами. Последний человек, которого я видел, был пастух, который медленно ехал на ослике, читая книгу.

Пейот, если вы не знаете, едва выступает на поверхность земли и яркими цветами тоже не блещет. Увидеть его трудно. К вечеру мы прошли много, но ничего не видели. Стали собираться тучи. Кристина, чем дальше, тем быстрее двигалась. Она была в этих местах уже несколько раз. Я устал и часто просто старался не потерять ее из виду. Мне до какой-то степени было все равно: вроде я сделал, что мог, и вроде правильно, а выйдет ли Хикури (или Мескалито) на встречу— это уж как ему будет угодно. Наконец Кристина пропала из виду, я ускорил шаги, потом понял, что она просто села, а не ушла так далеко... Она сидела перед кустом чапарраля, под которым росло трое— она сказала, когда я подошел: «abuelitos» — «дедушек». Она разводила костер перед ними, выложив на землю подарки, которые принесла с собой. Она меня заранее предупредила, что тут—каждый сам по себе. Я нашел своих— семейство, семеро—в двадцати шагах. Сотворил те ритуалы, которые понимал, подарил, что было, сразу почувствовал, что здесь есть еще, обернулся, пошел, меня укусил муравей в ногу (больно!), но я и так знал, что мне достаточно. Все равно увидел еще пейот, показал Кристине. Она уже закончила, съела один кактус и собралась идти дальше. Она была очень возбуждена... На кактусы, которые я ей хотел показать, она и не взглянула, крикнула «Неважно!» Я очень устал. Сказал ей, что пойду вон под то дерево, ночь буду там. Она кивнула и ушла в другую сторону. Я пошел к дереву, еще видел пейот по дороге, но сорвал только один, одиноко стоящий.

Собирались тучи, вдали была гроза. Через полчаса к дереву пришла Кристина. Мы съели кактусы, каждый по-своему. Я—только четыре из восьми. Боже, как был вкусен апельсин, которым я позволял себе закусывать!

Всю ночь дул очень сильный ветер. Никакого «трипа» у меня не было, и я был благодарен за это Хикури. Спал. Не знаю, что было у Кристины. Утро было безумно красивое, рассветало над горами... идти назад было трудно—часа 2—3 по пустыне, а потом полдня вверх. На обратном пути, уже из Каторсе на север, машину, в которой мы ехали, три раза останавливала полиция (не дорожная, а по «наркотрафику»). Мой оставшийся пейот засушенными кусочками аккуратно лежал на яйцах. Ничего, проехали. У Кристины тут-то, задним числом, начала расти паранойя. Место на ночлег мы еле выбрали, она капризничала... В городе Салтийо она выбросила на улице свои вещи —трубку и пр.—для марихуаны. Она просила меня проводить ее в Сонору, но я и не хотел, и думал, что я тогда просто буду «вытаскивать» ее из темы ее трипа. Она это поняла задним числом, когда написала мне через несколько дней... Все.

Как я и говорил, ничего особенного не произошло. Но я, не раз и не два думавший, как «обставить», «устроить» трип, по-моему, получил урок и кое-что новое про это понял. Про целостность трипа с «походом за», «входом» и «выходом». Когда-то мескалин показал мне огромное, бесконечное сюжетное устройство мира, где один сюжет является крохотным кусочком другого, — и так во все стороны. Вплетенность в крепкий, здоровый мифологический сюжет я и пережил сейчас, и он так развернулся, что не было нужды в видениях и фантазиях. Этакая история из «Изумрудного города» получилась.

Приложение 2
Культивирование грибов на кухне и в лаборатории.

1. Культивировать грибы — не очень просто и не очень сложно; есть много людей, у которых это прекрасно получается (при том, что они вовсе не микробиологи и не садовники), есть множество других, у которых совсем не получается или результаты их смехотворно малы.

Я прошел довольно долгий путь (в два года) от «еле-еле» до урожаев, которых хватало и мне, и моим друзьям надолго.

В культивировании этом ценно, на мой взгляд, не только то, что при расходе очень дешевых материалов можно получать значительное количество такого ценного материала; очень ценна «интимная», живая связь с грибами, которая при этом возникает.

Когда у меня впервые выросли настоящие грибы и я съел первые из них, я видел поразительно красивую картину того, как грибы росли отовсюду, как они весело выскакивали ножками и шляпками, радовались и звали других... Я видел, как грибы хотели расти. Я знаю, что они хотят расти. Это может казаться тривиальным, но я знаю это так же точно и почти так же эмоционально, как то, что я хочу есть, к примеру, или бродяжить. Грибы хотят расти.

2. Ликбез. Я уверен, что эти процессы стоит понимать, а не просто воспроизводить пошагово непонятные методики. Тем более что те из вас, кто будет это делать не в оснащенной лаборатории, постоянно будет натыкаться на дополнительные технические трудности, которые придется решать самому. На самом деле все просто.

Плодовое тело гриба — то, что мы обычно грибом называем, — это только надземная, видимая часть большего организма. «Грибница» —это перепутанные обычно белые нити, которые остаются в земле, когда срываешь плодовое тело — это тот же организм. Фактически можно считать, что плодовое тело, — это те же нити, просто густо скомпонованные. Эти нити правильно называть «мицелий». Плодовое тело появляется из хорошо развитого мицелия для того, чтобы образовать споры и разбросать их. Споры очень мелкие, и один гриб образует их огромное количество. Если положить созревшую шляпку гриба, например, на бумагу, то за несколько часов споры, высыпавшиеся из гриба, образуют споровый отпечаток (у псилоцибиновых грибов он всегда темных цветов—черный, коричневый, и это важный признак для их определения). Споры в благоприятных условиях прорастают в нити мицелия.

3. Итак, мы можем начинать культивирование со спор или с мицелия. В лабораториях и коммерческих «заводах» предпочитают иметь дело с мицелием. Поскольку мицелий растет «вегетативно» («почкованием», как это называли у нас в школе), то он полностью сохраняет все качества своей «линии» («штамма» по-русски, strain по-английски). Теоретически одна линия может воспроизвести бесконечное число совершенно одинаковых грибов. Споры же генетически разнородны (как дети) и могут отходить от родительских признаков. Кроме того, споры не очень долговечны[64]. Их выгода, с другой стороны, тоже очевидна — ими легко поделиться, переслать их в письме, собрать с дикорастущих грибов и привезти домой из далекого путешествия. Большинству из нас на сегодняшний день, впрочем, выбирать не приходится — начинаешь с того, что есть. Есть выбор — выберите мицелий, растущий в жидкой культуре или на агаре. Большинство, естественно, начинают со спор — подаренных, выменянных или купленных.

Споры обычно доходят до «грибовода» в двух видах — в виде отпечатка или в виде взвеси в стерильной воде, которая обычно (в коммерческом варианте) содержится в стерильном же шприце.

64 Особенно на бумаге, куда имеют обыкновение их «собирать». Очень многие сорта бумаги (особенно высококачественной) обрабатывают и пропитывают различными химикатами, которые убивают споры не сразу, но довольно быстро. Поэтому для снятия и хранения споровых отпечатков лучше использовать что-то нейтральное (тонкую алюминиевую «бумагу», пленку, стекло и т. п.)

4. Споры или мицелий нужно запустить» в благоприятную среду, чтобы они могли превратиться в «сильный», развитый мицелий. На самом деле неважно, кого из них вы в эту среду запустите,—результат в хорошем случае будет одинаковым, просто споры возьмут несколько дней на прорастание в мицелий, а мицелий начнет множить свои нити почти сразу.

«Благоприятная среда» — это широкий спектр веществ органического происхождения, Psilocybe не очень разборчива в этом смысле. Споры и мицелий могут хорошо прорастать на агаре, зерне, сене, сухих листьях, коровьем навозе[65], рисе, отрубях, стружке лиственных деревьев и т. д. Для практических целей лучше всего брать зерно, и лучше всего зерно твердых сортов пшеницы или ржи. Это многократно проверено. Зерно хорошо стерилизуется, не слипается, держит влагу и прекрасно «работает» для дальнейшего переноса мицелия, поскольку каждое отдельное зернышко будет зародышем новой колонии, а мицелий легко выживет при его «путешествиях», потому что растет не только по его поверхности, но и внутри.

В современном мире зерно нередко обрабатывается всякой химической дрянью, в том числе антигрибковыми веществами. Понятно, что это может вам сильно помешать. Можно брать «органические» зерна, выращенные и хранимые без химикатов. Можно брать свое собственное зерно. Можно рисковать, тем более что при варке многая химия смывается в воду.

Варить зерно очень рекомендуется, не для стерильности (варка ее не дает, хотя и добавляет шансов), а для создания оптимально влажной среды для мицелия. Секрет, который я не встречал на Интернете и который прекрасно работает, заключается в том, чтобы доварить зерно до того состояния, когда зернышко больше чем на половину становится «мокрым» (на срезе), но еще содержит белый участок «сухого» эндосперма в середине. Это на самом деле очень легко: варишь пять минут, десять, время от времени берешь зернышки, раскусываешь и смотришь, сколько в нем «белого» и сколько «мокрого». Когда «белого» остается совсем немного в самом центре, снимаешь с огня, воду сливаешь, немножко просушиваешь зерно, чтобы не слипалось. Той воды, которую оно набрало, хватит, чтобы поддерживать в среде 50—70% влажности, что оптимально для роста и развития грибного мицелия.

До того как я узнал этот рецепт, я вливал воду в сухое зерно или отруби, и все тоже получалось, но гораздо хуже и в каждой банке по-разному.

Сваренное и подсушенное зерно засыпается в сосуды, в которых будет расти мицелий. Это могут быть очень разные сосуды, в простом случае — банки с крышками. В оптимальном — лабораторные колбы с пробками. Они должны закрываться, но не совсем герметично, вот в чем смысл. Плюс их материал должен выдерживать процесс стерилизации.

5. Теперь самый трудный и принципиальный момент: «благоприятная среда» должна быть стерильной. В природе грибы растут, конечно, не в стерильной среде, и там постоянно идет конкуренция между огромным количеством грибов, плесеней, бактерий и т. д. Но и растет там мицелий годами, и никогда не известно, когда и где же в конце концов появятся грибы. В стерильной среде у грибного мицелия не будет соперников. Это не просто вопрос «дележки»— многие из потенциальных соперников, если окажутся в одной банке с вашим мицелием, его просто убьют или угнетут его развитие настолько, что процесс потеряет смысл. Какая-нибудь зеленая плесень развивается гораздо быстрее гриба, она в считанные дни проделает полный свой цикл и «зацветет», пока Psilocybe будет только набирать силу. Многие бактерии быстро полностью изменят состав и условия среды (она «протухнет»). Таким образом, нормальное культивирование возможно только в стерильной среде. Если среда загрязнена — для большинства практических целей это значит, что содержимое ее надо выбросить (не в унитаз, а в землю или навозную кучу — ведь мицелий-то все-таки там, авось, да прорастет когда-

---

65 Или вот один мой приятель в Будапеште использовал слоновий, как более легкодоступный.

нибудь!).

Стерилизация требует, чтобы материал побыл полчаса при температуре 121 С. Легко заметить, что это больше, чем кипячение. Это — самое трудное в культивировании грибов «на кухне». Мой опыт мне говорит, что гораздо легче найти доступ к автоклаву у знакомых в медицинской или биологической лаборатории, отнести туда свои сосуды с зерном, простерилизовать и забрать обратно, чем «заводиться» с этим на кухне. На Интернете, впрочем, много рассказов об успешной стерилизации с помощью кастрюли, скороварки или микроволновки.

Важно понимать, что стерильность в практическом смысле имеет не абсолютный, а вероятностный характер. Даже после самого лучшего автоклава это не 100% успеха. Даже после варки в кастрюле (то есть при 100° С) можно получить материал стерильный, в котором не окажется никаких жизнеспособных спор бактерий или плесени. Хорошие методы отличаются от плохих, таким образом, большей вероятностью успеха. С плохими методами можно добрать свое, готовя большее количество сосудов.

6. Когда у вас есть (остывший!) сосуд со стерильным зерном, вы можете «инокулировать» (внести) грибной материал—споры или мицелий. В лаборатории существуют специальные вытяжные закрытые «столы» (хотя их называют «шкафы»), где в хорошем варианте даже воздух подается стерильным, — конечно, там произвести «заражение», не занеся чего-нибудь еще, гораздо легче. Но это вполне реально сделать и дома, приняв необходимые предосторожности. Все, с чем вы будете работать, должно быть чисто, включая пол, стол, инструменты, вас самих. Вы все моете и все протираете спиртом—особенно стол и руки. Потом вам нужен источник огня — в горячем воздухе над огнем практически нет ничего жизнеспособного, а вот в обычном воздухе есть, причем очень, очень много! Все, что вы можете, вы делаете над огнем. Например, открываете крышки сосудов, раскрываете шприц со спорами и т. д. Если вы используете инструменты типа пинцета, скальпеля, ножа, иглы, то все они, естественно; прокаливаются на огне до красного каления.

Тут играет роль, что служит «посадочным» материалом. Конечно, шприц, содержащий споры в стерильной воде, максимально удобен и эффективен — вы просто быстро впрыскиваете сколько-то воды из шприца в зерно. Все остальное потруднее. Важно держать сосуд с зерном открытым как можно меньше и держать его при этом над огнем.

7. В самом простом варианте это — всё. Другими словами, вы ставите «зараженный» сосуд с зерном в теплое место (хорошо, если градусов 27; но не больше 30; чем холоднее, тем медленнее будет расти мицелий; меньше 20 градусов уже совсем нехорошо), все равно, темное или светлое (абсолютно темное тоже ОК) и ждете. В зависимости от количества зерна, количества и способа внесенных спор или мицелия, температуры и штамма это займет разное время. Через неделю будет ясно, что к чему—где заражение (нити другого цвета и фактуры или совсем плохой запах), где идет рост и как/Через две недели мицелий может полностью заполнить все возможное пространство. Может через три или четыре.

Если вы начали со спор и хотя бы в одном сосуде у вас есть незараженный хорошо выросший мицелий — вздохните свободно, это победа! Дело в том, что теперь размножение этого мицелия будет для вас гораздо легче и надежнее — вы просто перенесете (отсыпете) какое-то количество зерен в новые сосуды, и каждое зернышко будет центром роста отдельной колонии, что даст прекрасные шансы. Так делают в коммерческом культивировании, готовя так называемый «spawn» — из одного сосуда рассыпают зерно с мицелием в десять новых. Ваш мицелий будет расти на своем зерне не меньше двух месяцев, уже теперь сам не допуская роста никаких «зараз», даже если они попадут туда (воздух-то поступает в сосуды потихоньку, грибы дышат, и таким образом вероятность заражения, хоть и маленькая, все время остается, пока мицелий не захватит все доступное зерно, и даже немного потом).

Еще один важный факт: если вы выращиваете Psilocybe для употребления вовнутрь, то вы спокойно можете остановиться на мицелии. Мицелий вырабатывает те же алкалоиды, что и плодовые тела. Почти всегда в нем будет их несколько меньше, но это с лихвой окупается легкостью и быстротой его выращивания.

Иногда, у некоторых штаммов Psilocybe cubensis, мицелий образует «подушечки» на поверхности зерна. Они по плотности и всему остальному вполне напоминают плодовые тела, их можно собирать (даже при определенной ловкости не тревожа остальной мицелий, то есть оставляя его расти дальше) и употреблять так же, как целые грибы. Их «силу» придется «калибровать» пробами, тут уж ничего не попишешь.

Если таких подушечек не образуется (мицелий на поверхности образует только тоненькие рыхлые пленочки), есть два наиболее легких варианта для употребления мицелия. Один — экстракция из него (то есть фактически из всего сосуда с зерном и мицелием) алкалоидов слабокислым раствором, например лимонным соком или раствором аскорбиновой кислоты (витамина С). Второй — употребление его вместе с зерном или тем, что вы используете для среды (можете брать овсяные хлопья, если вас волнует вкус). Некоторые диетические добавки из медицинских грибов готовят как раз таким образом: выращивают мицелий на зерне, потом высушивают и размалывают в порошок. Высушивать необязательно, конечно, это явная потеря активности в нашем случае.

8. Итак, если вам удалось вырастить мицелий на зерне и хочется попробовать вырастить сами грибы, то у вас есть несколько вариантов. Самый простой заключается в том, чтобы ждать и надеяться, держа сосуд с мицелием уже на свету (не на солнечном и совсем не обязательно на ярком—сойдет верх какого-нибудь шкафа) при комнатной температуре. Это — плохой способ, грибы могут вырасти, но вероятнее всего они будут маленькими и несчастными. Места в сосуде мало, воздуха тоже, питательной среды, скорее всего, тоже.

Можно на самом деле, если вы заранее знаете, что в каких-то сосудах вы попробуете вырастить плодовые тела, подготовить их соответственно. (Не делайте этого, если вы только-только начали, тем более из спор — подождите, пока у вас будет зрелый мицелий на зерне в нескольких банках и появятся возможности для экспериментирования!) Зерна там должно быть много, почти под самую крышку (и заселяться оно будет поэтому долго), отверстие у сосуда должно быть достаточно широким. Когда мицелий полностью заполнит зерно, можно открыть крышку, засыпать немного «casing» (я расскажу об этом чуть позже), закрыть отверстие, например несколькими слоями марли, и ждать. Все равно грибов, скорее всего, будет мало, верх после первого урожая станет ужасен и второго можно никогда не дождаться. На Интернете широко распространен «любительский» способ культивирования грибов на смеси риса с вермикулитом; вот в нем, фактически, споры пускаются туда же, откуда будут расти грибы. Мне лично близки более стандартные пути, используемые в коммерческом культивировании. В них готовится отдельная среда в отдельном месте, где будут расти грибы, в самом простом варианте — коробка с соломой.

9. Это не картонная, конечно, коробка — вам же надо ее точно так же простерилизовать, как и сосуд с зерном. На сегодняшний день есть много разных пластиковых коробок с крышками, которые годятся для микроволновых плит—они «выживут» и в автоклаве.

Еще маленький экскурс в теорию: плодовые тела будут расти из «сильного» мицелия, который исчерпал почти все запасы доступных питательных веществ окрест. У многих грибов грибные тела будут появляться еще и только при определенной температуре и влажности, но, к счастью, Psilocybe cubensis не так разборчива в этом отношении. Дополнительные сигналы для мицелия, что «пора плодоносить», — это то, что он пророс через слой чего-то непитательного, и вообще стресс. Об этом мы еще попозже поговорим. Грибные тела могут «съесть» и переработать чуть не всю данную им среду, но их масса все равно не будет больше массы

среды, как легко догадаться. Поэтому для хорошего урожая среды должно быть достаточно.

Итак, Psilocybe cubensis хорошо растут на соломе, хотя есть еще множество других вариантов. Хорошо, если это твердая солома пшеницы или ржи. Солома замачивается в очень горячей воде на полчасика, потом режется ножницами на кусочки поменьше. В этом есть несколько смыслов — и компактность, и удобство в обращении, и тот факт, что мицелию очень трудно «залезть» внутрь стеблей с внешней неповрежденной стороны, но очень легко — в месте среза. Вся вода сливается, и теперь эта мокрая (отжатая по возможности) солома будет так же хорошо «держать» нужную влажность, как и полусваренное зерно. Солома укладывается в коробки (понятно, что это может быть что угодно, а не коробки, но я описываю свой опыт) очень плотно, так, чтобы поверхность была максимально гладкой и стебли не высовывались, почти до самого верха, но не совсем (чтобы было куда засыпать зерно с мицелием). Закрывается крышкой и стерилизуется. Затем, когда коробка остыла, в нее (максимально стерильным образом) насыпается зерно с мицелием. Если заранее вставить в солому что-нибудь вроде стеклянных пробирок, а потом, перед тем как засыпать зерно, их вытащить, то в соломе будут дырки, туда можно засыпать зерно, и мицелий таким образом сможет «заселять» солому не только сверху, но и из середины.

Дальше коробка закрывается крышкой и ставится в теплое темное место. Все то же самое, что и с первоначальным мицелием на зерне. Вот только времени полная колонизация потребует больше. Это время можно уменьшить, засыпав зерна побольше, но не так уж плотно. Время будет зависеть от многих факторов, но, скажем, за полтора месяца внутренность коробки станет белой. Когда это случится, то есть мицелий заселит всю солому, можно еще немного его так подержать (если нет спешки), а можно уже и попробовать вырастить грибные тела. Для этого открывается крышка (здесь стерильность уже не так критична, потому что мицелий захватил все питательные ресурсы в коробке и загрязнителям будет негде прижиться — впрочем, все равно, чем чище, тем лучше); вместо нее натягивается тонкая пленка (типа той, куда еду заворачивают) — чтобы на верх мицелия сверху попадал свет; и наконец насыпается «casing layer», «покрывающий слой». Как я уже упоминал, одним из сигналов для мицелия, что пора «выпускать» грибные тела, служит непитательный слой субстрата, через который он пророс. Это может быть, в сущности, земля, но лучше — песок, а еще лучше — вермикулит. Вермикулит (очень гигроскопичный субстрат, используемый в растениеводстве) прекрасно держит влагу и очень чист сам по себе (абсолютно непитательный). Он варится для уверенности (то же — песок), а потом (остывшим) засыпается на верх соломы с мицелием. Если какие-нибудь участки мицелия «забрались» по стенке коробки наверх, в область контакта с крышкой, короче, выше вермикулита, их стоит «счистить» какой-нибудь железной палочкой (прокаленной, конечно, на огне). Пусть прорастает, «как положено». Эту процедуру можно через неделю-две повторить, если мицелий опять норовит лезть по стенкам, а зародышей грибных тел нет. Здесь есть еще элемент стресса, который тоже может работать одним из сигналов для «грибоношения». С шампиньонами такой эффект вовсю используется: «шкрябают» специальными грабельками поверхность субстрата, заросшего мицелием.

Нужно постоянно поддерживать достаточно высокую влажность у поверхности коробки. Я ставил коробки внутрь больших целлофановых пакетов и время от времени (раз в день-два) брызгал на внутренние стенки пакета капли воды. Брызгать прямо на поверхность коробки — хуже (опасность заражения выше), но если там вермикулит (который моментально впитывает всю влагу), то тоже можно.

Грибы растут быстро, за несколько дней после того, как появляются «примордии» («зародыши»). Собирать их лучше в ранней зрелости, когда шляпка открылась, но еще не начала вовсю сыпать спорами. «Урожаи» растут обычно «порциями»—в смысле, все грибы растут сразу, в один урожай, потом «отдыхают», потом, если все хорошо и субстрата хватает, произрастает урожай второй и третий. Солома при этом видимо съедается, так что после

третьего урожая вместо полной коробки ее остается тонкий слой странной массы на дне. Конечно, эту массу лучше выбрасывать в то место, где у мицелия есть какой-то шанс остаться в живых, захватить новые пищевые ресурсы и когда-нибудь прорасти.

10. Жидкая культура. Дело в том, что мицелий может расти не только на твердом субстрате, но также и в жидкости. Многие ценные грибы на сегодня выращиваются в виде биомассы мицелия, которая растет в постоянно кружащихся сосудах (чтобы перемешивалось); скорость роста при этом сумасшедшая, почти как у бактерий. Этого не сделаешь без специальных установок в полном объеме, но самый скромный грибовод может немножко использовать этот эффект. Дело в том, что жидкость: гораздо легче и надежнее стерилизовать; она очень хороша для «заражения» среды, так как мгновенно проникает «во все щели». Можно забыть про все сложные микологические рецепты, потому что мицелий Psilocybe прекрасно растет в сенном или соломенном настое или отваре. Другими словами, если вы, следуя вышеприведенным строкам, держали солому в горячей воде, то та вода (коричневая и с очень характерным вкусным запахом) — хорошая среда для жизни мицелия. Она стерилизуется в каком-нибудь сосуде, остывает, * и вы бросаете туда кусочек мицелия или споры в любом виде. Чем чаще вы ее будете встряхивать в течение нескольких последующих дней, тем быстрее она будет расти (перемешивание дает кислород, а это основной лимитирующий фактор в этой системе). Через несколько дней вы получите (если не произойдет загрязнения) идеальный инструмент для быстрого и эффективного заражения. Хорошенько встряхнув напоследок, вы выливаете эту жидкость в зерно (учтя приблизительно, что жидкости в него таким образом попадет больше). Мицелий прорастает на этом зерне очень быстро, а это хорошо не только для скорости, но и значительно снижает опасность заражения.

11. Множество способов сохранять грибы описано в Интернете. Обычная сушка вполне работает, особенно если вы проводите ее быстро и эффективно, при 50 примерно градусах Цельсия (то есть в воздухе скорее очень теплом, чем горячем). В таких условиях они высыхают где-то за один день. Можно сушить целые грибы, конечно, но я предпочитаю их потом растереть в порошок. Тому есть две причины. Одна—это та, что грибное тело (состоящее в норме из воды больше чем на 90%) идеально приспособлено для впитывания и западания влаги. Если вы оставляете грибное тело целым и в какой-то момент у него будет возможность «словить» влагу, оно это сделает моментально, а потом, конечно, испортится. Другая причина—та, что не только влага укорачивает срок жизни алкалоидов, но и кислород. Чем больше воздуха будет в контакте с хранящимися грибами, тем скорее они потеряют активность. Поэтому мой (проверенный) способ заключается в том, чтобы растереть сухие кусочки грибов в порошок, а затем максимально плотно упаковать (затолкать «под завязку») в закрывающийся сосуд (например, стеклянную пробирку или баночку с крышкой). Воздуха там останется очень мало, и ваш «материал» проживет уж во всяком случае несколько месяцев даже вне холодильника. (Больше чем полгода я не проверял). В таком виде его легко дозировать. Кроме того, в таком виде он очень «невинно» выглядит, ни на какие грибы не похож и паранойю вокруг себя не стимулирует.

12. Отдельного внимания заслуживают попытки выращивать грибы в более-менее естественной среде, на дворе и на природе. Конечно, если вы не живете в субтропиках, не надо серьезно пытаться сделать это с Psilocybe cubensis, но видов, как я уже говорил, множество в любом климате. Если вы просто возьмете землю с того места, где растут нужные грибы, и перенесете ее в какое-то похожее место, то вероятность того, что грибы там вырастут, не так уж мала. Особенно если там будет побольше влаги и доступной органики. Хорошим местом для проб являются газоны и клумбы, которые постоянно удобряют и поливают. На Бали и в Таиланде так и выращивают псилоцибиновые грибы для ресторанов: переносят найденный в

природе мицелий на навозные кучи. Таким образом, можно выращивать грибы в очень широком спектре в смысле контролируемости процесса и прикладываемых усилий. Можно пророщенный мицелий закапывать в землю или навозные кучи. Можно соломенный блок, заросший мицелием, закопать. Все эти способы давали прекрасные результаты, и не раз. Пол Стаметс в «Growing Gourmet and Medicinal Mushrooms» (пожалуй, самой лучшей книги по культивированию грибов, которую я знаю) рассказывает о шикарном способе (сопровождая очень соблазнительными фотографиями): Psilocybe azurescens (один из самых активных видов) впечатывается кусочками в лист картона, и когда этот лист заселяется мицелием, он засыпается древесными стружками на земле, образуя I многолетнюю «клумбу». С этими вещами экспериментировали на сегодня гораздо меньше, чем с «домашними» и «лабораторными», поэтому здесь — широкий простор для экспериментатора.

13. После двух лет занятий этим культивированием у меня выработалось к нему устойчивое мистическое отношение. Сущность его можно выразить просто: у одних людей грибы растут, а у других — не растут. И это, на мой взгляд, прямо связано с взаимоотношениями человека с грибами и грибными трипами. Не раз я пытался давать кому-нибудь «собирать урожай» (потому что сам куда-нибудь уезжал), то есть приносил в дом и ставил готовый к плодоношению соломенный блок—в пакете, все, как полагается. Там у меня грибы начали бы расти через неделю-две, без всякого уже вмешательства... Так вот, грибы так не росли практически никогда. Среди растений я не встречал такой «тонкости». Грибы хотят расти, но не абы как и с кем.